

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Гудова Маргарита Юрьевна

Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ

24.00.01 - теория и история культуры

Диссертация на соискание ученой степени доктора
культурологии

Научный консультант
профессор, доктор философских наук
Круглова Т.А.

Екатеринбург – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧТЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ.....	40
1.1. Постграмотность как состояние современной культуры, определяющее трансформации чтения	40
1.1.1. Концепт постграмотности (М. Маклюэн) и современная эпоха	40
1.1.2. Трансформации чтения в культуре информационного общества	65
1.1.3. Изменения представлений о ценности чтения в культуре потребительского общества	80
1.2. Постграмотное чтение в социально-коммуникативной подсистеме современной культуры	94
1.2.1. Полисубъектный, де-центрированный, виртуальный «автор» в постграмотном чтении	95
1.2.2. Сенсорный и структурный полиморфизм текстов в современной культуре	102
1.2.3. «Новый виртуальный читатель» в постграмотном чтении	122
1.3. Методологические принципы исследования чтения в эпоху постграмотности	132

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ЧТЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ	152
2.1. Социокультурный фон практик постграмотного чтения.....	152
2.2. Морфологические особенности актуальных практик постграмотного чтения.....	168
2.2.1. Служебные практики учебного и профессионального чтения	171
2.2.2. Практика досугового информационно-дискурсивного чтения.....	189
2.3. Социально-организующая функция практик постграмотного чтения	207
2.3.1. Новые ценности, формируемые чтением полиморфных текстов	208
2.3.2. Идентичности, формируемые в процессе постграмотного чтения	216
2.3.3. Множественность форм художественного общения в современном постграмотном чтении.....	226
2.3.4. Институты постграмотного чтения: «библиотеки для других» и «библиотеки для себя».....	236

ГЛАВА 3. МАНИФЕСТАЦИИ ПРАКТИК ПОСТГРАМОТНОГО ЧТЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ.....	245
3.1. Манифестации постграмотного чтения сетевых полиморфных гипертекстов	246
3.1.1. Женское чтение в социальных сетях.....	248
3.1.2. Специфика интонации в полиморфных и гипертекстуальных интернет- текстах.....	264
3.2. Манифестации постграмотного чтения не-сетевых полиморфных гипертекстов.....	270
3.2.1. Постграмотное чтение полиморфного текста в Арт-проекте Кшиштофа Водички: Projekcja Weteranow Wojennych (Krakow, 2013).....	270
3.2.2. Постграмотное чтение пиктографического письма в Арт-проекте «LOGOGLYPHS» Eduardo Кас, 2006–2013.....	281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	288
Список литературы.....	293

ВВЕДЕНИЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтение является одной из основополагающих подсистем культуры. Если культура в целом представляет собой мир общения, то чтение как подсистема культуры представляет собой социокультурную коммуникативную систему, в которой главной задачей на протяжении тысячелетий являются передача, сохранение и интерпретация социокультурной информации. Чтение как социально-коммуникативная подсистема обеспечивает устойчивое существование всей системы культуры. Зародившись в далекой древности и развиваясь до наших дней, чтение меняло технику – от разглядывания отливок и развязывания узелков до проматывания текстов на экранах разнообразных гаджетов; менялись читательские навыки – от интерпретации знаков изобразительных к знакам символическим и знакам иконическим; менялись читательские идентичности – от жрецов и шаманов до «продвинутых пользователей», но *сущность чтения* на протяжении культурных эпох оставалась постоянной – *это способ освоения культурным агентом социокультурной информации, воплощенной в определенном тексте культуры.*

В начале третьего тысячелетия в связи с развитием информационной культуры и становлением информационного общества, потребительской культуры и общества потребления, одновременным существованием различных медиа, радикально изменилось отношение к книге и чтению. Все это культурным и научным сообществом стало осознаваться как ситуация, названная в культурологии и в других социально-гуманитарных науках «кризисом чтения»¹.

---

¹ См.: Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2008.

На наш взгляд, выход из кризиса может быть найден в процессе анализа чтения в новых социокультурных параметрах, названных М. Маклюэном постграмотностью².

Сегодня необходимо проанализировать чтение, в прошлом неоднократно и с разных точек зрения исследованный феномен, с точки зрения того, какие новые внешние параметры чтения задает эпоха постграмотности, как чтение в своем реальном повседневном существовании в виде культурной практики к этим условиям приспособляется и как оно в этих условиях продолжает существовать, выполняя свою главную культурную миссию – связывать людей при помощи текста и предлагать им определенные культурные модели поведения, ценности и идентичности.

Первой причиной, по которой мы приступаем к культурологическому анализу чтения, является то, что в конце XX – начале XXI века под воздействием целого ряда факторов: социокультурных, социально-экономических, политико-технологических и деятельностно-антропологических – сформировалась *новая социокультурная ситуация постграмотности, которая нуждается в фиксации и аналитическом описании, а также выведении следствий, таких как эпоха постграмотности и постграмотное чтение.*

Вторая причина, по которой мы обращаемся к исследованию чтения и делаем это в культурологически осмысленной методологии практик, – это *необходимость систематизации накопленных различными отраслями социально-гуманитарных наук знаний о чтении с точки зрения культурных процессов его реализации.* Настоятельная научная потребность системного культурологического описания навыков, снаряжения, практических задач читателей в актуальных практиках чтения, а также ценностей и идентичностей, форм самоопределения и художественного общения в практиках современного чтения, анализ чтения на фоне многообразных досуговых практик также относятся к сложнейшим и актуальным задачам культурологии.

---

² Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего. Москва, 2005. С. 96.

Третья причина, по которой мы обращаемся к исследованию чтения, – это *необходимость обоснования и содержательного наполнения понятия «практика чтения полиморфных гипертекстов»* и применения этого понятия для объяснения трансформаций, происшедших с практикой чтения, в связи с технической революцией в сфере гаджетов для чтения, возникновением нового типа мультимедийных и, шире, полиморфных, текстов в современной культуре, а также формированием нового культурно-исторического типа чтения, связанного не столько с чтением и интерпретацией традиционных книжных текстов, сколько с переходом к чтению сложных, полиморфных текстов, возникающих в современной культуре: интернет-сайтов, сетевых дневников, блогов, арт-проектов, использующих разные языки культуры.

На протяжении длительной истории культуры сформировались и сегодня сосуществуют три исторических типа чтения – рисуночное, словесно-буквенное и синтетическое компьютерное чтение. Выявить специфику функционирования этих практик в новых технико-технологических и ценностно-смысловых условиях, объяснить механизм сосуществования этих практик в условиях эпохи постграмотности, выявить законы сочетания вербальных, визуальных и мультимедийных текстов является насущной задачей изучения чтения современной культурологией.

Свое исследование мы посвящаем аналитическому описанию чтения как культурной практики, которая сложилась под воздействием потребности в сохранении, передаче и понимании культурной информации, существовала на протяжении всей истории культуры и сохраняет и утверждает необходимость существования и развития в культуре настоящего, поскольку представляет собой способ воспроизводства культуры в индивидах и поколениях.

СОСТОЯНИЕ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Тема чтения присутствует в европейских и российских социально-гуманитарных науках с момента их возникновения: в средневековой Европе – с эпохи ранних христиан и дискуссий о священных текстах, в России – с эпохи

Просвещения XVIII века, когда началось становление книжности и книжной культуры. Более того, эта тема на сегодня развивается такими отраслями социально-гуманитарного знания, как библиотековедение, книговедение, антропология чтения, социология чтения, история чтения, философия чтения, эстетика чтения, экономика чтения, педагогика. Естественно, что феномен чтения и литературная рефлексия чтения, потребность в чтении и удовольствие от чтения и многие другие аспекты чтения предстают и решаются также и в качестве литературоведческой и эстетической проблемы.

Библиотековедение как научная дисциплина осуществляется, как правило, силами ученых-библиографов и библиотековедов университетов культуры и искусств, самих библиотечных работников и менеджеров библиотечного дела на местах и в бюрократических инстанциях разных государственно-управленческих уровней. В современном отечественном библиотековедении выделяются наиболее авторитетные фигуры, такие как В. Я. Аскарова³, Маркова Т.Б.⁴, Ю. П. Мелентьева⁵, и другие. Библиотечные работники первыми ощутили на себе отток читателей из библиотек, переход читателей от услуг книговыдачи к услугам по копированию текстов, необходимость дополнения физических фондов, каталогов и услуг виртуальными электронными книгами, каталогами, услугами, а также необходимость государственного обеспечения технического переоснащения библиотек и потребность в разработке специальных государственных программ поддержки и развития чтения в России⁶. Библиотечные работники первые поставили вопрос о кризисе бумажного чтения в конце XX века и наиболее остро

³ См.: Мода в книжной культуре: границы дозволенного : сб. науч. ст. Челябинск, 2010; Чтение на евразийском перекрестке : международный интеллектуальный форум : сб. материалов форума (Челябинск, 27-28 мая 2010 г.). Челябинск, 2010.

⁴ Маркова Т. Б. Страсть к чтению: чтение и читатель в истории европейского искусства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2007. № 1. С. 77-83.

⁵ См.: Мелентьева Ю.П. Чтение: явление, процесс, деятельность. Москва, 2010; Мелентьева Ю.П. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения // Библиотечное дело. 2006. № 10. С. 2-6. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=278; Мелентьева Ю.П. Глобализационные процессы в сфере чтения: попытки осмысления // Крым-2006 : материалы конф. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=277.

⁶ См.: Национальная программа поддержки и развития чтения / Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Российский книжный союз. Москва, 2007.

озабочены происходящей в начале XXI столетия технологической революцией в чтении и ее последствиями для библиотек как институций, которые в советской культуре были ведущими в организации чтения, а сегодня уходят на периферию, конкурируя с всемирной сетью Интернет, частными электронными библиотеками и Интернет-издательствами, сталкиваясь с проблемами законодательства об электронном книгообороте, электронных библиотеках и авторских правах в сети Интернет. Именно библиотековедение представляет сегодня апокалиптическую концепцию чтения, утверждающую сужение чтения как культурной практики, уменьшение количества читателей библиотек, старение библиотечных фондов и их уменьшающееся пополнение, обветшание библиотечных зданий, сокращение числа библиотек как для взрослых, так и для детей.

Отечественное книговедение представлено наиболее авторитетными трудами как исследователей XIX – первой половины XX веков (Н. М. Лисовского, М. Н. Куфаева⁷, Н. А. Рубакина), так и современных ученых – А. А. Беловицкой⁸, Е. Мельниковой⁹, Н. А. Селиверстовой¹⁰ и других. Книговеды сегодня выражают крайнюю позицию, связывающую сущность процесса чтения с его предметом, а в качестве предмета чтения рассматривающую исключительно книгу (фолиант). «„Читать” означает “читать художественную литературу”»¹¹. Соответственно, процесс чтения редуцируется исключительно до чтения книг, тогда как чтение любых других источников информации в этой системе отсчета чтением не признается. Эту позицию разделяет часть отечественных и зарубежных исследователей, в частности Д. Бартон и М. Гамильтон¹².

Книговедение как комплексное междисциплинарное знание о книгах балансирует между философией культуры и философской антропологией, с одной стороны, и экономикой книгоиздательской деятельности и, шире,

---

⁷ См.: Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. Москва, 2004.

⁸ См.: Беловицкая А. А. Книговедение. Общее книговедение. Москва, 2007.

⁹ См.: Мельникова Е. «Воображаемая книга». Очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. Санкт-Петербург, 2011.

¹⁰ См.: Селиверстова Н. А. Книжные культуры стран СНГ и Балтии: прошлое и настоящее. Москва, 2006.

¹¹ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2008. С. 27.

¹² Barton D., Hamilton M. Local Literacies: Reading and Writing in One Community. London ; New York, 1998.

книгораспространения – с другой. Сюда же, к книговедению, относятся сюжеты, исследующие историю книжной графики, полиграфического дизайна, технологии полиграфического книжного производства, специфику бумажной и электронной книги. Иными словами, книговедение – это междисциплинарное знание, объединяющее весь массив знаний о книге и книжной культуре. Книговеды сегодня выражают также пессимистические настроения в связи с уменьшением авторитета бумажного чтения, бумажной книгоиздательской деятельности и культуры бумажной книжности в целом. Они уповают на возрастающую ценность в культуре будущего редкой книги, автографов, книг авантюрной судьбы, книг, отмеченных уникальным прикосновением автора, владельца или читателя. Ученые-книговеды настороженно относятся к новым технологиям книжного производства, таким как электронные издательства, электронное книгораспространение, а более всего к появлению электронных книжных изданий и электронных «читалок», так называемых электронных книг.

История чтения – С.Р. Фишер¹³, А. Мангуэль¹⁴, Г. Кавалло, Р. Шартье¹⁵, Л. Поластрон¹⁶ – показывает развитие процесса чтения в динамике: как развивались техники и приемы чтения при зарождении новых форм письменности, как менялись техники чтения в зависимости от материалов-носителей текста и от количества владеющих навыками чтения и письма (грамоты) людей, как изменялись не только тексты для чтения, но и субъекты чтения, как практика чтения охватывала новые земли и народы и изменялась география и этнография чтения, как уничтожались и создавались книжные собрания и библиотеки. Соответственно историки чтения выступают с позиций исторического оптимизма и в отношении новейшей электронной революции технологии чтения. Указывая на важность традиционной книги в культуре, они, прослеживая путь развития текстов от каменных стел и берестяных грамот, приветствуют появление электронных книг в качестве универсальных носителей изображений и текстов, а

---

¹³ Fischer S.R. A History of Reading. Reaktion Books. The Netherlands, 2005.

¹⁴ Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008.

¹⁵ История чтения в западном мире от Античности до наших дней. Москва, 2008.

¹⁶ Поластрон Л. Книги в огне: история бесконечного уничтожения библиотек. Москва, 2007.

также выявляют ограниченность европоцентристского взгляда в оценке социальных процессов в сфере чтения, указывая на то, что чтение в Европе, вернувшись в формат элитарной культурной практики, в качестве массовой практики распространяется в Индонезии и Океании, в странах Центральной и Южной Африки, где коренные народы прежде не имели письменности и не знали письма и чтения.

Отечественная социология чтения имеет сформировавшуюся научную школу и давние традиции изучения субъектов чтения, читательских предпочтений и социальных ролей читающей публики в России. Первые идеи в области социологии чтения были высказаны Н.Рубакиным на рубеже XIX и XX веков – об отражении в предмете чтения социальных интересов читающей публики, о повышении социального статуса и социальной активности при помощи чтения, об эмансипирующей сознание роли чтения. Современную российскую социологию чтения представляют такие ученые, как Л. Гудков, Б. Дубин, Н. Зоркая, И. Каспэ, Ю. Молок, И. Паперно, А. Рейтблат и др. Отечественная социология чтения сегодня развивается в двух аспектах: социология чтения (читателя) и социология литературы (автора и произведения). Именно эмпирической социологией чтения зафиксирован отказ массовой публики от практик досугового чтения и переход к практикам служебного или функционального чтения: смс-сообщений, инструкций, рекламы, наружной информации, сокращение количества государственных и частных библиотек; изменение характера взаимодействия с книгой – от медитации к справочной информации, от коллективных обсуждений к личному функциональному использованию. Зафиксирован и новый субъект российского чтения – средних лет городской интеллектual-менеджер с зарплатой выше среднего, имеющий автомобиль и электронную книгу и владеющий всеми видами современного чтения: «с листа», «с экрана» и «на слух».

Одной из самых влиятельных отраслей в изучении чтения является постструктуралистский феминизм и феминистская литературная критика. Постструктуралистский феминизм сложился у Ю. Кристевой и ее учениц и

последовательниц в Европе и США под влиянием идей Р. Барта и Ж. Деррида, осуществивших радикальную ревизию структурализма. В российской науке исследования женского чтения, начатые в рамках истории женщин совместно Ж. Дюби, М. Перро и Н. Л. Пушкаревой, были продолжены Г. Брандт, Е. Здравомысловой, Н. Купиной, М. Литовской, Н. Малышевой, Л.А. Мясниковой, А. Розенхольм, М. Рюткенен, И. Савкиной, В. Смеюхой, А. Темкиной, Е. Трубиной, О. Шабуровой с использованием методологий феминистского литературоведения, лингвистики, гендерной психологии, социальной философии пола и гендера, истории гендерных исследований и гендерной социологии.

Наконец, в изучении чтения проявляются различные философские подходы, прежде всего, такие как структурно-семиотический и герменевтический, феноменологический и экзистенциальный. Семиотика и герменевтика чтения, возникнув в начале XX века, продолжают поступательное развитие до наших дней: от В. Дильтея, Г. Гадамера к Г. Крессу, Ю. Лотману, П. Рикеру, У. Эко и другим.

Французский литературный критик и литературовед А. Компаньон посвятил свой труд последовательному анализу философских концепций, анализирующих классическое книжное чтение, квинтэссенцией которого является чтение художественной литературы. Вслед за А. Компаньоном мы можем все многообразие философских трактовок чтения в системе художественного общения: автор – произведение – воспринимающий разделить на три наиболее характерные: 1) при которых читатель вообще игнорируется, 2) при которых он учитывается или даже выдвигается на первый план, 3) при которых литература отождествляется с чтением.

Первая философская позиция, по мнению А. Компаньона, основывается на стремлении добиться объективного обращения с произведением как таковым, то есть, отказаться от импрессионистского критического обращения с произведением, когда обсуждаются индивидуально-личностные впечатления о произведении, «культивирующие вкус, действующие методом сочувствия», но

рассказывающие о читательских переживаниях и реакциях в процессе чтения книги¹⁷. Также данная позиция основывается на идее книги как «произведения, окруженного мистическим ритуалом», «существующего отдельно одновременно и от автора, и от читателя», «в своей чистоте автономных, закономерных и сущностных объектов»¹⁸. Эта позиция может исходить и из позитивистских, и из мистических посылок. Между тем, требование обращения к произведению как таковому вне контекста рецепции симметрично освобождает произведение и от контекста авторства. Тогда в качестве следствия проистекает, что «так же как *письмо в современном произведении не претендует на выразительность, его чтение ни от кого не требует самоидентификации*»¹⁹.

В качестве представителей этого подхода А. Компаньон называет следующих авторов: А. Франса и М. Малларме, а также представителей American New Critics и французского структурализма. Отличительной чертой данного подхода является онтологизация литературного произведения, когда произведение рассматривается не как нечто означающее, а как нечто бытийствующее: «поэма должна не значить, а быть»²⁰. В таком случае необходимо различать, чем произведение является и какие функции оно выполняет, в том числе и по отношению к читателю. Эмпирический опыт показал американским исследователям, что непосредственное и неподготовленное чтение «не справляется с текстом», отсюда они сделали вывод о необходимости пристально-внимательного чтения (close reading) и редукции читательской «ошибочной интерпретации»²¹. Идеи редукции читателя и самодостаточности текста обнаруживает А. Компаньон и во французском структурализме, где чтение предстает следованием определенным текстуальным правилам, осуществить его может лишь всеведущий компетентный идеальный *архичитатель*, «с которым конкретный читатель не может быть идентифицирован в силу ограниченности

---

¹⁷ Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. Москва, 2001. С. 165.

¹⁸ Там же С. 165.

¹⁹ Там же. С. 165.

²⁰ Там же. С. 166.

²¹ Там же. С. 168.

своих интерпретативных способностей»²². «Архичитатель – это функция текста»²³, научная дисциплина чтения и интерпретации.

Вторая философская позиция, утверждающая свободу воли и автономность читательской интерпретации, по мнению А. Компаньона, берет свое начало в сочинениях М. Пруста: «Каждый читатель, когда он читает, является своим собственным читателем. Произведение писателя – это лишь своего рода оптический прибор, предлагаемый читателю и позволяющий ему различить то, что без этой книги он, быть может, и не разглядел бы сам в себе»²⁴. Или, как говорит А. Компаньон, «читатель свободен, совершеннолетен и независим; его цель не столько понять книгу, сколько понять себя самого через посредство книги; да и книгу он может понять лишь постольку, поскольку благодаря ей понимает сам себя»²⁵.

Переводя идеи писателя М. Пруста на язык семиотики Ф. де Соссюра, А. Компаньон предлагает рассматривать текст по отношению к кодам и конвенциям литературы в качестве *речи*, а по отношению к чтению в качестве *языка*, с которым оно соотносит свою собственную речь. Книга же выступает посредником, одновременно являющимся и *речью* и *языком*, посредством которых общаются два сознания: пишущее и читающее.

Другая линия, обосновавшая легитимность проблемы чтения и читателя в современной науке, по мнению А. Компаньона, – это «феноменологическая герменевтика, связывающая любой смысл с чьим-то сознанием»²⁶. Назовем представителей немецкой традиции, развивающих эти идеи: Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Г. Гадамер.

К этой же линии, по мнению А. Компаньона, принадлежат идеи Ж.-П. Сартра и его известный труд «Что такое литература?», где ученый утверждает диалектику письма и чтения. «Процесс писания подразумевает и процесс чтения,

---

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Пруст М. Обретенное время. Москва, 1999. С. 489-490.

²⁵ Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. Москва, 2001. С. 170.

²⁶ Там же. С. 171.

они образуют диалектическое единство. Эти два взаимосвязанных акта требуют наличия как автора, так и читателя. Только их совместное усилие заставит возникнуть тот предельно конкретный и одновременно воображаемый объект, каким является творение человеческого духа. Искусство может существовать только для других и посредством других»²⁷.

Понимание чтения Ж.-П. Сартром носит диалогический, экзистенциально-психологический характер: «Чтение – это тот конкретный акт, в котором существует и литературное произведение, и сознание воспринимающего: читающий человек предвидит, ожидает. Он предугадывает конец фразы, начало следующей, очередную страницу, они должны подтвердить или опровергнуть его предположения. Процесс чтения состоит из множества гипотез, фантазий и пробуждений, радужных надежд и горьких разочарований. Читатель забегаёт вперед строки в будущее, которое частично рушится, частично утверждается по мере приближения к финалу книги, оно отступает со страницы на страницу, словно подвижный горизонт литературного пейзажа»²⁸. В концепции чтения Сартр опирается на основополагающие экзистенциальные принципы понимания мира, такие как свобода, доверие, ответственность.

Экзистенциальный принцип свободы проявляется в процессе чтения в том, что литературное произведение «никогда не преобладает над душевной жизнью читателя». Постоянным источником взаимодействия и взаимопонимания произведения автором и читателем является свобода, или великодушие. «Под великодушием я (Ж.-П. Сартр. – М. Г.) понимаю такое душевное движение, которое имеет своим началом и целью свободу. Получается, что чтение есть проявление великодушия»²⁹. Самое яркое проявление великодушия состоит в том, что «при чтении человек в определенной степени отказывается от своей эмпирической личности. Он отстраняется от ее злобы, страхов, вожделений и становится на высшую ступень своей свободы. У этой свободы абсолютной

---

²⁷ Сартр Ж. П. Что такое литература? Санкт-Петербург, 2000. С. 38.

²⁸ Там же. С. 36-37.

²⁹ Там же. С. 48.

целью становится литературное произведение, а через него – все человечество. Она складывается в безличностное требование к самой себе, к автору и к возможным читателям»³⁰. Именно великодушием и духовной свободой Сартр объясняет возможность читателя подниматься во время чтения на необыкновенную духовную высоту и переживать те состояния и чувства, которые недоступны большинству людей в обыденной жизни.

Экзистенциальный принцип ответственности в процессе чтения проявляется в отсутствии произвола по отношению к автору, произведению и его смыслу со стороны читателя: «Произведение предстает как задача, которую необходимо решить, и этим сразу возвышается до уровня ультимативного императива. В вашей власти оставить эту книгу лежать на столе. Но если вы ее открываете, то берете на себя ответственность за это. Ибо свобода ощущается не в свободном субъективном действии, а в творческом акте, вызванном императивом. Это трансцендентный и в то же время добровольно воспринятый императив. Именно такая абсолютная цель, взятая на себя самой свободой, и есть то, что мы называем ценностью. Произведение искусства можно считать ценностью, потому что оно есть императив»³¹.

Последовательно раскрывая диалогическую, экзистенциально-психологическую интерсубъективную природу чтения, Сартр замечает, что в плане социологии чтения нельзя не увидеть, как в обыденной жизни «чтение превратилось в средство информации, а письмо стало довольно распространенным средством связи»³².

К феноменолого-экзистенциальному пониманию чтения можно отнести и идеи, развиваемые такими отечественными литературоведами, как Б. О. Корман, М. М. Бахтин и их последователями.

Из научного наследия Б.О. Кормана проблеме чтения и читателя посвящены две статьи – «Автор литературного произведения и читатель» и «О целостности

---

³⁰ Там же. С. 203.

³¹ Там же. С. 66.

³² Там же. С.78.

литературного произведения»³³. В этих статьях Б. О. Корман выступает единомышленником Ж.-П. Сартра, которого интересует структура художественного общения между автором – произведением – воспринимающим: «Чисто литературоведческий подход к читателю предполагает соотнесенность читателя с автором как носителем концепции произведения, неким взглядом на действительность, выражением которого является все произведение в его целостности. Такой автор предполагает и соответствующего читателя – не эмпирического, а концепированного. Носитель концепции предполагает читателя, который ее адекватно воспримет, на которого она и рассчитана. Этот читатель есть элемент не эмпирической, а особой, эстетической реальности. Он формируется произведением, создается, компонуется им. В этом акте созидания читателя принимают участие все компоненты, все уровни эстетического целого.

Процесс восприятия произведения реальным, биографическим читателем есть процесс формирования читателя как элемента эстетической реальности. Реальному читателю произведение “навязывает” известную позицию. Процесс восприятия (чтения) есть процесс превращения реального читателя в читателя концепированного»³⁴.

Большое внимание особенностям художественного диалога в процессе чтения уделял М.М. Бахтин. Он писал, что «произведение, как и реплика диалога, установлено на ответ другого (других), на его активное ответное понимание, которое может принимать разные формы: воспитательное влияние на читателей, их убеждение, критические отзывы, влияние на последователей и продолжателей и т. п.; оно определяет ответные позиции других в сложных условиях речевого общения данной сферы культуры»³⁵. М.М. Бахтин рассматривает произведение в

---

³³ См.: Корман Б. Автор литературного произведения и читатель // Избранные труды. Теория литературы / Б. Корман. Ижевск, 2006. С. 209-212; Корман Б. О целостности литературного произведения // Избранные труды. Теория литературы / Б. Корман. Ижевск, 2006. С. 218-220.

³⁴ Корман Б. Автор литературного произведения и читатель // Избранные труды. Теория литературы / Б. Корман. Ижевск, 2006.

³⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва, 1979. С. 268.

качестве «звена в цепи речевого общения»³⁶. Произведение не только диалогично внутри (диалог Автора и Героя, Героя и персонажей, Читателя и персонажей, Читателя и Автора), но оно интертекстуально – «оно связано с другими произведениями — высказываниями: и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают; в то же время, подобно реплике диалога, оно отделено от них абсолютными границами смены речевых субъектов»³⁷.

Наконец, третье направление философии чтения в эстетике XX века, отстаивающее, по мнению А.Компаньона, читательскую самостоятельность и интерпретативную активность в процессе чтения – это рецептивная эстетика Констанцской школы (Вольфганг Изер и Ханс Роберт Яусс), американская теория уважения читателя (Reader Response Theory – Стенли Фиш и Умберто Эко), французский постструктурализм (Р.Барт в «S\Z» и другие). Главный вопрос всех этих теорий, по мнению А.Компаньона, «*вопрос о свободе, предоставляемой текстом читателю*»³⁸, который выступает отправной точкой для рассматриваемых проблем. Это вопрос о том, насколько читатель свободен, пересоздавая в своем воображении читаемое произведение. Именно представители данной школы сделали возможной идею рождения читателя как активной сотворческой стороны художественного общения.

К этой же линии понимания чтения А. Компаньон относит толкование «чтения как решения загадок» – «герменевтический код» Р. Барта, Ю. Лотмана, У. Эко, – словом, всю структурно-семиотическую традицию интерпретации чтения.

Исходя из проделанного обзора философии чтения и теории чтения в литературоведении, мы должны сказать, что при всех различиях в этих теориях наблюдаются общие черты: все учения исследуют процессы чтения художественного литературного произведения, особую позицию автора и читателя и их взаимоотношения по поводу этого произведения. Между тем, задача исследователя чтения сегодня состоит в том, чтобы преодолеть

---

³⁶ Там же. С. 359.

³⁷ Там же. С. 263.

³⁸ Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. Москва, 2001. С. 172.

представление о чтении как о деятельности по восприятию и интерпретации исключительно произведений художественной литературы.

С возникновением информационного общества и общества потребления в исследовании чтения возникают новые повороты. Каждый из них тесно взаимодействует со структурно-семиотическим пониманием культуры и текста. Одним из них является междисциплинарное исследование электронного чтения, институций чтения в Интернете, особенностей существования электронных библиотек и электронной литературы. Среди ученых, которые исследуют электронное чтение, необходимо назвать Г. Гусейнова³⁹, С. Корнева С. Кузнецова⁴⁰, К. Ю. Мьера⁴¹, А. Рейтблата⁴², М. Самохину⁴³, В. Сонькина⁴⁴, Р. Шартье⁴⁵, У. Эко⁴⁶. Эти авторы исследуют электронное чтение с позиций научно-технического оптимизма в рамках социологии и антропологии чтения. Они выделяют новые аспекты в исследовании чтения, почти не пересекаясь с прежней мыслительной традицией. Они исходят из исследовательских программ, заданных трудами М. Маклюэна, М. Кастельса, Г. Рейнгольда, О. Тоффлера и других основоположников философии Медиа.

Особенностью данной философской традиции является интерпретация чтения как взаимодействия читателя с текстом. Не случайно поэтому, что одним из основоположников структурно-семиотического толкования Медиа является У. Эко. Представители данного подхода апеллируют к тексту как смысловой

³⁹ Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>

⁴⁰ См.: Кузнецов С. Ощупывая слона: Заметки по истории русского Интернета. Москва, 2004. С. 11.

⁴¹ Мьер К. Ю. Он-лайн библиотека и классический литературный канон в постсоветской России. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/m32.html>

⁴² Рейтблат А. И. Комментарий в эпоху Интернета // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/re8.html>

⁴³ Самохина М.М. Молодые читатели в Интернете. (Наблюдения социолога) // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/sa26.html>

⁴⁴ Сонькин В. Отцы и дети в Интернете // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main9.html>

⁴⁵ Шартье Р. Книга уходит из нашей жизни? Читатели и чтение в эпоху электронных текстов. URL: <http://inauka.ru/analysis/article86905?subhtml>; Шартье Р. Читатель в постоянно меняющемся мире. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/sh6.html>

⁴⁶ Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php

знаковой системе, а не к его материальному носителю. Оторвав однажды понятие «текст» от понятия «книга», структуралисты-семиотики решили сущностную задачу поиска содержательных оснований, а не внешних явлений культуры. В 1970–80-х годах они расширили границы текста за пределы словесности, включили в текст культуры визуальность и другие материальные знаковые формы.

В информационную эпоху структурно-семиотический подход, для которого онтологической единицей знаково-символической реальности является знак, а способом существования – текст, стал основным для объяснения и позитивного понимания процессов, происходящих в культуре, где письменные, аудиальные и визуальные тексты и способы коммуникации одновременно и вступили в конкурентную борьбу, и слились в едином информационном потоке виртуальной реальности. Только лишь признавая любые разновидности сообщений коммуникацией, а совокупность любых знаков текстом, а также признавая равноправие текстов, созданных при помощи разных материальных носителей и культурных кодов, мы можем разрешить главный вопрос современной ситуации чтения – что будет с книгами и чтением в электронную эпоху? – в позитивном ключе. Труды Р. Барта, Г. Кресса, Ю. Лотмана, У. Эко и их последователей дают нам для этого достаточно оснований.

Такие мыслители, как М. Бланшо⁴⁷, П. Байяр⁴⁸, Д. Угрежич⁴⁹ выявляют внутренние противоречия чтения и устройства читателя, провокативным образом отрицая влияние процессов чтения и значимость фигуры читателя.

Теория и история культуры как наука, дисциплинарно оформившаяся намного позже, чем сформировалась проблематика чтения и оформились основные подходы к исследованию чтения, до сих пор находится в поиске своего специфического дискурса в исследовании чтения. Л. Закс пишет, что «в

⁴⁷ Бланшо М. От Кафки к Кафке. Москва, 1998.

⁴⁸ Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали. Москва, 2012.

⁴⁹ Ugresic D. Thank You for Not Reading. Breda, 2003.

культурологическом дискурсе все начинается с культуры»⁵⁰. Это означает, что на систему чтения культурология должна посмотреть как на подсистему культуры с точки зрения того, как процессы, происходящие в культуре в целом, отражаются на процессах чтения как одной из подсистем культуры. Для культурологической науки сегодня необходимо установить, какие новые черты приобрело чтение в современной культурной ситуации, выявить, являются ли накопленные изменения ведущими к формированию нового культурно-исторического типа чтения. Затем осуществить обратное интеллектуальное движение и посмотреть, что нового в систему культуры вносит подсистема современного чтения, как изменяются в современной культуре механизмы, ценности и идентичности, характеризующие чтение. Наконец, уточнить, как культурная практика чтения влияет на современную социальность.

Таким образом, мы видим, что многочисленные и глубокие исследования чтения в философии, теории и истории культуры и эстетики посвящены, как правило, исследованию классического книжного чтения и особенностей его коммуникативной организации: взаимоотношений автора – произведения – читателя. Исследование новых полиморфных форм чтения является новой и самостоятельной отраслью знания, методологически и предметно лишь частично пересекающейся с исследованиями книжного чтения. Как с прикладной точки зрения – для объяснения особенностей современной культуры и современного чтения, так и с теоретической точки зрения назрела насущная необходимость объяснить многообразие одновременно и параллельно существующих форм чтения как отличительную особенность современной культуры; необходимость разработки содержательного наполнения и использования в качестве методологических оснований объяснения таких понятий, как постграмотность, эпоха постграмотности и постграмотное чтение, а также культурная практика и полиморфизм текста.

---

⁵⁰ Закс Л. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Социология: современность и перспективы. Екатеринбург, 2013. С. 153.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект исследования – чтение как феномен культуры в эпоху постграмотности.

Предмет исследования – практики чтения в эпоху постграмотности, их функции в современной культуре.

ЦЕЛЬ РАБОТЫ: системно-функциональный культурологический анализ чтения в эпоху постграмотности.

Этим определяются **ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ РАБОТЫ:**

1. Разработать методологическую модель культурологического анализа чтения: взять за основу системное культурологическое видение, включающее в себя историко-типологический, структурно-функциональный, историко-морфологический, структурно-морфологический, дискурсивный, аксиологический и институциональный подходы, а также культурологически переосмысленную теорию практик;
2. Определить параметры культурологического анализа современного культурно-исторического типа чтения и осуществить концептуальный анализ понятий грамотности и постграмотности;
3. Выявить и охарактеризовать отличительные особенности культуры в эпоху постграмотности в качестве фона для современных практик чтения;
4. Выработать методику построения эмпирической модели системы постграмотного чтения как системы культурных практик: описание снаряжения, практических навыков, практических целей агентов, способов построения идентичности, трансформации ценностей, формирования институций чтения;
5. Создать морфологию основных видов постграмотного чтения, характерных для современной культуры: определить основания структурирования культурных практик чтения, выявить параметры их сравнения;
6. Дать культурологическую характеристику нового постграмотного культурно-исторического типа чтения в сравнении с традиционным бумажным знаково-вербальным чтением с опорой на особенности

социально-коммуникативной подсистемы современной культуры: авторы – тексты – читатели;

7. Проанализировать социально-организующие функции практик постграмотного чтения: преобразование ценностей, изменение идентичностей, усложнение форм общения, создание новых институций в современной культуре;
8. Вычленить многообразие и раскрыть особенности манифестаций постграмотного чтения полиморфных сетевых и не-сетевых гипертекстов, созданных в современной культуре.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Наиболее общей интеллектуально-теоретической рамкой для построения нашей концепции является *системно-культурологический подход*, исходящий из понимания культуры как системного целого со своими закономерностями, структурами, процессами и свойствами, так или иначе определяющего состояние, функционирование и эволюцию конкретных его подсистем, компонентов и элементов, в нашем случае – практик современного чтения. Вслед за М.С. Каганом мы рассматриваем культуру как систему взаимодействий субъектно-субъективных и объектно-объективных подсистем или человеческой, предметной и функционально-деятельностной модальностей культуры⁵¹. С этой точки зрения, культура, семиотически понимаемая как текст, 1) есть нечто предметное, то есть способное существовать независимо от сознания и определяющее условия существования субъекта, живущего сегодня в мире разнообразных текстов; 2) с точки зрения функциональной модальности создает у субъекта культуры потребность декодировать текстовые сообщения, то есть «читать» их; 3) в то же время культура, взятая в ее человеческой модальности, предстает перед нами как *грамотность – способность субъекта культуры «читать» и «писать», а в широком смысле слова – создавать и декодировать тексты культуры*. Наша

---

⁵¹ Каган М.С. Философия культуры. Санкт-Петербург, 1996. С. 45.

задача – рассмотреть, каким образом существует в современной культуре данная подсистема: тексты – чтение – грамотность. Системно-культурологическая интеллектуальная рамка задает последовательность нашего исследования: глава 1 описывает проблему современной человеческой модальности культуры – «грамотность», глава 2 исследует конкретные особенности функционирования – «практики чтения», глава 3 анализирует специфику предметной модальности современной культуры чтения – «тексты, манифестирующие новое чтение».

При разработке методологии анализа чтения с точки зрения человеческой модальности культуры исходными теоретико-методологическими основаниями стали представления М. Маклюэна о постграмотности как определенной социокультурной эпохе, определившей временные рамки интересующего нас феномена (60-е годы XX века – начало XXI века), а также дискуссии о различных формах современной грамотности его последователей, таких как П. Албертс, Н. Гендина, В. Григорьев, Б. Дюмон, И. Колесникова, Е. Кузьмин, К. А. Миллс, А. Роджерс, Дж. Сандерс, развивающих данный концепт в тематически-смысловых полях философии языка, образования, периодизации культуры.

Анализ концепта «постграмотность» в текстах книг и статей выше указанных авторов был проделан на основе методологических установок, высказанных Л.Г. Бабенко, В.В. Карасиком, Д.С. Лихачевым, А.М. Плотниковой, Ю.С. Степановым. Это позволило обосновать и ввести концепты «постграмотность», «эпоха постграмотности», «постграмотное чтение».

Для описания функционирования социально-коммуникативной системы практик постграмотного чтения в системном взаимодействии с объектно-объективной и субъектно-субъективной формами бытия культуры мы опирались на диалогическую концепцию культуры, идеи о неразрывности процессов письма и чтения в культуре М.М. Бахтина, П. Байяра, В. Библера, М. Бланшо, Э. Гуссерля, Г. Гадамера, А.Ф. Еремеева, Л.А. Закса, М.С. Кагана, Б.О. Кормана, Г. Кресса, Ю.М. Лотмана, М. Маклюэна, Ж.-П. Сартра, У. Эко.

В качестве основного методологического принципа, позволяющего упорядочить разнообразный эмпирический материал социально-гуманитарных наук о современном чтении как функционально-деятельностной стороне социально-коммуникативной подсистемы культуры и его особенностях в условиях эпохи постграмотности, мы используем теорию практик, разработанную П. Бурдьё. От других методов исследования теории практик отличаются интересом к микроуровню культурных процессов. Согласно установкам П. Бурдьё, *культурные практики имеют статус события, изменяющего социальный мир*. Таким образом, теории практик имеют важное методологическое преимущество перед традиционными объективистскими моделями. Теория практик существенно дополнена представлениями о дискурсивных практиках М. Фуко, принципами деконструкции Ж. Деррида, «женского» чтения Ю. Кристевой и анализа идентичностей в эпоху «изменчивой современности» З. Баумана. Это позволяет создать многоуровневую культурологическую эмпирическую модель практик постграмотного чтения (описать социально-коммуникативную подсистему культуры) в единстве таких характеристик, как снаряжение, навыки, практические задачи, идентичности, ценности, формы общения и институции.

Структурно-морфологический подход был использован для сравнительного описания и систематизации практик чтения, сосуществующих в современной культуре. При разработке представлений о морфологии современного постграмотного чтения определяющими научную позицию работами стали труды о языках культуры, текстах, созданных на этих языках, и средствах трансляции текстов – посредниках, исследователей социальной и дискурсивной семиотики, таких как Ю. Лотман, Teun A. van Dijk, G. Kress, R. Leite-Garcia, Theo van Leeuwen, B. Cape, M. Kalantzis, J. M. Swales. В создании исторической морфологии нам помогли труды исследователей истории, социологии и антропологии чтения: Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, Б. Дубина, М. Загидуллиной, Н. Зоркой, К. Кавалло, А. Мангуэля, Ю. Мелентьевой, А. Рейтблата, С. Фишера, В. Ученовой, Р. Шартъе.

Для разработки методологии исследования предметной модальности культуры чтения во всем многообразии полиморфных текстов в современной культуре, причин и процессов появления и функционирования таких текстов в сетевой и не-сетевой среде использованы семиотический и морфологический методы, а также принципы постструктуралистской феминистской критики. При обращении к феномену полиморфных текстов и «женского» чтения концептуальными источниками для нас явились труды Ж. Деррида, Л. Иригарэ, И. Жеребкиной, Ю. Кристевой, И. Савкиной, Э. Сиксу, Ш. Фельман, М. Фуко.

В результате проделанной методологической работы системно-культурологический подход был существенно уточнен и конкретизирован в соответствии с особенностями и спецификой предмета исследования, стратегической целью – системно-функциональным описанием практик постграмотного чтения, а также тактическими исследовательскими задачами.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА исследования:

Проведен системно-функциональный анализ чтения как феномена культуры в эпоху постграмотности:

1. *Создана методологическая модель культурологического анализа чтения.* За основу взято системное культурологическое видение чтения, включающее в себя историко-типологический, структурно-функциональный, историко-морфологический, структурно-морфологический, дискурсивный, аксиологический и институциональный подходы, а также культурологически переосмысленную теорию практик; чтение исходно определено как социально-коммуникативная подсистема культуры.
2. *Выработана методика построения эмпирической модели системы постграмотного чтения как системы культурных практик:* описано снаряжение, практические навыки, практические цели агентов, способы построения идентичности, трансформации ценностей, формирование институций чтения. *Социально-коммуникативная система практик чтения впервые явилась предметом специального культурологического анализа*

3. Из многообразия подходов к исследованию практик выделено две идеи, которые дают понимание *единства прагматического осмысления* феномена чтения: *«фонový» характер* и *«раскрывающая» способность практик*. Чтение рассмотрено на фоне разнообразия досуговых культурных практик в современной России. Обнаружено и доказано, что все *фонové культурные практики* мы можем разделить на конкурирующие с практикой чтения (чтение/чтение), *сопутствующие* практике чтения (чтение-манипуляция/чтение) и *поддерживаемые /поддерживающие* культурную практику чтения (чтение-действие/чтение)
4. В методологии анализа чтения как практики в эпоху постграмотности проанализированы такие атрибуты практики окказионального, служебного и досугового чтения, как *снаряжение, практические задачи, программы и навыки читателя*, что характеризует культуру данных видов практик чтения; выявлено *радикальное изменение снаряжения (в том числе программ)* для чтения, *морфологическое многообразие (полиморфизм)* текстов для чтения и *разнообразие и усложнение, комбинаторный характер навыков* чтения современных читателей
5. Проведен культурологический анализ *социально-организующей роли практик* постграмотного чтения. В культурной практике постграмотного чтения выявлен онтологический сдвиг, состоящий в изменении способов существования читателя и его взаимодействия с текстом
6. Охарактеризованы социокультурные трансформации, произошедшие в эпоху постграмотности: *ценностный сдвиг* от чтения логоцентрических текстов патриархальной культуры к полиморфным текстам эпохи постграмотности; изменение *модели построения идентичности*: присвоение идентичности, конструирование идентичности, конструирование виртуальной мульти-идентичности; выявлены *формы самоопределения личности* в процессах постграмотного чтения: экзистенциальное самоопределение, самоопределение в пределах

социального статуса, постоянно верифицируемое и подтверждаемое самоопределение в авторитетных сообществах в социальных сетях

7. Выявлены параметры сравнения различных культурных практик чтения, *ставшие основаниями морфологического структурирования чтения в современной культуре: языки культуры, средства трансляции языка и функциональное предназначение текста*
8. *Определены хронологические и содержательные параметры культурологического анализа современного культурно-исторического типа чтения в виде понятий грамотность и постграмотность. В отечественную теорию и историю культуры введен концепт постграмотность, семантика которого сформировалась внутри англо-американской философии языка, медиа и образования. Осуществлен концептуальный анализ понятий грамотность и постграмотность, а также описание феноменов грамотности и постграмотности как подсистем культуры. Концепт постграмотности использован для раскрытия устойчивых и закономерных связей между множественностью языков культуры, полиморфностью текстов, характером чтения и социокультурным функционированием индивида-читателя в современной культуре*
9. *Обосновано понятие эпохи постграмотности. В силу того, что такой признак современной культуры, как постграмотность, проявляется и на уровне качества субъектов и их субъективности, и в отношении субъектов культуры к текстам, содержащим культурную информацию, и на уровне характеристики текстов – универсальных носителей информации, запечатленной субъектами в текстах, и на уровне технико-технологических средств, используемых в коммуникационных процессах субъектами современной культуры, отрезок культурной истории, когда произошел системный сдвиг социокультурных качеств чтения, мы называем эпохой постграмотности*

10. Дано расширительное *определение чтения* в эпоху постграмотности: чтение – это универсальный способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры. Выявлен и проанализирован возникающий в эпоху постграмотности особый *культурно-исторический тип постграмотного чтения*, основанный на полиморфизме текстов, на мультимедийных технологиях как основном канале трансляции текстов и на смешении всех способов чтения: визуального, аудиального и сенсорного в едином мультимедийном чтении
11. *Культурно-историческому типу постграмотного чтения дана культурологическая характеристика* с точки зрения социально-коммуникативной подсистемы современной культуры: авторы – тексты – читатели, в сравнении с традиционным бумажным знаково-вербальным чтением
12. Выявлены соотношения и зависимости между *новыми технико-технологическими средствами создания текстов и чтением*. Возникают *новые качества*: тексты становятся мультимедийными, интерактивными, полиморфными, гипертекстами, а *чтение* – не только книжным, газетно-журнальным, но и наряду с этим экранным и мобильным, *мультимедийным, интерактивным, гипертекстуальным*
13. *Проблематизирован* с позиций концепции постграмотного чтения сложившийся в истории культуры к настоящему моменту *полиморфизм культурных текстов* (одновременное сочетание визуальных, аудиальных и сенсорных элементов в одном тексте). Выявлены *смысловые и интонационные особенности восприятия* полиморфных текстов современной культуры в практике постграмотного чтения; осуществлен *анализ манифестаций* практик постграмотного чтения, в том числе и в современном искусстве.

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ:

1. Чтение – это универсальный способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры как текста. Социокультурная система чтения есть система практик. Практики чтения на уровне индивида есть процесс извлечения значений и смыслов из различных текстов культуры, на уровне культуры – способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры, на метауровне – способ функционирования культуры как текста
2. Практики чтения имеют свои *морфологические особенности*, определяемые факторами языка – текстов – медиа – социокультурными функциями. Сравнение морфологических особенностей практик современного чтения является основанием для эмпирической структурно-морфологической и историко-морфологической модели практик постграмотного чтения в современной культуре
3. *Социокультурным фоном практик* чтения является современная культура информационного и потребительского общества, в которой особую роль приобретают практики информационного досуга и развлечений
4. Постграмотность как культурный феномен – *это одновременное сосуществование и востребованность всех форм информационно-коммуникативной грамотности*, выработанных на протяжении истории культуры к настоящему моменту, включая грамотность в отношении языков культуры, грамотность в отношении использования медиа, грамотность создания и восприятия текстов культуры. Постграмотность как характеристика человеческой модальности культуры – это культура созидания и освоения многообразных текстов на основе традиционных и современных средств воплощения и передачи информации. Постграмотное чтение – это социокультурная система практик извлечения значений и смыслов из совокупности разной природы знаков в мультимедийных сетевых и полиморфных не-сетевых гипертекстах культуры
5. Эпоха постграмотности – это культурно-исторический отрезок времени, границей которого стал *системный сдвиг социокультурных качеств чтения*

и, как следствие, качеств субъектов культуры. Эпоха постграмотности характеризуется различными сферами реализации грамотности (лингвистическая, визуальная, телевизионная, медийная) и продуктами грамотности (книга, фильм, танец, статистическая таблица, электронное табло, диаграмма, и прочее). В плане социальной прагматики это означает *эффективный доступ к социально значимой информации*, когда способность к обработке и освоению многоканальной информации становится важнейшим квалификационным качеством субъекта культуры

6. Между свойствами постграмотных практик чтения и *обновлением социально-организующей роли чтения в культуре* существует взаимозависимость, следствием которой является преодоление логоцентризма патриархатной классической системы чтения, конструируется виртуальная мультиидентичность, осуществляется постоянно верифицируемое и подтверждаемое в авторитетных сообществах в социальных сетях самоопределение
7. Сущность трансформации культурных практик чтения, их содержания и роли в эпоху постграмотности состоит в следующем: переход от преимущественно книжного, газетного и журнального чтения к чтению экранному и мобильному; переход от задач социального продвижения к социальному самоопределению, от образования к креативному труду и /или развлечению, от устойчивых идентичностей к ускользающим и постоянно конструируемым, от патриархатных ценностей логоцентризма к полиморфизму; усложнение культурного фона чтения, в котором чтению приходится конкурировать с одними практиками (просмотром телепередач), развиваться параллельно с другими (креативным трудом, общением и развлечением с использованием компьютерной техники), поддерживать и быть поддержанным третьими (путешествиями и их описаниями)
8. Манифестациями нового нелогицентрического постграмотного чтения являются мультимедийные тексты и гипертексты сетевой реальности:

сайты, блоги и полиморфные гипертекстуальные продукты не-сетевой реальности: арт-проекты.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ определяется ВОЗМОЖНОСТЬЮ:

- использовать предлагаемую социокультурную модель чтения в качестве исследовательской программы;
- применять методики, положения и выводы в дальнейших теоретических исследованиях сущностных особенностей культуры в эпоху постграмотности как одной из многообразия возможных спецификаций модерности;
- осуществить на основе культурологического осмысления культурной практики чтения и ее трансформаций в культуре эпохи постграмотности обновление курсов по теории и истории культуры, эстетике, социологии культуры, теории медиа-культуры и современных арт-практик;
- положить в основу социокультурного прогнозирования и моделирования процессов развития культуры в современном российском обществе предложенную модель чтения как социально-коммуникативной подсистемы культуры.

СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ гарантируется изучением как фундаментальной, так и дискуссионной научной литературы, последовательным применением выработанной культурологической методологии исследования, культурологическим движением от общих идей о структурно-функциональных и содержательных характеристиках современной культуры к анализу проблем современной формы грамотности (постграмотности), а также к конкретным характеристикам современных множественных культурных практик чтения и наконец, описанию различных манифестаций современных практик чтения.

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ состоялась в процессе чтения лекционных и специальных курсов по «Культурологии. Истории и теории мировой культуры», «Основам эстетики и этики», «Эстетике и этике рекламы», «Социологии искусства», «Институциям современной художественности», «Истории и методологии социально-гуманитарных наук», в процессе разработки мультимедийных интерактивных учебных курсов для смешанного и открытого образования по «Культурологии. Истории и теории мировой культуры», «Основам эстетики и этики», «Информационной этике», «Светской и религиозной этике».

Идеи, высказанные в данном исследовании, частично были использованы в процессе разработки в составе группы ученых концепции развития культуры Свердловской области на 2015–2020 годы.

Обсуждение промежуточных и итоговых результатов исследования состоялось на следующих научных конференциях: International Scientific Conference “Worldwide trends in the development of education and academic research”. Sofia, 2015; International Scientific Conference “Revision of Modern Aesthetics”. University of Belgrade, Faculty of Architecture. Belgrade, 2015; Научно-практическая конференция «Чтение в XXI веке: традиции и тенденции (к 115-летию Свердловской областной универсальной научной библиотеки им В.Г. Белинского)». Екатеринбург, Май 2014; International Conference in Education and Society Science 2014. 3-5 February. 2014, Istanbul, Turkey; 19th International Congress of Aesthetics. “Aesthetics in action”. Krakow, 2013, Poland; «Культурні трансформації в синхронії та діячності: теорія і практика» (до 20-річчя кафедри культурології). Міжнародної наукової конференції 24-27 вересня 2012 р., Национальный университет «Кієво-Могилянська Академія», м. Київ, Україна; Культурологические чтения 2012 «Культурное наследие и перспективы социокультурного развития России: визуальные формы межкультурных коммуникаций – прошлое и настоящее», УРФУ, Екатеринбург, 3-6 апреля 2012; «Креативность в пространстве традиции и инновации. Третий Российский

Культурологический Конгресс с международным участием. 27-29 Октября 2010, Санкт-Петербург, Российский институт Культурологии; «Современная молодежь и проблемы жизненных ценностей: философский и научно-культурологический анализ», 15-16 апреля 2010, Киев, Украина, Киевский Национальный лингвистический университет; «Философия и будущее цивилизации». Четвертый Российский философский конгресс. МГУ, Москва, 2005 и на многих других. Всего около 60 конференций за последние 10 лет.

Текст диссертации и автореферата неоднократно обсуждался на заседаниях кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры ИСПН УрФУ.

Подготовка и публикация ряда статей и глав в монографии была поддержана в рамках выполнения следующих Грантов:

- Госконтракт № П433 от 12.05.2010 г. В рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы» «Нравы как социокультурный феномен в модернизирующейся России».
- НИР «Множественная модерность мультикультурной Евразии (в рамках проблематики УрМИОНа) согласно договору № 6.1006.2011 (УрФУ). Фундаментальные исследования. Направление «Общественные и гуманитарные науки».

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Гудова М. Ю. Праздничность как свойство мироотношения в женских глянцевах журналах / М. Ю. Гудова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С.41-47.
2. Гудова М. Ю. Постграмотность как актуальная проблема современной культуры / М. Ю. Гудова // Образование и наука. Известия УрО РАО : журнал теоретических и прикладных исследований. 2011. № 9 (88). С. 69-78.

3. Гудова М. Ю. Современное чтение как деятельность, культурная практика и социальный институт / М. Ю. Гудова // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 30, вып. 22: Философия. Социология. Культурология. С. 100-104.
4. Гудова М. Ю. Чтение женских глянцевого журналов и трансформация нравов женского читательского сообщества: опыт модернизации в странах Юго-Восточной Азии / М. Ю. Гудова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8, ч. 3. С. 76-79.
5. Гудова М. Ю. Постграмотность как массовый социокультурный эффект / М. Ю. Гудова // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 212-214.
6. Гудова М. Ю. Культурная практика досугового чтения в современной информационной культуре / М. Ю. Гудова // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 374-376.
7. Гудова М. Ю. Чтение на фоне разнообразия досуговых культурных практик / М. Ю. Гудова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1, ч. 2. С. 63-68.
8. Гудова М. Ю. Интернет-чтение как новая форма социальной организации чтения / М. Ю. Гудова // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 1 (38). С. 237-240.
9. Гудова М. Ю. Границы методологической применимости понятий интерсубъективность и интертекстуальность при анализе произведений временных невербальных искусств / М. Ю. Гудова, М. В. Матушкина // Европейский журнал социальных наук (European Journal of Social Science). 2014. Т. 1, № 2. С. 306-309 (авторские не разделены).

10. Гудова М. Ю. Постграмотное чтение пиктографического письма в арт-проекте «Logoglyphs» Эдуардо Каса, 2006-2013 / М. Ю. Гудова // Мир науки, культуры и образования. 2014. № 5 (48). С. 273-275.
11. Гудова М. Ю. Чтение в культуре общества потребления / М. Ю. Гудова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2014. № 3 (131). С. 105-112.
12. Гудова М. Ю. Постграмотное чтение: актуальность определения понятия / М. Ю. Гудова // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 33: Философия. Социология. Культурология. 2014. № 17 (346). С. 130-132.
13. Гудова М. Ю. Женское чтение в социальных сетях / М. Ю. Гудова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 4 (132). С. 94-100.
14. Гудова М. Ю. Чтение как культурная практика: обоснование методологии исследования / М. Ю. Гудова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 3 (39). С. 82-88.
15. Гудова М. Ю. Многообразие форм художественного общения в современном чтении / М. Ю. Гудова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 239-244.
16. Gudova M. The Women's Reading in Social Network / M. Gudova // International Conference on Education and Social Science (INTCESS). Istanbul, 2014. P. 1009-1011.

Монографии:

17. Гудова М. Ю. Интонация: духовные истоки и художественные смыслы : научная монография / М. Ю. Гудова. Екатеринбург : АМБ, 2004. 207 с.
18. Гудова М. Ю. Пространство жизни семьи: внутренняя драматургия дома / М. Ю. Гудова, И. Д. Ракипова // Семья: между насилием и толерантностью :

коллективная монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 173-180 (авторские не разделены).

19. Гудова М. Ю. Советский шик и российский гламур: ценности и репрезентации / М. Ю. Гудова // Советское прошлое и культура настоящего : монография / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С. 39-54.

20. Гудова М. Ю. Женские глянцевого журналы: хронотоп воображаемой повседневности: научная монография / М. Ю. Гудова, И. Д. Ракипова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 238 с. (авторские разделены: 12/3 п.л.).

21. Гудова М. Ю. Чтение как культурная практика повседневности в современной России: к вопросу о методологии исследования / М. Ю. Гудова // Культурологическое измерение феномена повседневности : научная монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 210-229.

22. Гудова М. Ю. Гендерные нравы и женское чтение: опыт прерванной модернизации / М. Ю. Гудова // Нравы как социально-культурный феномен: проблема модернизации в современной России : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 145-184.

Другие издания:

23. Гудова М. Ю. Коммерциализация женской повседневности (на примере ритуала ухаживания, помолвки и свадьбы) на страницах журнала «Свадебный вальс» [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова. Режим доступа: <http://www.genderstudies.info>.

24. Гудова М. Ю. К вопросу об онтологических аспектах художественной интонации / М. Ю. Гудова // Онтология искусства : сборник научных статей. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2005. С.147-162.

25. Гудова М. Ю. Достойные образы достойной старости: «глянец» и действительность / М. Ю. Гудова, И. Д. Ракипова // Образ достойной жизни в

современных российских СМИ : сборник научных статей. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 256-270 (авторские не разделены).

26. Гудова М. Ю. Политика, маскарад и повседневность в фото проекте JR Women are Heroes [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова, Н. А. Хисматулина // Гендерные исследования. 2010. № 20/21. С. 383-393. Режим доступа: http://intelros.ru/pdf/gender_issledovaniya/2010_20-21/25.pdf (авторские не разделены).

27. Гудова М. Ю. Хронотоп глянцевого журнала как механизм вытеснения советских экзистенциальных структур идентичности и формирования идентичности постсоветского человека [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова // International Journal of Cultural Research. 2011. № 1. Режим доступа: culturalresearch.ru.

28. Гудова М. Ю. Современное популярное чтение и проблема взаимодействия «своего» и «чужого» в актуальной российской культуре [Электронный ресурс] / М. Ю. Гудова // International Journal of Cultural Research. 2011. № 2. Режим доступа: culturalresearch.ru.

29. Гудова М. Ю. Проблема учебного чтения магистрантов-гуманитариев в истории культуры и современности / М. Ю. Гудова // Приволжский научный вестник. 2012. № 5. С. 86-91.

30. Гудова М. Ю. Женское чтение как культурная практика модернизации женских нравов / М. Ю. Гудова // Институциональная культурология : сборник статей. Санкт-Петербург : Эйдос, 2013. С. 133-143.

31. Гудова М. Ю. Мультимедийный образовательный ресурс как пример учебного гипертекста в эпоху постграмотности / М. Ю. Гудова, Е. В. Рубцова // Образовательные технологии. 2013. № 4. С. 90-95 (авторские не разделены).

32. Гудова М. Ю. Особенности современной художественности на примере арт-проекта Кшиштофа Водички: Projekcja Weteranow Wojennych (Krakow, 2013) / М. Ю. Гудова // Границы искусства и территории культуры : сборник научных статей

/ под ред. Л. А. Закса, Т. А. Кругловой. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2013. С. 236-246.

33. Gudova M. Multiple Forms of Art Dialog in the Modern Reading / M. Gudova // 19th International Congress of Aesthetics. Aesthetics in action. Book of abstracts. Krakow, 2013. P. 115.

34. Гудова М. Ю. Актуальные проблемы современной культуры: постграмотность / М. Ю. Гудова // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. Т. 4. С. 27-31.

35. Gudova M. Cultural practice as method of advocation contemporary art / M. Goodova // Revision of Modern Aesthetics. International Scientific Conference. Proceedings / University of Belgrad, Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 432-438.

Всего по теме диссертационного исследования подготовлено около 70 публикаций.

СТРУКТУРА И ОБЪЕМ РАБОТЫ. Структура работы определяется движением культурологической мысли от абстрактного (общих структурно-семиотических идей о культуре как тексте, чтении как способе существования культуры и грамотности как возможности субъекта культуры прочесть многообразие текстов) к конкретному – социокультурной системе чтения как системе практик, осуществляемых в культуре и имеющих определенные параметры для анализа и сравнения; выполняющих специфичные социально-организующие культурные функции: коммуникативную, аксиологическую, идентифицирующую, институционализирующую; манифестируемых в современных полиморфных сетевых и не-сетевых гипертекстах культуры. Диссертация состоит из введения, 3 глав и заключения (общим объемом 292 страницы), списка литературы, состоящего из 385 источников, из них 36 англоязычных источников.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧТЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

Основная задача этой главы – поиск интеллектуальных оснований и становление описательных и объяснительных схем для построения оригинальной концепции чтения, разработка аналитического языка для предлагаемого культурологического изучения чтения, позволяющего преодолеть представления о «кризисе чтения». Поскольку в предложенном культурологическом исследовании все начинается с анализа человеческой модальности современной культуры чтения – «грамотности», то и поиск интеллектуальных оснований для создания культурологической модели современного чтения мы начинаем с анализа возникших в культуре последних пятидесяти лет новых форм грамотности.

1.1

**Постграмотность как состояние современной культуры, определяющее
трансформации чтения**

1.1.1

Концепт «постграмотности» (М. Маклюэн) и современная эпоха

Понятие грамотность происходит от греческого слова “grammata” – чтение и письмо – это уверенное владение навыками устной и письменной речи, а также умение извлекать смыслы из прочитанных письменных текстов.

В 1958 году 10-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО в Париже рекомендовала всем странам считать грамотными лиц, умеющих читать предмет чтения с пониманием, последовательно излагать прочитанное, а также давать краткое описание своей повседневной жизни. То есть грамотность в классическом понимании этого слова – умение в устной или письменной речи излагать свои мысли в соответствии с нормами литературного языка (грамматическими, стилистическими, орфоэпическими и др.).

И грамотность, и письменность являются элементами социально-коммуникативной системы культуры. Письменность предполагает возможность знаково-символической фиксации высказывания, а также набор определенных техник (узелками на веревочке, стилосами на дощечках – церах или бересте, клиньями на влажной керамике, тушью и пером на папирусе, пергаменте или бумаге, чернилами и шариковыми авторучками в тетрадях) и правил осуществления письменного высказывания (написания букв, обозначения интонации и смысла на письме, произнесения написанных слов и предложений). Грамотность – это качество субъекта и/или определенный уровень овладения субъектом письменностью и/или уровень свободы письма и чтения субъектом культуры. Грамотность выявляет, насколько общество в целом и каждый индивид в отдельности осваивает возможности письменности и использует их в повседневной жизни.

Грамотность принципиально отличается от письменности еще и тем, что она этимологически предполагает социокультурную функцию не только фиксации мысли в знаковой форме, но и функцию обратного умения, извлечения мысли из некоторой совокупности знаков, то есть чтения. Именно на такое, в широком семиотическом смысле, понимание чтения мы будем опираться в начале своего

исследования. *Чтение – это социокультурная система извлечения значений и смыслов из некоторой совокупности знаков, то есть текста.*

На основании письменности и грамотности возникает следующий социокультурный феномен – книжность. Книга – это более позднее изобретение культуры, направленное не только на фиксацию некоей мысли, но и на ее системное и долгосрочное хранение и интерпретацию. Книга в качестве способа трансляции информации существовала в культуре, как мы знаем из многочисленных исследований по истории культуры и истории книги⁵², и в виде свитка: горизонтального или вертикального, и в виде кодекса – собрания отдельных страниц в тома, сначала в виде рукописи, затем в виде отпечатка, оттиска, а затем в виде типографски сверстанных, отпечатанных, прошитых и склеенных тетрадей.

Период европейской культуры, когда совпали по времени и в пространственном отношении все три социокультурных явления – письменность, грамотность и книжность – М. Маклюэн назвал эпохой Гуттенберга. Поскольку, по идее Маклюэна, книгопечатание определило последовательностью и линейностью строчного письма и характер книжности (прежде всего, религиозная, а затем и художественная литература, говорили от имени единственного автора и воплощали единую точку зрения: Бога Творца, Автора), и характер веры (монотеизм), и особенности ньютоновской системы знаний (единая и абсолютная истина), и особенности классического искусства (единство взгляда, перспективы и Абсолюта). В истории европейской мысли этот период принято называть периодом классической европейской культуры: от формирования национальных литературных европейских языков (немецкого, французского, итальянского, английского), возникновения институций тиражирования грамотности – школ и университетов, изобретения книгопечатания в Европе Гуттенбергом, в России – Иваном Федоровым, а параллельно – от формирования

---

⁵² См.: Карьер Ж. К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! Санкт-Петербург, 2010; Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008; Ученова В. В. Полифония текстов в культуре. Москва, 2003; Fischer S.R. A History of Reading. The Netherlands, 2005.

основ классической научной рациональности, классической философии и т.д. – это период, охватывающий XVI–XIX века.

М. Маклюэн говорит о том, что классическая европейская культура стремилась к обособлению различных каналов чувственного восприятия мира и способов их репрезентации в искусстве, а также к разработке соответствующих специализированных технологий трансляции мысли и чувства. Обособление каналов чувственного восприятия мира в искусстве осуществлялось по линии все большей дифференциации и специализации пространственных и временных искусств: появлялись все новые жанры живописи и все новые инструменты в музыке, все новые материалы в графике и т.д. Новые способы репрезентации состояли в дифференциации форм грамотности: разрабатывались и оттачивались не только литературно-поэтические национальные языки, но проходила свое поступательное развитие музыкальная нотация, совершенствовался универсальный знаково-символический математический язык науки, возникли художественные языки и грамматики кинематографа и фотографии. Как следствие возникали такие формы грамотности, как визуальная грамотность, музыкальная грамотность и т.д. Однако в разных социальных слоях были востребованы разные уровни грамотности, и даже европейские короли, как, например, Карл Великий, не знали грамотности в ее классическом понимании: умении писать и читать, им достаточно было умения ставить подпись⁵³. Однако для средневекового клирика, врача или юриста знание латыни – основы средневековой грамотности – было обязательным, и именно оно формировало единое интеллектуальное пространство европейской культуры в Средние века⁵⁴.

Грамотность в период до модерна описывала культурные процессы только в одном сегменте общества – только в его интеллектуальной элите, и семантика понятия «грамотность» полностью определялась умением читать и писать. Как известно, традиционное общество – общество молчаливого большинства.

---

⁵³См.: Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. Екатеринбург, 2005.

⁵⁴См.: Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. 2-е изд. Санкт-Петербург, 2003.

Процессы социализации осуществляются в традиционном обществе не через процедуры грамотности, а иными способами: непосредственной передачей опыта от поколения к поколению (обучение мастерству, ремеслу и т.п.), устной фольклорной или сакральной традицией, ритуалами и обрядами, а также совместным участием в социально значимых событиях. То, что называется чтением, не описывает эти процессы, а имеет отношение к узкому слою агентов и их специализированным способам делать культуру и участвовать в социальной жизни. Это не означает, конечно, что чтение вообще не играло культурной роли в приобщении к культуре большинства неграмотных. Существовали разнообразные формы чтения визуального или «на слух», таких текстов средневековой культуры как фрески, архитектура, проповедь, – но это все принципиальным образом отличалось от классического книжного чтения и его социализирующих эффектов. И только в модерне грамотность становится универсальным и доминантным способом вхождения субъекта в мир. Ни один социальный процесс: первичная социализация, повышение или изменение социального статуса, успешность абсолютно во всех сферах жизни и культуры, – не может осуществиться, минуя грамотность. Естественно, понятие грамотности предельно расширяется, тяготея по объему ко всей инфраструктуре и культуре, и общества. Язык здесь подсказывает: постепенно появляются понятия «политической грамотности», «сексуальной грамотности», «экономической грамотности» и т.п. Собственно, весь проект модерн, все его составляющие элементы, по Хабермасу: рациональность, автономность субъекта, индустриализация, рост образования, доминирование идеологии над религией и обычаем, демократизация и т.д. – не могут сами по себе функционировать, не обеспеченные субъективным уровнем освоения: навыками, знанием, компетенцией, а это и называется грамотностью⁵⁵. Иначе говоря, культура модерна и широко понимаемая грамотность – две стороны одного процесса, с необходимостью определяющие друг друга.

---

⁵⁵ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. Москва, 2008.

XX век, весьма значимый в проекте модерна, М. Маклюэн называет веком электроники, порождающим новые «формы и структуры человеческой взаимозависимости и человеческого самовыражения»⁵⁶. Отличительной особенностью современных ему медиа-технологий он называет одновременное распространение «изображения, звука и движения ... мгновенно по всему миру»⁵⁷.

По поводу этих трансформации письменной и в целом коммуникативной культуры, с приходом новых медиа М. Маклюэн сказал: мы «существуем одновременно в двух контрастных по содержанию формах общества и социального бытия»⁵⁸: чтения бумажного и чтения экранного, социальных связей и взаимодействий реальных и виртуальных, реальных человеческих сообществ и сообществ виртуальных, воображаемых. Преобразование технических носителей социокультурной информации, по мнению М. Маклюэна, приводит к трансформации содержания общественных отношений и их духовного наполнения: «формы социального опыта, духовного осмысления и самовыражения преобразовывались сначала под воздействием алфавитного письма, затем книгопечатания»⁵⁹, а затем под влиянием аналоговых технологий коммуникации: телевидения и радио. В настоящее время эти преобразования идут под воздействием цифровых медиа.

Эти же идеи высказывал и М. Маклюэн, когда говорил, что «бесконечность числа авторов грозит им всем общей опасностью – забвением»⁶⁰. Маклюэн высказал замечание о том, что механическая технология, возникшая из алфавита и печатного пресса, достигла апогея своего развития и в этой вершинности – причины кризиса книжной и письменной, логоцентричной культуры Европейского Просвещения. М. Маклюэн дает подробную характеристику литературы массовой культуры. Он говорит о том, что и книжность в условиях

---

⁵⁶ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. Москва, 2005. С. 6.

⁵⁷ Там же. С. 10.

⁵⁸ Там же. С. 21.

⁵⁹ Там же. С. 22.

⁶⁰ Там же. С. 261.

массовой культуры меняет свой характер: от книги-беседы она постепенно переходила к книге-газете, когда в массовой культуре газета становится выразителем коллективного, племенного сознания и мифа, а книга репрезентацией индивидуального мифа, потока сознания индивида. Поскольку книга в условиях массовой культуры совмещает в себе функции и книги и газеты, то книга становится одноразовой, предназначенной для беглого чтения, она несет в себе формы коллективного сознания, становится «просто способом паковки словесных товаров массового потребления»⁶¹.

М. Маклюэн формулирует противоречие просвещенной, грамотной, письменной и книжной культуры XX века как противоречие коллективного и мифического содержания художественного видения мира и индивидуалистических, сегментарных и механических форм литературного выражения и коммуникации. Ученый утверждает, что в книжной культуре эта дилемма вносит раскол в сознание читающего человека, и технологические средства, которые были доступны в первой половине XX века, не позволили разрешить эту проблему⁶². По мнению М. Маклюэна, разрешить эту дилемму могли бы «электрические технологии симультанности информационных потоков»⁶³, а также новая модель отношений между читателем и произведением: «вместо того, чтобы обращаться к читателю, произведение должно включать его в себя»⁶⁴. Все это послужило предвестием особого состояния постграмотности в культуре информационного и потребительского общества второй половины XX – начала XXI века.

Период истории культуры, когда совпадают различные формы грамотности, одновременно сосуществуют в культуре различные средства фиксации, сохранения и передачи текстов – и книга, и экран телевизора или гаджета, и звуковоспроизводящая техника, и различные способы фиксации информации – в

---

⁶¹ Там же. С. 390.

⁶² Там же. С.391-393.

⁶³ Там же. С.402.

⁶⁴ Там же. С.402-403.

виде письменного текста, в виде визуального текста или в виде аудиального текста, или их комбинации, М. Маклюэн назвал эпохой постграмотности.

Когда канадский ученый М. Маклюэн обнаружил в современном ему обществе приметы новой культурной эпохи (расцвет империи медиа: телевидения и радио, и сосуществования трех форм социокультурной трансляции информации: pre-literacy – устной (до-письменной, до-грамотной, до-книжной), literacy (письменной, грамотной и книжной), и post-literacy (пост-письменной, постграмотной и посткнижной)), все это носило гипотетический характер.

Для того, чтобы уточнить содержание концепта «постграмотность», до сих пор не нашедшего широкого словоупотребления в отечественном научном языке, осуществим концептуальный анализ этого понятия.

В исследовании концепта «постграмотность» мы будем придерживаться традиций, заложенных Д.С. Лихачевым в понимании концепта (см. статью «Концептосфера русского языка»), когда концепт понимается как некое смысловое, ментальное содержание понятия, «становящееся в столкновении словарных значений слова с личным и народным опытом человека»⁶⁵. Концепт – это «алгебраическое выражение» значения слова, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи»⁶⁶. В творчестве каждого отдельно взятого ученого, особенно философа, это смысловое содержание понятия в зависимости от культурного и ментального контекста варьируется и конкретизируется. Поэтому современные культурологические и философские исследования предполагают возможность исследовать значения одного концепта в нескольких проблемных полях, существующих в творчестве одного ученого-философа – в нашем случае – М. Маклюэна, а также в сравнении индивидуальных оттенков значений и смыслов концепта в творчестве М. Маклюэна и в трудах современных ученых, использующих концепт постграмотности в философии культуры, языка, образования и медиа

⁶⁵ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, вып. 1. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/koncept.pdf

⁶⁶ Там же.

Задача данного сюжета – выявить особенности формирования смыслового содержания понятия «постграмотность» в творчестве канадского социолога медиа М. Маклюэна, а также в трудах последующих представителей педагогической науки, теории культуры, образования, языка и медиа.

Понятие *post-literacy* (постграмотность) было введено в теорию культуры М. Маклюэном в его книге «Галактика Гуттенберга» (Торонто, Канада, 1962). Обсуждая изменения в технологиях передачи информации и особенности социальной организации обществ, М. Маклюэн вводит в центр своих рассуждений понятие грамотность. Введение этого понятия позволяет М. Маклюэну специфицировать уходящую эпоху Гуттенберга и наступающую эпоху электронных медиа. В эпоху Гуттенберга грамотность как культурный феномен складывалась из способности к письму и чтению, а также качества владения этими навыками.

Понятие «письменность» характеризует наличие в культуре специфического способа трансляции социокультурной информации при помощи фиксации, воспроизведения и последующей интерпретации определенной последовательности и сочетания знаков, принадлежащих к определенным языковым знаковым системам. В качестве основы письменности Маклюэн рассматривает алфавитное письмо. Единицей письменности в условиях алфавитной грамотности является знак, буква – *litera*. Поэтому, когда Маклюэн говорит об эпохе грамотности, то есть алфавитного письма и чтения, он употребляет слово *literacy* (алфавитная грамотность). Если мы обратимся к словарному значению этого слова, то мы увидим, что словари определяют значение понятия *literacy* – «to be able to write and to read»⁶⁷, то есть грамотность – это способность писать и читать.

Ситуацию середины XX века М. Маклюэн оценивал как жизнь «в «расчлененном» мире, исчезающем и становящемся одновременно»⁶⁸. Он указывал также, что культура переживает «момент взаимодействия

---

⁶⁷ Macmillan English Dictionary for advanced learners. New edition. London, 2007. P. 880.

⁶⁸ Указ. соч. С. 22.

конкурирующих культур: старой и новой»⁶⁹. Такую ситуацию М. Маклюэн в англоязычном варианте книги «The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man»⁷⁰ назвал post-literacy, что переводится с английского языка словарями как постграмотность⁷¹.

Переводчик А. Юдин (издание 2003 г.) пересказывает Маклюэна как говорящего о том, что «мы живем в эпоху электричества или постписьменную эпоху»⁷². А также подчеркивает, что книгопечатание является лишь одним из периодов в истории письменности, и он переводит pre-literacy и post-literacy как до-письменные и пост-письменные состояния общества. Как пишет сам переводчик, «слова «literacy» и соответственно «literate», «post-literacy» – переводятся в основном как «письменность», «письменный», «постписьменность», поскольку у Маклюэна, безусловно, не идет речь о «грамотности» (таково основное значение этого слова в английском языке)»⁷³.

Однако переводчик И. Тюрина (издание 2005 г.) в тексте книги в первом случае употребления слова post-literacy дает перевод как пост-письменность («однако мы живем в пост-письменную эпоху») ⁷⁴, а в другом – как постграмотность («Постграмотность представляет собой совершенно отличную от дописьменности форму взаимосвязи и взаимозависимости») ⁷⁵. Тем самым переводчица подчеркивает в первом случае возврат к устным формам коммуникации, который описывает М. Маклюэн: «в век электроники, сменивший длившуюся почти пять столетий эпоху книгопечатания и механики, мы сталкиваемся с новыми формами и структурами человеческой взаимозависимости и самовыражения – «устными» по форме даже тогда, когда другие элементы ситуации являются невербальными»⁷⁶. А во втором случае переводчица

⁶⁹ Указ. соч. С. 22.

⁷⁰ MacLuen M. The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man. Toronto, 1962. 293 p.

⁷¹ The Oxford English Dictionary. English – Russian. Moscow ; Oxford, 1999.

⁷² МакЛюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. Киев, 2003. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/makl/02.php

⁷³ Там же.

⁷⁴ Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. Москва, 2005. С. 24

⁷⁵ Там же. С. 96.

⁷⁶ Там же. С. 24.

подчеркивает исторически стадийное развитие грамотности: от pre-literacy (до-грамотности) туземцев до новых (post-literacy) форм вне-письменной/ пост-письменной грамотности, становящейся благодаря аналоговому медиа.

Поскольку, как следует из прочтения оригинального текста книги, М. Маклюэн исходит в своих рассуждениях из того, что классическая грамотность может проявляться в форме письма и чтения, то М. Маклюэн достаточно точно маркирует грамотность словом literacy, литературность – literary, субъектов, обладающих алфавитной грамотностью, способностью и возможностью читать книги – literate. Наличие разных изданных вариантов русского перевода книги М. Маклюэна и наличие различных вариантов перевода слова post-literacy в этих изданиях позволяет нам вслед за переводчиками использовать различные оттенки смысла, которыми М. Маклюэн маркирует разные процессы, происходящие в истории культуры, употребляя слово post-literacy и в значении «постписьменность», и в значении «постграмотность», как это делают переводчики. В то же время вслед за М. Маклюэном мы можем выделить определенные последовательные периоды в истории культуры: pre-literacy – до-грамотность (до-письменность); literacy – период грамотности (письменности), и post-literacy – пост-грамотность (пост-письменность).

Таким образом, мы видим, что термин post-literacy М. Маклюэн употребляет в нескольких тематических полях: 1) как характеристику определенной культурной эпохи, в которой к вербально-алфавитным средствам передачи информации в речи и на письме добавляются электронные средства передачи информации – телевидение и радио; 2) как характеристику определенной культурной эпохи, в которой сочетаются до-письменные (устные, рисуночные, жестово-двигательные), письменные (таблица, свиток, кодекс, книга) и пост-письменные (теле, радио) средства передачи информации; 3) как характеристику культурной эпохи, когда, помимо алфавитной грамотности, ре-актуализируются дополнительные формы грамотности, в частности, визуальная грамотность. Нужно также отметить, что в многочисленных комментариях к знаменитой книге

М. Маклюэна и в развитии его идей возникают также такие значения *post-literacy*, как посткнижность⁷⁷ и постлитературность⁷⁸.

Как замечают многочисленные критики идей М. Маклюэна, его книги более креативны, нежели системны, исследовательские методы ненаучны, а мозаичный стиль подачи материала хаотичен⁷⁹. Поэтому нам должны помочь выстроить концептуальное понимание постграмотности статьи и книги тех ученых, которые развивали идеи М. Маклюэна в системном ключе.

Одним из наиболее влиятельных авторов, писавших о постграмотности в 1970–80-е годы XX века, был Бернард Дюмон⁸⁰. Свое внимание он сосредоточил на исследовании парадокса отношений между образованием, обеспечивающим грамотность, и работой, требующей постграмотности. Он считал, что тремя решающими факторами, определяющими наличие такого парадокса, являются материал («material»), окружение («environment»), участие («participation»). Постграмотную работу Б. Дюмон определял как «все те материалы и структуры, которые способны обновить грамотность взрослых, чтобы не отставать, использовать и развивать знания, которые они приобрели в процессе получения грамотности» («Post-literacy work can be defined as all those materials and structures which enable the newly literate adult to keep up, use and develop the knowledge he has acquired and the abilities generated in him through literacy teaching»). Первый аспект формирования постграмотности – это материалы для чтения («material»⁸¹), которые необходимо читать, чтобы пройти собеседование и получить желаемую работу. Прежде всего, это та литература для взрослых, которая после формального завершения процесса образования не позволяет им утратить приобретенные навыки читать, писать и рассуждать. Это информационные

⁷⁷ Петров Д.Б. Современный мир: книжность или посткнижность. URL: www.sgu.ru/node/43167/nauchnye-meropriyatiya-v-kotoryh-uchastvovali; Шаповалова Н. С. Социальная память в посткнижной культуре // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11., № 3. С. 22-25.

⁷⁸ Борисова И. Перевод и граница: перспективы интермедиаальной поэтики // Toronto Slavic Quarterly. University of Toronto : Academic Electronic Journal in Slavic Studies. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml>

⁷⁹ Архангельская И. Б. Герберт Маршалл Маклюэн: от исследования литературы к теории медиа : автореф. Дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2009. С. 4.

⁸⁰ Dumont B. After literacy, teaching: paradoxes of post-literacy work // Prospects. 1979. Vol. IX, № 2. P. 146.

⁸¹ Там же. P. 146.

материалы, газеты и журналы, информационные листки, счета, бюллетени, рекламные издания, фармакологические и кулинарные рецепты, кроме того, это книги всех типов: художественные и нон-фикшн, книги комиксов и книги для детей, а также это постеры, календари, брошюры, документы. Постоянное чтение таких материалов помогает не только не утратить, но и развить навыки грамотности, полученные в процессе формального обучения, является основой дальнейшего и непрерывного самообразования взрослых.

Соответственно, постграмотный труд – это труд, который требует непрерывного самообразования взрослых в процессе чтения.

Второй фактор – это социальное окружение, среда, условия труда («environment»⁸²), которые включают важной составной частью чтение. Это могут быть чтение статистических таблиц, показания приборов, диаграммы и схемы, маркировки товаров, знаки дорожного движения и прочие вербальные и визуальные тексты, прочтение и интерпретация которых требует умений и навыков, которые формируются на основе компетенций, полученных в процессе образования, но превосходят полученные компетенции по уровню сложности умений и навыков, требуемых для реализации этих интеллектуальных операций. Освоение таких материалов для чтения вынуждает работника приобретать новые умения и навыки непосредственно в процессе выполнения трудовых операций, то есть по окончании формального процесса обучения, поэтому такой труд, требующий постоянного повышения квалификации на рабочем месте, Б. Дюмон называет пост-грамотным трудом.

Третий фактор – это участие («participation»⁸³). Б. Дюмон имеет в виду активное участие образованных представителей общества в экономических процессах, когда образование дает возможность иметь свой собственный бизнес, использовать новые технологии производства и жизнеобеспечения, проводить различные эксперименты, осуществлять «сознательное и критическое гражданство» – то есть участвовать в политической жизни, состоять в партиях,

---

⁸² Dumont B. After literacy, teaching: paradoxes of post-literacy work // Prospects. 1979. Vol. IX, №. 2. P.147.

⁸³ Там же. P. 152.

голосовать на выборах, отстаивать свои социальные и экономические интересы, прокладывать и реализовывать индивидуальную образовательную и жизненную траекторию. Соответственно, постграмотный труд – это труд, который требует высокого уровня грамотности не только в языковой, но и в экономической, социальной и политической сферах. Это также такой труд, повышение квалификации в котором требует создания и реализации индивидуальной образовательной и жизненной траектории.

Если же выделять смысловое ядро постграмотности, то это грамотность, полученная после формального завершения образования взрослым, включенным в трудовые процессы, требующие постоянно самообразования на рабочем месте, а также требующие не только алфавитной и профессиональной грамотности, но также грамотности в сфере политики, общества и экономики.

Большой вклад в формирование концепта постграмотности, уточнение смысловых полей, в которых определяется этот термин, внес Алан Роджерс⁸⁴. Свою концепцию постграмотности он изложил в докладах международного образовательного (педагогического) сообщества в 1994 и в 1999 годах.

Алан Роджерс не считал термин «постграмотность» совершенным, но позволяющим описать тех, чья грамотность лучше всего описывается этим термином. Это взрослые люди, которые приобрели навыки чтения и письма, преодолели свою безграмотность и нуждаются в закреплении и развитии навыков грамотности. Понятие постграмотности для него тесно связано с понятием «непрерывное образование». Особенно это актуально в обучении взрослых в странах Азии и Океании. Поэтому большинство статей о постграмотности, в том числе и других авторов, связано с этой проблематикой⁸⁵.

---

⁸⁴ Rogers A. Using literacy – A new approach to post-literacy materials // Education Research Paper. 1994. № 10. P. 57.

⁸⁵ Mushi PA. Innovations in Adult- education – The changing perspective of the Post-literacy curriculum in Tanzania // International Review of Education. 1994. Vol. 40, Issue 2. P. 173-177; Kumar B. Structure and organization of Post-literacy campaign in Nizamabad district // Journal of Rural development. 1991. Vol. 12, Issue 4. P. 451-463; Lasway R.B. The impact of Post-literacy. A Tanzanian case study // International Review of Education. 1989. Vol. 35, Issue 4. P. 479-489; Zhu Q.P., Dai R.G. Institutions of Post-literacy in China // International Review of Education. 1989. Vol. 35, Issue 4. P. 511-513.

По мнению А. Роджерса, интерес к постграмотности начал расти с 1981 года, когда стали появляться образовательные программы для взрослых в рамках концепции непрерывного образования. Программы по постграмотному обучению были разработаны в Европе и внедрены в Бангкоке, Латинской Америке, Африке. В процессе апробации этих программ возникло новое понимание постграмотности. В разных странах понимание этого термина различно, а также в разных ведомствах одной и той же страны.

В отчете 1994 года А. Роджерс выделяет два основных значения термина. Постграмотность – это, во-первых, обучение навыкам дальнейшей грамотности (развитие и закрепление навыков элементарной грамотности, полученных в процессе школьного обучения, затем у взрослых и вне школьной программы), во-вторых, обучение другим навыкам письма – например, машинописи или компьютерной грамотности.

В первом случае речь идет о развитии собственно навыков грамотности, во втором – о приобретении «пост-основного» образования. Предметы, изучаемые на стадии «постграмотности», выходят далеко за пределы традиционных границ грамотности – здравоохранение, политика, общество.

Приставка «пост» в слове постграмотность обозначает определенную стадию развития грамотности: («Bhola (1980) speaks of illiterate; pre-literate; literacy instruction in stages; post-literacy in stages»⁸⁶); Бола говорит о таких стадиях грамотности как безграмотность, начальная грамотность, инструментальная грамотность и продвинутая, развитая грамотность. Здесь, как мы видим, что понятие постграмотности было расширено до первой продвинутой стадии в образовании взрослых. «Быть грамотным» в данном контексте более широкое понятие, чем простое умение читать, писать и считать. Оно включает в себя идею «быть образованным значит быть независимым». Программы постграмотного обучения включают в учебные планы более широкий круг предметов, чем только обучение чтению и письму: в Танзании изучают основы здоровья и политические

---

⁸⁶ Bhola H. S., Bhola J. K. Programme. Program and Curriculum Development in the Post-Literacy Stages (A workshop manual, DSE Berlin). Bonn, 1980. 263 p.

дела, в Бахрейне – арабский язык, математику и английский язык, религиоведение и обществознание. Во всех случаях постграмотность включает в себя перечень обязательных предметов начального обучения и даже больше⁸⁷.

Многие исследователи не делают различий между «постграмотностью» и «непрерывным образованием», между тем «непрерывное образование» относится к формальным образовательным структурам, тогда как пост-грамотность относится к тем взрослым, кто приобрел возможность развиваться в социальном и экономическом плане по окончании формально организованного образовательного процесса⁸⁸.

Цели постграмотности, по мнению Роджерса, можно определить по-разному:

- 1) Для одних обучающихся главная цель – это создание условий, при которых будет невозможным утратить полученные навыки чтения и письма, создание условий, когда данные навыки оказываются востребованными в процессе всей жизни (например, российские программы по обучению и поддержке грамотности взрослых в Эквадоре)
- 2) Другие видят программы постграмотности как возможность достичь всестороннего развития: грамотность создает и пост-грамотность усиливает возможность для «новых» грамотных иметь доступ к информации, принятию решений и ответственности, касающихся их собственного развития
- 3) Третьи видят в постграмотности основание, которое помогает им сознательно и критически участвовать в социальной и политической жизни, быть подготовленным потребителем или избирателем (как в Южно-Африканской республике)⁸⁹.

Столь многообразные цели программ постграмотного обучения определяют для А. Роджерса то, что, используя термины «грамотность» и «постграмотность», он

⁸⁷ Rogers A. Using literacy – A new approach to post-literacy materials // Education Research Paper. 1994. № 10. P. 57.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. P. 11.

уверен в их многозначности и в том, что их значение определяется культурным контекстом⁹⁰.

Спустя пять лет, в 1999 году, А. Роджерс обобщил накопленный опыт в сфере постграмотного обучения и проследил изменения, произошедшие в понимании постграмотности под давлением новых социальных и научных факторов.

Все программы постграмотного обучения теперь исходили из того, что отправной точкой постграмотного обучения является завершение начальной стадии обучения грамоте. Однако в этом и вся проблема. Цели, к которым стремится постграмотное обучение, могут быть разными: независимое чтение, продолжение образования (формального или неформального), деятельность по формированию доходов, развитие социальной активности⁹¹. Одни из них достигаются в процессе получения образования, другие – только после его формального завершения.

Изменения в понимании постграмотности, по словам А. Роджерса, возникли под давлением следующих факторов: теория образования для взрослых, новые исследования грамотности (специфика грамотности представителей разных профессий), пересмотр представлений о языке в терминах власти и знания, развитие теории и практики постграмотного обучения, изменения в образовании, новые технологии в образовании (игры, фильмы, аудирование).

Многие ученые пришли к тому, что постграмотное обучение стало пониматься как «неформальное обучение» (non-formal education), или как пост-начальное обучение, «после основного обучения грамоте», «после формального обучения»⁹².

---

⁹⁰ Там же. Р. 12.

⁹¹ Re-defining Post-Literacy in a Changing World / A. Rogers, B. Maddox, J. Millican, K. Newell Jones, U. Papen, A. Robinson-Pant // Education Research. 1999. № 29. Р. 9.

⁹² Там же. Р. 23.

В то же время содержание постграмотного обучения стало определяться необходимостью достижения функциональной грамотности, понимаемой в совокупности следующих проявлений грамотности⁹³:

- А) грамотность для экономической прибыли;
- Б) грамотность для социальной успешности (здоровье, коммуникативная гармония, содержание дома);
- В) грамотность для социальных положительных изменений;
- Д) грамотность для либеральных и благотворительных целей.

В большинстве программ постграмотного обучения в плане мотивации акцент делается на достижении более высокого уровня доходности и экономически более высокого общественного статуса в результате обучения⁹⁴. В этом случае формально организованное образование становится только лишь средством получения дополнительных компетенций, дающих возможность реализовать искомую постграмотность.

Как мы видим из обзора докладов А. Роджерса и его коллег, проблемные поля, в которых термин пост-грамотность насыщается смыслом, множественны. Их множественность связана с двусоставностью данного термина. Одно смысловое поле образуется первой частью термина – «пост», и другое смысловое поле образуется второй частью термина – «грамотность».

Приставка «пост», по мнению А. Роджерса, связана с представлением о постграмотности как о грамотности, полученной после формального окончания обучения, после получения основного образования, полученной взрослыми.

Часть слова «грамотность» приобретает смыслы в свою очередь в нескольких смысловых полях:

- 1) Функциональная/инструментальная грамотность;
- 2) Дополнительная грамотность в сфере социальной организации общества, экономики, политики, экологии, религии, и т.д.;

---

⁹³Re-defining Post-Literacy in a Changing World / A. Rogers, B. Maddox, J. Millican, K. Newell Jones, U. Papen, A. Robinson-Pant // Education Research. 1999. № 29. P. 33.

⁹⁴ Там же. P. 34.

3) Грамотность для независимости.

В результате мы можем сформулировать смысловое ядро концепта «постграмотность» в докладах А. Роджерса как дополнительную функционально-инструментальную грамотность для «независимости», приобретенную в процессе взрослой жизни по окончании формального получения основного образования, которая позволяет человеку, владеющему таким содержанием и уровнем освоения грамотности, реализовать в культуре свой не только исполнительский, но и творческий, креативный потенциал.

Большой вклад в уточнение концепта «постграмотность» в 2000–2010 гг. внес авторитетный современный социальный семиотик Гюнтер Кресс, участник объединения «Новая лондонская группа» и его единомышленники. За основу своих рассуждений Кресс берет понятие языка культуры и его главных функций – репрезентативной и коммуникативной. В книге «Грамотность в эпоху Новых медиа»⁹⁵ ученый пишет, что нельзя рассуждать о грамотности без учета социальных, технологических и экономических факторов. Два различия необходимо подчеркнуть в отношении грамотности: с одной стороны, переход от доминирования письма к доминированию изображения, а с другой стороны, переход от медиума в лице книги к экрану. Оба этих события произвели революцию в представлениях о грамотности и в соположенных с ней представлениях о репрезентации и коммуникации. Все это породило два вопроса: в чем состоит будущее грамотности и каковы долгосрочные социальные и культурные эффекты этих изменений?

На все эти вопросы Г. Кресс дает следующие ответы. Речевая коммуникация останется ведущим, главным способом коммуницирования, письмо как способ коммуникации будет потеснено во многих сферах публичной коммуникации и останется основным только лишь для политической и культурной элиты, поскольку несет определенность фиксированного значения. Мир говорящий – это не то же самое, что мир показывающий. Мир

---

⁹⁵ Kress G. Literacy in the New Media Age. London ; New York, 2003.

рассказывающий – это нечто другое, чем мир рисуемый или изображающий на экране. От власти слова культура движется к власти изображения. Вместе с информационным медиумом будет меняться грамотность.

Новые электронные медиа имеют три долгоиграющих эффекта по отношению к будущему. Они сочетают разные каналы передачи информации: словесно-текстуальный, визуальный и аудиальный, что порождает мультиканальность, мультимедийность. Они облегчают многостороннее взаимодействие участников коммуникации – интерактивность/интерперсональность. Иным становится взаимодействие между текстами – оно становится гипертекстуальным. Авторства больше не существует; текст может быть преобразован получателем моментально и любым образом: трансформирован в звук, в изображение, перемещен, разбит, и т.д.

Книги больше не книги в привычном смысле слова: попадая в цифровую среду, они наполняются иллюстрациями, текст сопровождается звучанием, видеофрагменты становятся составной частью композиции.

Все эти изменения в культуре требуют изменения понимания грамотности и образованности. Старые представления должны уступить новым – постграмотным⁹⁶.

Более подробно Г. Кресс рассматривает особенности постграмотности в новых условиях информационной культуры. В его статье «Приобретения и потери: Новые формы текста, знания и образования»⁹⁷ рассматриваются два способа представления и передачи знаний: старый и новый. Старый – грамотный – текстуальный, при помощи письма/чтения и книги в качестве посредника, и новый – постграмотный – визуальный, при помощи изображения, где в качестве посредника выступает экран. Делаются выводы о разных способах подачи и организации информации, а также ее получения и интерпретации в первом и во

---

⁹⁶ См: Kress G. Literacy in the New Media Age. London ; New York, 2003.

⁹⁷ Kress G. Gains and losses: New forms of text, knowledge, and Learning // Computers and Composition. 2005. № 22. P. 5-22.

втором случае. Прослеживается переход от порядка знаний, предложенного автором в тексте, к открытому порядку, увиденному пользователем на экране гаджета. Крессом анализируется структура текста, говорится, что страница книги единична, а скринг экрана, напротив, – мультистраничен, он состоит из нескольких текстуальных, вербальных и видеостраниц. Старым способом знания производятся автором для читателя; в новом способе знания продуцируются читателем/пользователем. В мире грамотности автор знает жизненный мир читателей и производит необходимое для них знание – в постграмотном мире дизайнеры web-страницы располагают знания, характеризующие жизненный мир пользователей. В мире грамотности (книжности, литературности) читательский путь фиксирован (слева направо и сверху вниз) – путь пользователя в эпоху постграмотности свободный и определяется его интересом. Автор определяет вехи на пути чтения – пользователь определяет вход–выход и свою траекторию. Письмо и его правила определяют структуру текста – иллюстрации доминируют на web-странице. Информативность и суггестивность текста и иллюстраций выше, чем у только вербального текста. В первом случае – ориентации на каноны работы с текстом и знаниями, а во втором – на новые не канонические в культуре способы работы с текстом и знанием.

Оба способа работы с информацией отражают определенное состояние социума, культуры и экономики, и второе состояние Кресс называет постграмотностью.

Однако именно в работах Кресса происходит переход от понятия постграмотность к понятию мультимодальная грамотность. Поскольку он выделяет два ведущих способа трансляции информации – книжный и экранный, то под способностью разнообразной работы с книгой подразумевается традиционная старая грамотность, а способность извлекать информацию с экрана и оперировать с этой информацией разнообразным образом – новая – постграмотность. Однако постграмотность для Г. Кресса означает отсыл к определенной эпохе – эпохе сочетания различных форм грамотности, в том числе и появления информационной грамотности, то есть грамотной работе с новыми медиа.

В плане содержательных характеристик новой грамотности Г. Кресс считает более продуктивным понятие мультимодальной грамотности, потому что оно схватывает два следующих момента: новая грамотность существует в отношении различных способов трансляции информации (вербально-алфавитного, визуального и аудиального); подобно тому, как эти разные способы трансляции информации сочетаются в цифровых технологиях (мультимедийном суперхайвее), так и разные виды грамотности (алфавитная, визуальная, аудиальная) должны сочетаться в единой мультимедийной грамотности.

Идеи Г. Кресса сегодня подхвачены и развиваются его учениками, учеными, занимающимися проблемами чтения и грамотности в ЮНЕСКО, российскими исследователями, сосредоточенными на решении проблем современной грамотности и роли чтения в этих процессах.

К. Милс пишет, что термин мультиграмотность возник в 1996 г., чтобы описать новое состояние грамотности и изменение значений слова «грамотность» в различных социальных и лингвистических контекстах, которые заставили педагогическое сообщество отказаться от понимания грамотности только как умения читать и писать. В статье исследуется, как изменилось содержание понятия мультиграмотность за 10 лет, с тех пор как оно было выработано.

Автором описывается связь понятия «мультиграмотность» и наличия культурных различий у обучаемых, когда разные способы представления информации являются для разных обучаемых базовыми: текстуальные, визуальные, театральные (делай как я) и т.д. Мультиграмотность обеспечивает более гибкий подход к обучаемым, нежели традиционный, основанный на книжной грамотности⁹⁸.

Другие ученые, Дж. Сандерс и П. Албертс, определяют, что такое мультимодальная грамотность, следующим образом: «знать, как современные сообщения формируются, отправляются, интерпретируются, какое место в этом мире мы занимаем, когда пользуемся мультимедийными сообщениями, какие

---

⁹⁸ Mills K. A. Multiliteracies: interrogating competing discourses // Language and Education. 2009. Vol. 23, № 2. P. 103-116.

идентичности формируем, пользуясь мультимедийными текстами, гиперссылочными текстами – какие формируем траектории грамотности»⁹⁹.

В современной эпохе постграмотности, как пишут эти ученые, нет ни у кого какой-то одной и единой грамотности – у всех грамотность разная и у каждого своя траектория освоения современных форм грамотности. Понятие мультимодальная грамотность как раз и описывает единство этого многообразия грамотностей, среди которых выделяются грамотность письменная, визуальная, драматическая, математическая и т.д. – во всех изящных и прикладных искусствах.

Активное участие в длительной научной дискуссии по проблемам современной грамотности, чтения и образованности принимают российские ученые. В частности И.А. Колесникова в статье «Новая грамотность и новая неграмотность двадцать первого столетия»¹⁰⁰ дает обзор тех пониманий грамотности, что выработаны в зарубежной и отечественной философии культуры, языка и образования: мультиграмотность, мультимодальная грамотность, полиграмотность, многократная грамотность, многомодальная грамотность, трансграмотность. И.А. Колесникова сравнивает распространенность отечественных и зарубежных терминов и приходит к выводу о том, что в соответствии с Декларациями ЮНЕСКО сегодня общепринятым понятием является медийно-информационная грамотность. Разработке этого понятия посвящены также многие статьи других отечественных авторов¹⁰¹.

В 2012 году в Москве состоялась Международная конференция «Медиа- и информационная грамотность в обществах знания» под эгидой ЮНЕСКО, ИФЛА и Правительства России, где была выработана Московская декларация о медийно-информационной грамотности, которую поддержали представители 40 стран

⁹⁹ Alberts P. Multimodal Literacies: An Introduction / Alberts P., Sanders J. // Literacies, The Arts, and Multimodality. NCTE, K-College, 2010. P. 1-25.

¹⁰⁰ Колесникова И. А. Новая грамотность и новая неграмотность 21 столетия // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 2. URL: <http://LLL21.petsu.ru>

¹⁰¹ Гендина Н. И. Библиотеки и «многократная грамотность» // Библиосфера. 2010. № 2. С.13-22; Гендина Н. И. Информационная грамотность в контексте других видов грамотности: дайджест зарубежного опыта // Школьная библиотека. 2009. № 9/10. С. 28-39.

мира. Изменения, произошедшие за последние пятьдесят лет в понимании грамотности, отражены в этом и других документах, раскрывающих новое понимание грамотности. «Под медиа- и информационной грамотностью сегодня всё больше понимается совокупность установок, знаний, умений и навыков, которые позволяют человеку определять, когда и какая информация требуется, где и как ее можно получить, как следует ее оценивать, систематизировать и использовать в соответствии с правовыми и этическими нормами. Медиа- и информационная грамотность обеспечивает гражданам возможность получить сведения о функциях медиа- и информационных систем, а также об условиях реализации этих функций. Она помогает людям, а также общественным институтам и организациям решать технологические, экономические и социальные проблемы, позволяет защититься от негативных воздействий. Медиа- и информационная грамотность выходит за рамки владения коммуникационными и информационными технологиями и включает навыки критического мышления, осмысления и интерпретации информации в различных областях профессиональной, образовательной и общественной деятельности. Медиа- и информационная грамотность предполагает умение работать с любыми источниками информации (устными, письменными, аналоговыми и электронными/цифровыми), а также со всеми видами и типами информационных ресурсов»¹⁰².

Однако нельзя согласиться с тем, что понятие медийно-информационная грамотность является замещающим понятие постграмотность, более удачным для определения того же интеллектуального содержания. Содержание понятия медийно-информационная грамотность включает в себя грамотность информационную и грамотность медийную, то есть грамотность в отношении того, как производится, распространяется и сохраняется информация, а также того, как устроены и используются средства распространения информации –

---

¹⁰² Григорьев В.В., Кузьмин Е.И. Медиа- и информационная грамотность: новое понятие, контекст, всероссийская конференция // Медийно-информационная грамотность в России: дорога в будущее : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Медиа- и информационная грамотность в информационном обществе». Москва, 2014. С. 5-6.

разнообразные медиа. Следовательно, понятие медийно-информационной грамотности является структурно-функциональным, в то время, как мы ранее выявили, что понятие *постграмотность* является прежде всего сущностным по отношению к специфицирующим признакам определенной эпохи. То есть *постграмотность* – это понятие, специфицирующее определенный этап в развитии культуры, когда все исторические формы грамотности стали сосуществовать одновременно, а инструментально/функциональные формы грамотности стали нуждаться в дополнении в процессе всей жизни самыми широкими знаниями в сфере культурной общественной жизни. Исходя из этого, мы можем утверждать, что сфера функционирования понятия медийно-информационная грамотность прежде всего педагогическая. Это понятие отвечает на вопрос, какие виды грамотности обеспечивают адаптированность человека к современному миру и какие виды грамотности необходимо формировать в процессе образования. *Сфера функционирования понятия постграмотность – культурологическая. Оно маркирует определенную культурную эпоху и ее сущностные качества: сосуществование всех форм грамотности, когда-либо выработанных человечеством, и активное овладение субъектом культуры разнообразными формами грамотности в свободных, востребованных культурной средой сочетаниях, осуществляемое на протяжении всей жизни субъекта.*

Именно в этом значении концепта *постграмотность* – специфическое состояние грамотности, характерное для эпохи сосуществования различных (до письменных, письменных, аналоговых и цифровых) медиа, мы будем использовать этот концепт в нашем исследовании.

Таким образом, семиотически понимаемая культура – это система текстов, порождающая задачи читать, то есть декодировать смыслы текстов, выявлять их контекстуальные и обобщенные значения.

Грамотность – это сложная система возможностей субъекта культуры прочесть все тексты, порожденные культурой, то есть их воспринять, декодировать и интерпретировать. Вот это максимально широкое и

универсальное толкование грамотности – новый и продуктивный культурологический ключ к описанию всей системы современной (модерной и постмодерной) культуры. Иначе говоря, культура модерна и широко понимаемая грамотность – две стороны одного процесса, с необходимостью определяющие друг друга.

Эпоха постграмотности – это культурно-исторический отрезок времени (*культурная эпоха*), характеризующийся 1) одновременным сосуществованием в единой культуре различных толкований грамотности (постграмотность, мультимедийная грамотность, информационно-медийная грамотность); 2) многообразием сфер реализации грамотности: а) языковые сферы: лингвистическая, визуальная, телевизионная, медийная и другие, б) социальные сферы: информационная, экологическая, политическая, экономическая и т.п.; 3) разнообразием материалов для освоения грамотности: книга, фильм, танец, архитектурный ансамбль, статистическая таблица, электронное табло, диаграмма, смс-сообщение, пост, блог, ммс-сообщение и прочее; 4) свободным сочетанием различных видов грамотности субъектом культуры, делающим данного субъекта креативным и независимым.

1.1.2.

Трансформации чтения в культуре информационного общества

Культурологический анализ сложившейся социокультурной ситуации чтения, а также техник и технологий чтения предполагает, что в качестве предметного основания произошедших трансформаций будут рассмотрены такие

важнейшие факторы, как развитие цифровых информационных технологий. Информационные технологии — это способы переработки, хранения и распространения текстов и знания. Постоянно развивающиеся информационные технологии (цифровые носители и программное обеспечение), а также способы коммуникации (развитие мобильной связи и сетевого общения) с необходимостью привели к трансформациям традиционной культуры и традиционных форм социокультурной коммуникации, наступившим сегодня повсеместно. Место традиционных бумажных письменных носителей коммуникации, таких, как тетрадь, газета, журнал или книга все более настоятельно занимают разнообразные гаджеты – электронные, цифровые носители информации.

Развитие информационных технологий М. Кастельс характеризует как процесс интеграции электронных средств коммуникации. Этот ученый подробно описывает, как компьютер принял на себя функции не только супервычислительной машины, но и печатной машинки, радиоприемника, телевизора, проигрывателя музыкальных пластинок и дисков, телефона, книги, газеты, журнала, почты, и многих других достижений XIX–XX веков, поглотив их и одновременно придав им новую жизнь и новое измерение.

Этот разнородный по своему содержательному насыщению, но единый по технологическим средствам поток информации М. Кастельс назвал информационным суперхайвеем¹⁰³. Его значение, по мнению ученого, не стоит недооценивать. Оно состоит в том, что «интеграция в одной и той же системе текстов, изображений и звуков, взаимодействующих из множества различных точек, в избранное время (в режиме реального времени или с запаздыванием), в глобальной сети и в условиях открытого и недорогого доступа, фундаментально меняет характер коммуникации»¹⁰⁴. Сейчас это интегральное свойство информационных технологий принято называть *мультимедийностью*.

---

¹⁰³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

¹⁰⁴ Там же.

Другой важнейшей характеристикой информационной технологии новой коммуникации становится *интерактивность*. Для М. Кастельса интерактивность – это новый способ «взаимодействия между обоими полушариями мозга, машинами и социальными контекстами», когда «различные измерения человеческого духа объединяются в новом» виртуальном измерении, а в качестве средств коммуникации «формируются супертекст и метаязык, впервые в истории объединяя в одной и той же системе письменные, устные и аудиовизуальные способы человеческой коммуникации»¹⁰⁵.

Л. Ионин рассматривает интерактивность новых технологий в категории диалога. Он утверждает, что новые технологии дают возможность диалогической обратной связи «сотням пользователей через электронную почту, информационные табло, форумы, чаты и телеконференции»¹⁰⁶. Интерактивность – это способность каждого автономного субъекта глобальной коммуникации свободно оперировать со всем массивом доступной информации, то есть в процессе электронного чтения продуцировать информацию, ее размещать, принимать, отсеивать, выбирать, распространять и т.д. независимо от того, в какой форме (аудиальной, визуальной, графической или вербальной) эта информация представлена.

Цифровая коммуникация отличается также отсутствием физических посредников между тем, кто производит текст, информацию, знания, и тем, кому она адресована. В качестве виртуального посредника может выступать используемый для доступа к сети Интернет компания (провайдер), программное обеспечение сетевого подключения (браузер) и поисковая система. Необходимая информация может быть получена по сетевому запросу мгновенно в режиме реального времени.

Также специфичен порядок *персонализации* в сетевой коммуникации, где субъектом коммуникации может выступать индивид или группа людей, имеющих

---

¹⁰⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

¹⁰⁶ Ионин Л. Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу). Москва, 2007. С.64.

свое сетевое имя и адрес и пытающихся на основе всей обрабатываемой субъектами сетевого общения информации осуществлять построение «индивидуального коттеджа» в «глобальной информационной деревне»¹⁰⁷.

К факторам, меняющим «способы общения, уходаживания, трудовой и творческой деятельности, соперничества, купли продажи, управления»¹⁰⁸ Г. Рейнгольд относит также *мобильность* современных компьютерных и Интернет-технологий, когда местонахождение и время суток утрачивают свое значение. Технологиями мобильного Интернета человек оказывается вовлеченным в жизнь своего виртуального сообщества круглосуточно и повсеместно. Современный мобильный читатель получает круглосуточный доступ к любым сайтам отдельных людей, организаций, государственных или муниципальных библиотек или частных электронных издательств и, соответственно, к любым текстам (вербальным, аудиальным, визуальным), размещенным на этих интернет-сайтах.

Как результат перехода от традиционных способов сохранения и передачи текстов к информационным технологиям, а от них к новым ценностям и формам культурного взаимодействия возникают специфические формы социальных коммуникаций, достаточно подробно описанные М.Кастельсом, О.Тоффлером, Т.Рейнгольдом и другими.

Социальным следствием процессов развития информационных технологий стала такая особенность новой коммуникации, как ее сегментированность или то, что Кастельс назвал «концом массовой аудитории»¹⁰⁹. Все ранее существовавшие в культуре формы распространения информации возникали в качестве элитарных, но со временем тяготели к расширению своих субъектов – письменность, книгопечатание, почтовое сообщение, телефония, радиовещание, телевидение. Это было обусловлено не столько просветительскими благими пожеланиями агентов и адептов данных форм распространения информации, сколько

---

¹⁰⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

¹⁰⁸ См.: Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. Москва, 2006.

¹⁰⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

потребностями развития общества, цивилизации и культуры (экономическими, политическими, технологическими и т.д.). Элитарные практики превращались в массовые каждый раз через кризисы и моменты «исчерпанных источников развития».

Сегодня, все больше переходя от процессов бумажного документооборота к электронному и от бумажного чтения к чтению экранному, мы имеем дело с виртуальной коммуникацией, которая только набирает обороты своего развития и как всякая другая новая высоко-затратная технология на первых порах своего развития сохраняет закрытость, сегментированность и элитарность.

Как пишет М. Кастельс, «компьютерная коммуникация начинает свой путь в качестве средства коммуникации для образованного и процветающего сегмента населения самых образованных и зажиточных стран, чаще всего в больших, наиболее высокоразвитых метрополисах»¹¹⁰. Являясь одним из условий и важнейшим фактором «открытого общества», «информационный суперхайвей» в виде Интернета – это, тем не менее, закрытый канал информации для технически оснащенных и технологически продвинутых, обладающих информационной и компьютерной грамотностью пользователей, большинство которых составляют молодые или среднего возраста образованные интеллектуалы.

В то же время новые коммуникации, складывающиеся на серьезной научно-технологической основе, обладают определенной стоимостью. Вследствие этого общество разделяется по новому основанию – доступу к «информационному суперхайвею» и способам взаимодействия с ним.

Д.Е.Прокудин рассматривает в связи с этим феномен «цифрового неравенства». Цифровое неравенство, по его мнению, существует на нескольких уровнях: межгосударственном, региональном, социальном и половозрастном, что создает проблемы как для реализации прав отдельного человека на вхождение в

---

¹¹⁰ Там же.

культурное пространство информационного общества, так и для формирования информационной культуры на уровне общества в целом¹¹¹.

Насколько интернет-технологии дорогостоящи и элитарны, настолько же демократичны и открыты. Мирное сосуществование различных интересов и культур в сети приняло форму «всемирной паутины» – World Wide Web (WWW), гибкой сети сетей в рамках Интернета, где институты, предприятия, ассоциации и индивиды создают себе собственные сайты, на основе которых каждый, кто имеет доступ, может создать свою «домашнюю страничку», сделанную из любого коллажа текстов и изображений.

Сетевой и интерактивный характер связей в Интернете приводит к тому, что в Интернете разрушаются традиционные бинарно-оппозиционные представления об устройстве общества: локальное не противостоит глобальному, а оказывается его необходимой составной частью; иерархия и сеть оказываются разными формами организации сообществ на принципах соподчинения или сотрудничества; официальное и маргинальное в сети оказываются только лишь рядоположенными точками зрения, не обладающими никакими преимуществами; приватное и публичное трансформируются в свое–иное; персональное становится анонимным, личное закодированным и т.д.

В то же время М. Кастельс отмечает, что «общим для компьютерных средств коммуникации является то, что они не заменяют другие средства коммуникации и не создают новые сети, а укрепляют уже существующие социальные структуры»¹¹².

По этому поводу М. Кастельс пишет, что «в целом в Европе, так же как в Америке или в Азии, мультимедиа, по-видимому, поддерживают даже на ранней стадии своего развития социальную/культурную структуру, характеризующуюся *широкой социальной и культурной дифференциацией*, ведущей к сегментации пользователей/зрителей, читателей/слушателей». Причем М. Кастельс замечает,

---

¹¹¹ Прокудин Д.Е. Информационные технологии в образовании и их роль в формировании техногенной культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2012. С.28.

¹¹² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

что сегментированы по рынкам не только исходящие сообщения отправителей, но, следуя стратегиям построения «индивидуальных коттеджей в глобальной деревне», сообщения «все больше диверсифицируются пользователями, захватывающими сообразно своим интересам преимущества интерактивных возможностей»¹¹³. Пользователи все чаще создают виртуальные сообщества и группы, и формирование виртуальных сообществ есть, с одной стороны, проявление общей социокультурной дифференциации, а с другой стороны, наглядное выявление более дробной *социальной стратификации среди пользователей*.

Стремясь как можно более точно охарактеризовать внутреннюю сетевую стратификацию пользователей, М. Кастельс выдвигает гипотезу о существовании двух больших принципиально разнородных групп, все остальные более частные различия осуществляются внутри больших групп. Это «две очень разные популяции: малое меньшинство жителей электронной деревни, "первопоселенцев электронного пограничья" и бродячая толпа, для которой случайные вылазки в различные сети равносильны исследованию нескольких, хотя и эфемерных, существований»¹¹⁴.

В этом плане необходимо подчеркнуть две критически важные, по мнению М. Кастельса, особенности нового стиля жизни, складывающиеся под давлением Интернет-технологий: ее «домо-центризм» и ее индивидуализм.

Домоцентризм нового образа жизни проявляется в том, что в ситуации креативной или потребляющей экономики постиндустриального общества большое количество трудовых операций, выполняемых наиболее Интернет-продвинутым средним классом, выполняется сегодня за персональным компьютером в режиме присутствия в сети Интернет. Всевозможные консультации, экспертизы, переговоры, подписания договоров, медицинские

---

¹¹³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

¹¹⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

назначения, дизайнерские разработки, педагогические мероприятия осуществляются в режиме on-line. М. Кастельс, как и другие ученые, видит в этом и положительные и отрицательные моменты. Положительный момент состоит в том, что люди приобрели самостоятельность в управлении своим временем и пространством, в том числе трудовым. Отрицательный момент кроется в том, что «отсутствие четкого разграничения между работой и досугом, семьей и бизнесом, личностью и функцией приводит к слиянию разных областей опыта, что несколько затуманивает институциональное разграничение этих областей, дает возможность экспансии бизнеса и функций в частную сферу и смешивает коды поведения»¹¹⁵. Л. Ионин дополняет перечень негативных последствий информационных технологий, в том числе Интернета, сокращением реального, а не виртуального социального взаимодействия, сужением реальных социальных связей, увеличением числа депрессивных ситуаций и состояний, аутизацией детей и подростков, формированием неадекватной социальной перцепции.

Как пишет Л. Ионин, «информационное общество – это определенная часть, исторический этап эпохи модерна», оно «создается осознанно и целенаправленно как желаемое и позитивное развитие. К нашему времени информационное общество имеет проявляющиеся последствия строительства в культуре»¹¹⁶. Процессы трансформаций в культуре¹¹⁷ информационного общества подробно исследованы не только Л.Г. Иониным и М. Кастельсом, а также А. Костиной, Я. Масуда, Д. Прокудиным, Г. Рейнгольдом, А. Тоффлером, Ф. Уэбстером, Ю. Хабермасом, У. Эко и многими другими учеными.

М. Кастельс дает подробный анализ происходящим в современной культуре трансформациям, обусловленным развитием новых технологий существования и распространения культуры. Новую становящуюся под воздействием информационных технологий культуру он называет «культурой информационной

---

¹¹⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php.

¹¹⁶ Ионин Л. Г. Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу). Москва, 2007. С. 12.

¹¹⁷ Там же.

эпохи», ее отличительные содержательные черты он суммирует в понятии «культура реальной виртуальности», под которой имеет в виду «интеграцию электронных средств коммуникации, конец массовой аудитории и возникновение интерактивных сетей»¹¹⁸. Исходным моментом описания «культуры реальной виртуальности» становится характеристика новых культурных полей – «электронная культура», «сетевая культура», «компьютерная культура», «экранная культура»¹¹⁹ и другие, в своей совокупности составляющие поле информационной культуры.

Одним из проявлений «экранной культуры» является противостояние телевизионных экранных просмотров и экранного чтения. Как говорит У. Эко, современное общество расщепляется, подобно Средним векам, на два класса: тех, кто смотрит только телевидение, то есть получает готовые образы и готовое суждение о мире, без права критического отбора получаемой информации, и тех, кто смотрит на экран компьютера, то есть тех, кто способен отбирать и обрабатывать информацию. Тем самым, начинается новое разделение культур, повторяющее существовавшее еще во времена Средневековья, между теми, кто способен был читать рукописи и, значит, критически осмыслять религиозные, философские и научные вопросы, – ученую элитарную культуру, и теми, кто воспитывался исключительно посредством образов в соборе – разглядывания мозаик и фресок, отобранных и обработанных их творцами – носителями средневековой массовой культуры¹²⁰.

Существенным дополнением в понимании информационного общества является утверждение о том, что «виртуальная реальность — это не место механического отображения “реальной реальности”, а способ построения альтернативных миров»¹²¹.

¹¹⁸Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

¹¹⁹ Прокудин Д.Е. Информационные технологии в образовании и их роль в формировании техногенной культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2012. С. 4.

¹²⁰ Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php

¹²¹ Ионин Л. Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу). Москва, 2007. С.14.

Одним из наиболее характерных признаков нового виртуального сообщества пользователей Интернета является то, что реализуя множество деловых и частных проектов, один отдельно взятый пользователь обрывает в Сети множеством ников и логинов, в соответствии с множеством своих желаний и функций, и тем самым утрачивает свою личностную идентичность и приобретает мультиперсональную идентичность. Развивающаяся сегодня в Интернете модель мультиперсональной виртуальной идентичности является, по мнению М. Кастельса, отражением экзистенциального напряжения, возникшего между концептами «моей культуры» и «всеобщей культуры» и ставшего характерным для любого человека в глобализованном мире. Когда с одной стороны, осознано право индивида на отбор и складывание своей культуры как способа реализации культурной сущности человека, а с другой стороны, осознана ответственность человека перед всеобщей культурой и неизбежность существования в зазоре между ними, в силу невозможности избежать одновременных попыток присутствия и реализации обоих жизненных проектов. В условиях глобальной Интернет-сети индивид также попадает в ловушку мультиперсональной виртуальной идентичности и пытается реализовать одновременно свое присутствие и в конкретном локусе этого мира, и в информационном потоке Сети – присутствовать и бытийствовать одновременно локально и глобально.

Компьютерная коммуникация все больше приобретает критическую важность в формировании культуры. Элиты, которые дали ей форму, получают структурные преимущества в возникающем теперь обществе. Таким образом, хотя компьютеры поистине революционизировали процесс коммуникации, а через него – культуру в целом, эта революция распространяется концентрическими кругами, начинаясь на высоком уровне образования и

богатства, но оставаясь, вероятно, неспособной охватить необразованные массы и бедные страны¹²².

По словам Л.Г. Ионина, в информационной виртуальной среде меняется не только характер социальной коммуникации, но и собственно характер массовости и элитарности. Как утверждает исследователь, ни слову «массовый», ни слову «коммуникация» мы не можем теперь доверять¹²³.

Информационная сеть Интернет и осуществляемое в ней общение отличаются такими признаками, как:

1. «Погружение». Это значит, что пользователь погружается в генерированную компьютером изменяющуюся среду, он как бы «входит» в пространство за экраном

2. Многомерность. Это означает, что генерированное компьютером пространство, в которое погружается пользователь, имеет двух- и трехмерные характеристики

3. Мультисенсорика. Эта реальность одновременно воспринимается многими чувствами пользователя (зрение, слух, обоняние, осязание и т.д.)

4. Реальное время. Движения пользователя коррелируют с изменением среды без всякой временной отсрочки

5. Адекватность. Пользователь созданной компьютером развивающейся среды воспринимает образы, адекватные его воздействиям

6. Интеракция. Это означает, что пользователь может реально взаимодействовать с этой средой — изменять, передвигать предметы и т.п.

7. Проницаемость. В виртуальных пространствах пользователь может двигаться вперед и назад, смотреть вправо и влево. Если в этом пространстве предполагается несколько уровней, этажей, он может двигаться вверх и вниз

---

¹²² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

¹²³ Ионин Л. Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу). Москва, 2007. С.62-63.

8. Эффект реальности. Виртуальная среда программируется таким образом, что у пользователя возникает ощущение ее реальности

9. Эффект многих пользователей. Пользователь может в созданной компьютером среде взаимодействовать с другими пользователями, добиваться взаимопонимания, решать совместные задачи и т.д.»¹²⁴.

Информационное общество, по словам Д. Белла, это общество, которое отличается определенным способом производства информации и знания и создает новые способы и средства хранения и распространения информации, а также ее переработки и передачи.

Л.Г. Ионин, развивая идеи Д. Белла и М. Постера, выделяет три «ступени производства информации: (а) устно опосредованный обмен "лицом к лицу", (б) письменный обмен, опосредованный печатью и (в) электронно опосредованный обмен»¹²⁵.

Культура, в которой осуществляются все три способа производства и передачи информации: устный, письменный и электронный – это культура современного информационного общества. В этой культуре наиболее существенным образом трансформируются «формы существования культуры, ценностные ориентации и проективные стратегии»¹²⁶.

Как писал один из идеологов информационного общества И. Масуда, одной из характерных ценностей этого общества становится ценность времени не только как этапа, вмещающего определенные социальные процессы, но и времени как промежутка, на котором осуществляется социальное общение, происходящее в определенных культурно-исторических формах. Одной из важнейших для нас форм существования культуры является письменность, печатная книга и чтение.

---

¹²⁴ Цит. по: Ионин Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу). Москва, 2007. С.72, 121.

¹²⁵ Цит. по: Ионин Л.Г. Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу). Москва, 2007. С. 85.

¹²⁶ Прокудин Д.Е. Информационные технологии в образовании и их роль в формировании техногенной культуры : автореф. дис. ...д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2012. С.3.

«Что же до книг, – говорит М. Кастельс, – они остались книгами»¹²⁷. В этом вопросе, как и во многих других, с ним солидарен У. Эко, считающий, что в информационных потоках Интернета книги нашли электронную форму своего существования: размещения, издания, купли-продажи, скачивания, чтения и т.д. В Интернете книги зажили автономной от автора жизнью – стали предметом комментирования, копирования, скачивания, тиражирования и т.д.

В Интернете появились новые техники и новые практики работы с книгами. У. Эко в диалоге с Ж.-Ф. де Тоннаком и Ж.-К. Карьером в книге «Не надейтесь избавиться от книг!» опирается на идею об онтологическом характере чтения и способности варьироваться, характерной для материальных носителей читаемых текстов. Более того, У. Эко утверждает двунаправленный характер производства и утраты текстов в мировой культуре: вспоминая костры инквизиции и военные бомбардировки, ножи цензоров и зачитывание до дыр фанатами, переименование средневековыми переписчиками и утаивание фанатичными адептами, автор утверждает, что с переходом из бумажного в цифровой формат тексты пострадают не сильнее, чем при иных культурных катаклизмах – потопах, пожарах, переездах, библиотечных и издательских реформах, войнах, революциях и т.д. «История книжного производства неотделима от книжного холокоста», – вторит У. Эко Ж.-Ф. де Тоннак¹²⁸.

В технологической революции чтения Ж.-Ф. де Тоннак видит закономерный этап культурной истории: «То, что мы называем культурой, на самом деле является длительным процессом отбора и отсева». По мнению Ж.Ф. де Тоннака, процессу чтения не страшны и современные процессы трансформации книги из бумажного в электронный формат. «Если электронная книга в конце концов получит признание в ущерб печатной книге, вряд ли первой удастся изгнать вторую из наших домов и наших привычек. Так что e-book не убьет книгу»¹²⁹.

¹²⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php

¹²⁸ Тоннак Ж.Ф. Предисловие // Карьер Ж. К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! Санкт-Петербург, 2010. С.

7.

¹²⁹ Там же.

Ж.-Ф. де Тоннак исповедует технологический оптимизм, понимая новую технологию как эффективный способ расширения возможностей чтения для человека – прежде всего, он видит его в открытом и оперативном доступе ко всем оцифрованным и размещенным в Сети Интернет текстам. «Как и Гуттенберг с его гениальным изобретением не сразу отменили рукописные книги, а те в свое время, торговлю папирусными свитками и volumina. Практика и привычки сосуществуют и для нас нет ничего приятнее, чем расширять гамму возможностей... Так что добро пожаловать, графические планшеты и периферийные устройства чтения, обеспечивающие нам доступ с одного экрана к теперь уже оцифрованной всемирной библиотеке»¹³⁰.

Более всего интересует Ж.-Ф. де Тоннака вопрос о том, «как чтение с экрана изменит то, к чему мы пришли, листая книжные страницы? Что мы выиграем от этих новых маленьких книжек, а главное, что потеряем?» К числу наиболее очевидных потерь ученый относит следующие: «некоторые отжившие читательские привычки»¹³¹, смеем предположить, что именно те, которые определялись бумажным форматом носителя – слюнявить пальцы, листая страницы, загибать уголки страниц, запоминая важное или остановку в чтении, делать на полях карандашные пометки, делать подчеркивания ручкой или карандашом, использовать страницы «бесполезной» книги на растопку, или использовать книги в качестве декоративного элемента интерьера, или функциональной подставки, тайника для денег или оружия и т.д.

В качестве другой важной потери с уходом бумажных книг Ж.-Ф.де Тоннак называет утрату «некой сакральности, окружавшей книгу в нашей цивилизации, положившей ее на алтарь»¹³². Две крупнейшие цивилизации современного мира: иудео-христианская и арабо-мусульманская – берут свое начало от священных текстов Библии, и потому Библия, а затем и Евангелие и Коран являются теми книгами, которые обеспечивают единство и преемственность цивилизационного и

---

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. С.8.

¹³² Там же. С.8.

социокультурного развития в современном мире. Священные тексты до последнего времени были лидерами бумажного книгоиздания во всех странах мира. Ситуация с электронными книгами принципиально иная – в силу ментальных особенностей жителей «современной электронной деревни» священные тексты занимают небольшую нишу от всего скачиваемого интернет-трафика. Электронное чтение по преимуществу является деловым, учебным, либо коммуникационным и только затем досуговым и лишь в незначительной части религиозно-духовным. Электронное чтение сегодня стремительно секуляризировалось.

Третьей утрачиваемой ценностью с переходом от бумажного к электронному чтению Ж.-Ф. Де Тоннак называет «особые интимные узы между автором и его читателем, которые неизбежно разрушит понятие гипертекстуальности»¹³³.

Четвертой утратой Ж.-Ф. де Тоннак считает «идею «закрытости», которую символизировала книга. Закрытость здесь, скорее, следует понимать как общность контекста, включенность читателя в тот герменевтический круг, который был исходным для писателя в момент создания текстов, следовательно, обладание некими общими культурными кодами, делающими возможным и сообщение-выражение и сообщение-интерпретацию. Между тем электронные книги даруют процессу чтения абсолютную анонимность в плане авторства, названия, объема, иллюстраций, читаемых текстов: в отличие от бумажного носителя, который репрезентирован, как правило, во всех подробностях окружающим, и для достижения анонимности чтения в публичном пространстве книгу принято было оборачивать безликой оберткой – пластиковой, газетной, бумажной, электронная книга позволяет узнать постороннему надзирающему глазу только фирму-производителя e-booka.

Таким образом, культура информационной эпохи порождает особое социокультурное явление – электронную книгу и электронное чтение.

---

¹³³ Карьер Ж. К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! Санкт-Петербург, 2010. С.8.

Электронная книга – специализированный гаджет развлечений, который позволяет читать как письменный текст, так и разглядывать карты и фотоальбомы, слушать аудиокниги и любимую музыку. Электронное чтение с точки зрения теоретиков информационной культуры – это чтение экранное, интерактивное, мультимедийное, элитарное, сетевое, открывающее доступ к «Всемирной библиотеке».

Мы видим, что в результате технико-технологического переворота, обусловленного появлением компьютерных технологий и технологий мобильного интернета, а также мобильных цифровых гаджетов и соответствующего программного обеспечения, изменились носители информации, средства, обеспечивающие доступ к текстам для чтения – появились электронные книги (e-book), и изменились диктуемые этими средствами технологии работы с текстом и с информацией – появилось электронное чтение, что сделало наиболее востребованными новые виды грамотности, такие, как информационная грамотность, компьютерная грамотность, мультимедийная грамотность, все то, что современное продвинутое цифровое сообщество называет информационно-медийной грамотностью. Именно овладение этим видом грамотности, наряду с обладанием традиционной грамотностью, делает сегодня субъекта культуры креативным и независимым, составляет основу его социокультурных преимуществ, позволяет ему из творения культуры стать ее творцом.

1.1.3.

Изменения представлений о ценности чтения в культуре потребительского общества

Другим фактором, вызывающим трансформацию социокультурной ситуации чтения в современной культуре, является возникновение и развитие экономики потребления и формирование на ее основе культуры потребительского общества.

Культура потребительского общества, по словам Ж. Бодрийяра, формируется в современной Европе во второй половине XX века. Это культура, отличительной чертой которой является «жизнь среди вещей»¹³⁴, когда человек живет в задаваемом потреблением вещей ритме и в непрерывной последовательности потребляемых вещей. Культура потребительского общества – это культура общества, основанного не на производстве предметов, а «на потреблении, то есть на манипуляции» – потреблении их кодов и смыслов, задаваемых в рамках определенных символических знаковых систем. Культуру потребительского общества Ж. Бодрийяр называет культурализованной, то есть, в ней любой предмет «трансформирован в игровую и отличительную субстанцию, в аксессуар роскоши»¹³⁵.

В культуре потребительского общества, как признает Ж. Бодрийяр, в число предметов потребления попадают не только вещи, но и книги. Книги становятся в культуре потребления одним из видимых «аксессуаров роскоши, одним из элементов коллекции потребляемых благ»¹³⁶.

В культуре потребительского общества способом функционирования человека становится непрерывный и «утонченный концерт потребления»¹³⁷. Потребление стирает функциональные различия между потребляемыми вещами («нет больше различия между высшим сортом бакалеи и галереей живописи,

---

¹³⁴ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва, 2006. С.5.

¹³⁵ Там же. С.8.

¹³⁶ Там же. С.8.

¹³⁷ Там же. С.9.

между “Плейбоем” и “Трактатом о палеонтологии”¹³⁸), но предписывает им престижно-смысловые различия.

В культуре общества потребления меняется символическая стоимость вещи и то, что в культуре производящего общества не имело стоимости или не являлось атрибутом роскоши, сейчас приобретает огромную цену. В качестве таких естественных и одновременно «бесценных» феноменов Бодрийяр перечисляет: «пространство и время, чистый воздух и зелень, вода, тишина...»¹³⁹.

Мы должны отметить, что одной из главных разновидностей роскоши и сам Ж. Бодрийяр, и его последователи рассматривают «свободное время» или «время досуга»¹⁴⁰. Право распоряжаться своим временем, самостоятельно его организовывать, планировать, находить «свободное время» для занятий хобби, например, чтения, становится одним из самых редких и дорогих удовольствий в этой культуре. «Неравновесие и неравенство не уменьшились, они перенесены на другой уровень»¹⁴¹. Если раньше у бедных не было возможности освоить грамоту и чтение, не было денег на покупку книг, то сегодня у них нет времени на то, чтобы прочесть книгу. «Знание и власть стали или становятся самыми большими редкостными благами в наших обществах изобилия»¹⁴². В современном европейском обществе грамотность, письмо, чтение являются культурными навыками, доступными всем. Однако возможность реализации этих навыков в культурных практиках повседневности становится все более и более элитарной.

Как пишет Ж. Бодрийяр, «в рамках абстрактной демократии орфографии или телевизора может гораздо лучше осуществиться настоящая система дискриминации»¹⁴³. Эта дискриминация скрытая: доступ к информации и ее основным источниками – книгам и медиа – как будто бы открыт всем. Но характер системы занятости, включенности в трудовые процессы лишает сегодня

---

¹³⁸ Там же. С.9.

¹³⁹ Там же.С. 82.

¹⁴⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Москва, 2000.

¹⁴¹ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва, 2006. С.82.

¹⁴² Там же. С.93.

¹⁴³ Там же. С.84.

трудящиеся массы доступа к самым простым и естественным, а потому самым дорогим благам: свободному времени, частному, приватному пространству, чистому воздуху и книге, как атрибуту свободы и медитативности. Но эта дискриминация завуалирована за лозунгами общества потребления и теми поведенческими моделями, которые навязываются средствами массовой пропаганды потребительского образа жизни – глянцевыми журналами и гламурными телепередачами и телеканалами. «Туфли вместо книжек!» – лозунг общества потребления.

Знания, культура, книги, чтение в логике культуры потребительского общества оказываются всего лишь «вариантом более острой и тонкой культурной сегрегации», «резервом магической власти»¹⁴⁴. Поэтому для наивного и бедного демократического большинства, искренне увлеченного процессом потребления, знания не обязательно получать из первоисточника, важно публично демонстрировать приобщенность к знаниям и к первоисточнику. Книги не обязательно читать и обдумывать, ими нужно владеть и делать это демонстративно и публично. Чтение не обязательно осуществлять, его можно симулировать, нося книгу в дамской сумочке или выкладывая на журнальный столик. Культурные явления, как и потребительские товары, в культуре потребительского общества «симулируют социальную сущность – статус», становятся фетишем, знаком «изобилия и благодати».

В то же время Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «для наиболее обеспеченного богатством и властью меньшинства книги, знания, чтение, культура» по-прежнему остаются тем, чем они являлись всегда – «средствами воспитания и образования, необходимыми для получения и удержания власти и богатства»¹⁴⁵.

В культуре потребительского общества расслоение происходит по линии автономности. Свободный субъект может удовлетворять свои желания, вырастающие из реальных жизненных потребностей. Подвластный субъект

---

¹⁴⁴ Там же. С.85.

¹⁴⁵ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва, 2006. С.88.

потребления вынужден наслаждаться тем, что предписывает общество. Жажда наслаждений выходит в обществе потребления на первый план вместо вырастающих из процессов производства потребностей и их удовлетворения. Жажда наслаждений ведет к преодолению повседневности, стремлению к постоянному выходу за ее рамки, возрастает интерес к литературе фэнтези и киберпанка, альтернативной истории, технической и социальной фантастике, самым разнообразным приключенческим жанрам литературы. Из потребности к преодолению повседневности вырастает, по словам Ж. Бодрийяра, и «оживление универсальной любознательности»¹⁴⁶, что ведет к росту читательской активности в сфере нон-фикшн, не художественного чтения, а рекомендательного чтения, чтения полезных советов по преодолению быта, совершенствованию тела, путешествий в неведомые страны.

Ж. Бодрийяр определяет общество потребления как «общество обучения потреблению, социальной дрессировки в потреблении»¹⁴⁷. Чтение как одна из практик сохранения и передачи социокультурного опыта включается в этот процесс экономической дрессуры и приобретает не свойственную ранее ему функцию – обучения потреблению.

Для более успешного обучения потреблению рождается особый жанр литературы для чтения – глянецовый журнал. А вместе с ним и новая разновидность чтения – чтение-листание.

Чтение-листание существует сегодня и в отношении бумажных изданий, и в отношении электронных изданий – это избирательное чтение-наслаждение текстом¹⁴⁸, когда читатель вынужден выбирать, читать и перечитывать, смаковать, разбивать текст на смысловые фрагменты и компоновать их заново: так читают не только книги, но, главным образом, газеты и журналы. На чтении-листании как технике основывается чтение-потребление как тип взаимодействия читателя и текста.

---

¹⁴⁶ Там же. С.110.

¹⁴⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва, 2006. С.111.

¹⁴⁸ Барт Р. Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. Москва, 1994. С. 469.

В философии французского постструктуралиста Р. Барта проблема чтения-потребления была концептуализирована в понятиях «эротики текста» и «наслаждения текстом».

В смешении множества языков Барт видит предпосылку для наслаждения текстами, созданными на этих разных языках. Он утверждает, что понятия удовольствия и наслаждения от текста отличны по своему содержанию, но эти отличия зыбки. Они проистекают из того, что автор, создающий текст из глубинной потребности творить, получает удовольствие всегда – высказывается, означает, наделяет смыслом, творит. Проблема состоит в том, чтобы авторский текст желал читателя, чтобы в нем возникал эротический магнетизм. Такая эротическая притягательная сила, по мнению Р. Барта, возникает в тексте в момент письма. «Письмо – это доказательство того, что текст меня желает»¹⁴⁹.

Тексты, которые создаются авторами, всегда существуют в рамках определенной конвенциональной культуры. И одни из них поддерживают существующие конвенции, а другие – разрушают. Барт утверждает, что ни культура сама по себе, ни ее разрушение сами по себе не эротичны. Эротичен, притягателен культурный сдвиг, когда сквозь привычное и устоявшееся нам приоткрывается нечто новое, неизвестное и загадочное. В этом приоткрывании и сокрытии – источник желаний и соблазнов текста. Следовательно, «пространство удовольствия – это культура, во всех ее формах»¹⁵⁰, и в том числе в практиках чтения.

Р. Барт противопоставляет понятия текст-удовольствие и текст-наслаждение. Текст-удовольствие порождается смысловыми разрывами, столкновениями различных смыслов, такой текст балансирует над пропастью «благоразумия, конформности и плагиата» с одной стороны, и зыбким ускользающим берегом инноваций – с другой. Текст-удовольствие – «это место, где всякий раз можно подсмотреть одно и то же – смерть языка»¹⁵¹.

¹⁴⁹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1994. С. 464.

¹⁵⁰ Там же. С.465.

¹⁵¹ Там же. С.465.

В культуре потребления текст-наслаждение делает ставку на «нескончаемое пиршество, миг, когда языковое удовольствие начинает задыхаться от собственного переизбытка и изливается наслаждением»¹⁵².

Читательское удовольствие от текста, по мнению Р. Барта, возникает не от содержания, не от формы изложения, а от возможности читать вразброс, выбрасывать куски, пропускать страницы, подгоняя развязку, то есть «сминать текст в складки». Здесь противопоставляются ученым два способа чтения: первое – последовательное чтение, быстрое, подробное, прилежное, и второе – избирательное, смакующее, где в складках образуется «просвет наслаждения».

Принцип избирательного чтения, по Р. Барту, характеризует прежде всего чтение массовой или популярной литературы. Это подтверждают и современные исследователи. Чтение-потребление предполагает «рассеянное, поверхностное восприятие текста и в то же время чрезмерную тесноту “тактильно-шокового” соприкосновения с ним»¹⁵³.

«Книги вместо туфель!» – лозунг борьбы с идеологией общества потребления. Как правило, это лозунг интеллектуалов среднего класса, которым приходится постоянно конструировать свою идентичность и читать книги подлинно знающих, глубоко понимающих и непрерывно думающих людей.

Общество потребления создает новые условия для чтения даже для таких читателей, тех, кто не отказался от этой культурной и художественной практики, но для них в условиях массового потребления чтение приобретает черты, описываемые М. Бланшо.

М. Бланшо называет чтение болезнью¹⁵⁴ интеллектуалов, поскольку у читателя происходит раздвоение сознания. Это раздвоение сознания обусловлено, по М. Бланшо, особенностями повествования. «Само повествование – это мысль, ставшая последовательностью неоправданных и недоступных пониманию событий, а смысл, который наведывается в повествование, – это та же мысль, но

¹⁵² Там же. С.467.

¹⁵³ Венедиктова Т.Д. Разночтение как культурный ресурс. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/ve35.html>.

¹⁵⁴ Бланшо М. От Кафки к Кафке. Москва, 1998. С.62.

преследующая себя через непонятное под видом общего смысла, который все опрокидывает. Тот, кто придерживается повествования, погружается, не отдавая себе отчета, в нечто темное, а тот, кто придерживается смысла, не может достичь тьмы, в отношении которой смысл оказывается разоблачительным светом. Два читателя никак не могут воссоединиться, мы становимся то одним, то другим, мы понимаем то слишком много, то слишком мало из того, что требуется понять. Настоящее прочтение остается невозможным»¹⁵⁵. Чтение, по мнению М. Бланшо, это не столько понимание, поскольку смысл неопределен и все время ускользает, и не столько проживание, поскольку двойственность «литературы» и «жизни» непреодолима, а комментирование.

Чтение-комментирование, по мнению М. Бланшо, это повторение произведения другим языком, который заполняет изначальные лакуны смысла, но одновременно создает новые, оставаясь, в свою очередь, также самостоятельным произведением¹⁵⁶.

В процессе чтения загадка смысла текста стремится одновременно к своему разрешению и в то же время к сокрытию смысла. Эта двойственность одновременно и мучительна и притягательна для читателя. М. Бланшо говорит о том, что эта болезнь отражает состояние скольжения в окружающем читателя мире и состояние самого читателя, в котором нет ничего неизменного и устойчивого, но есть только стремление к истине, к вере, к смыслу.

Читателя М. Бланшо называет лжецом. Поскольку «настоящее прочтение остается невозможным»¹⁵⁷, каждый читатель придумывает свое «ложное» прочтение-толкование текста.

Идеи М. Бланшо развивает П. Байяр, который считает, что чтение – это необязательный, нелинейный и неоднонаправленный процесс, и поэтому понятие «чтение» утрачивает свою однозначность. П. Байяр описывает и анализирует

---

¹⁵⁵ Бланшо М. От Кафки к Кафке. Москва, 1998. С. 60-61.

¹⁵⁶ Там же. С.176-177.

¹⁵⁷ Там же. С. 61.

такие формы чтения как «чтение-пролистывание»¹⁵⁸ и «чтение-блуждание»¹⁵⁹, «чтение – озиране книг на расстоянии»¹⁶⁰, «чтение — слушание чужих впечатлений о книге», каждая из которых разрушает традиционные представления о прочитанности или непрочитанности текста. П. Байяр анализирует ситуацию «искушенного читателя», для которого важна не каждая отдельная прочитанная книга, а их система, место каждой отдельной книги в этой системе, общее и особенное, что делает отдельный текст частью общего интеллектуального процесса. В современной культуре репрезентаций сам процесс прочтения книги становится необязательным, а умение рассуждать о «непрочитанной» книге востребованным все чаще. Его можно продемонстрировать и в светской беседе, и на экзамене, и на встрече с писателем, и в разговоре с любимым человеком. Поскольку как говорил Ж.-П. Сартр, «читатель непрестанно ищет в самых разных книгах все те же мысли. Это его собственные мысли, другие ему просто не нужны. Он только хочет, чтобы ему их представили в великолепной форме»¹⁶¹, то для того чтобы рассуждать о непрочитанных книгах, ему только лишь необходимо научиться «не стесняться того, что книга не прочитана», «уверенно внушать свои идеи», «не бояться выдумывать книги», «говорить о себе». Книг, по мнению П. Байяра, слишком много, а читатель всегда только один.

Другие аргументы в защиту тезиса о том, что современному читателю в культуре общества потребления не стоит читать, приводит Дубравка Угрежич. Ее аргументы состоят в том, что в обществе потребления разрушена традиционная система отношений между «уважающими себя писателями» (self-respecting writers) и «заинтересованными читателями» (readers interesting in reading): между ними стоят издатели, редакторы, рекламные агенты, агенты по авторским правам, переводчики, продавцы в магазинах. Процесс чтения определяется не столько

---

¹⁵⁸ Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали. Москва, 2012. С.40.

¹⁵⁹ Там же. С.41.

¹⁶⁰ Там же. С.41.

¹⁶¹ Сартр Ж.П. Что такое литература? Слова. Санкт-Петербург, 2000. С. 13.

личным выбором и вкусом читателя и писателя, сколько издательской политикой, маркетинговыми стратегиями, цензурой рынка, потребностями переводчиков, особенностью авторского права в различных странах мира, а также интересами книготорговцев. Чтение в обществе потребления, по мнению Д. Угрежич, превратилось в престижный процесс потребления и ничем не отличается от потребления других престижных товаров и услуг, поэтому уважающему себя писателю не стоит в этой ситуации ничего писать, а уважающему себя читателю не стоит читать. Вывод, который делает из анализа сложившейся ситуации Д. Угрежич, вынесен в заголовок ее книги: «Thank You for Not Reading» («Спасибо, что Вы не читаете»).

В результате обзора концепций чтения в эпоху потребления мы видим, что в культуре потребления традиционное чтение-образование и чтение-воспитание трансформировалось в чтение-наслаждение, тесно связанное с утратой потребности в чтении и заменой этой потребности на потребности в навязанном данным типом культуры наслаждением. Чтение-наслаждение проявляется в таких формах чтения-потребления, как чтение-комментарий (когда каждый читатель ставит себя на место автора и критика), чтение-листание (когда читатель симулирует ситуацию чтения-передачи и интерпретации информации), а также нечтение, когда искушенный читатель отказывается читать тексты, не соответствующие его читательскому репертуару.

Итак, описанная нами ситуация постграмотности на эмпирическом уровне характеризуется: во-первых, разнообразием форм грамотности, во-вторых, смещением доминант грамотности с азбучно-буквенных на машинно-технические формы грамотности, в-третьих, субверсией каналов трансляции грамотности: вместо канала от старших и авторитетных инстанций к обучающимся. Основное направление трансляции информации сформировалось от младших и маргинальных самодельных «продвинутых пользователей» к обучающимся/обучающим взрослым.

В связи с этим отношение к уже сложившейся в обществе ситуации постграмотности должно стать ответственным и осознанным. Нужно честно признать факты снижения уровня грамотности письма у представителей младшего и среднего возраста, что приводит к падению культуры письменных коммуникаций, качества документооборота и разнообразных текстовых сообщений. Зависимость грамотного письма от машинной проверки правописания становится повсеместной, сужение языкового тезауруса приводит к уменьшению понимаемой и интерпретируемой словесно-речевой информации, неумение выражать эмоции на письме и в устной речи приводит к расширению сферы применения экспрессивно-эмоциональной ненормативной лексики и т.д.

С другой стороны, отсутствие компьютерной грамотности у большей части населения старшего возраста приводит к информационной и технологической зависимости этой части населения от окружающих. Эти люди исключены из сферы электронного документооборота и электронных услуг (почта, платежи, торговые операции, информационные услуги, электронные заявки в государственные органы, электронные записи и электронные очереди в частные и муниципальные лечебные, банковские и другие учреждения) – все это усугубляет ситуацию культурной и социальной зависимости представителей старших возрастных групп, т.н. «цифрового неравенства».

Постграмотность как сформировавшееся явление современной культуры и цивилизации разделило общество технологически и, как следствие, поколенчески на тех, кто остался в старой письменной, традиционной грамотной и книжной культуре, и тех, кто не выучился грамотно писать и читать книги, но является активным компьютерным пользователем и активным субъектом социального действия.

Возникая последовательно в истории культуры, различные формы грамотности не исчезали в процессе культурного развития, а дополняли друг друга, выполняя различные, но всякий раз специфические и существенные культурные функции. Упомянутое нами узелковое письмо сохранило свое значение в профессиональной коммуникации рыбаков и альпинистов,

пиктографическое письмо сегодня является предметом особого изучения разработчиков цифровой техники и интерфейсов компьютерных программ, иероглифическое письмо продолжает существовать в Японии и Китае наряду с алфавитным письмом и выполняет функцию национального сплочения и интеграции. Все это позволяет увидеть, что ситуация постграмотности не упрощает, как представляется с точки зрения цивилизационно-эффективного подхода, а усложняет требования к содержанию навыков передачи информации – письма и считывания информации и ее интерпретации – чтения.

Эффект постграмотности – это социокультурное явление, при котором пользовательская компьютерная грамотность и вовлеченность пользователя в процесс виртуального общения преобладает над традиционной грамотностью, сетевое электронное общение над общением реальным, а электронное экранное чтение над чтением книжным (журнальным, газетным).

Массовый социокультурный эффект – это явление, фиксируемое на разных уровнях социологического взгляда на современное общество и его культуру, когда с большой частотой мы можем увидеть одинаковые последствия одних и тех же действий, порожденных сходными причинами.

Постграмотность – это массовый социокультурный эффект, ставший реальностью современного социокультурного бытия в результате действия целого комплекса технологических, психологических, экономических, политических и символических причин.

Первая группа причин – технологическая. Прежде всего – это появление и все более широкое внедрение во все сферы современной жизни компьютерной техники, наиболее квалифицированными и активными пользователями и программистами которой являются представители молодого образованного поколения, а также студенчества и учащихся. Отсюда первый смысл этого эффекта – постграмотность – это ситуация предпочтения всем другим формам виртуальной экранно-компьютерной формы взаимодействия с реальностью.

Другая причина – это соединение коммуникационных возможностей современной мобильной телефонии с интеллектуальными возможностями

компьютера и Интернета и рождение нового феномена – мобильного Интернета. Отсюда второй смысл постграмотности – это ситуация предпочтения всем формам межличностной и межкультурной коммуникации ее мобильной виртуальной формы посредством мобильного Интернета, постоянная подключенность индивида к таким пользовательским серверам, как ISQ, Facebook, В контакте и т.д.

Третья причина – это стремительное расширение цифровой памяти и бурное развитие разнообразного сетевого электронного контента, включающего музыку, фильмы, книги, энциклопедии, журналы, фотографии, блоги, форумы и другое. Отсюда третий смысл постграмотности – это ситуация культурного и технологического предпочтения таких каналов аккумуляции и трансляции социокультурной информации, как электронное чтение и киновосприятие, комментирование, оценивание («мне нравится»), рекомендации к чтению или просмотру.

Вторая группа причин – культурно-антропологическая. В современном российском обществе люди грамотные традиционным образом и грамотные «мультимедийно» делятся, как уже отмечалось, поколенчески. Условно их можно разделить на традиционно грамотных «старых русских», получивших образование в советские времена, и на получивших образование в постсоветской России «молодых русских». Компьютерная грамотность является сегодня важным социальным лифтом, позволяющим преодолеть узость сформировавшихся статичных социальных рамок: возраст, образование, место жительства, – и обрести шанс социального маневра в современном динамично обновляющемся обществе.

Культурно-антропологическая потребность в утверждении себя успешным носителем новой постсоветской культуры и новых ценностей открытого информационного общества привела к освоению новых технологий, способов общения и утверждения ценностей.

Экономические причины возникновения эффекта постграмотности состоят, во-первых, в новых востребованных свободным рынком труда профессиональных

компетенциях, основанных на компьютерной грамотности, возникших с переходом к новой экономической модели в 1991 году; во-вторых, в создании стимулирующей рост компьютерной грамотности системы оплаты труда, предполагающей выплаты выше среднего для компьютеризированных рабочих мест, в создании разветвленной сети профессионального переобучения и перепрофилирования для работы на компьютеризированном рабочем месте. Все эти причины привели к быстрому освоению компьютерной грамотности разновозрастным активным трудоспособным населением в самых разных отраслях экономики и регионах страны.

Кроме того, рост компьютерной грамотности был связан с новыми электронными технологиями управления производством и коллективами, которые предоставляли серверы моментальных денежных платежей, электронного документооборота, электронной почты, госуслуг.

Постграмотность, при поверхностном взгляде на проблему, кажущаяся тотальной безграмотностью «компьютерного поколения», при внимательном культурологическом анализе оборачивается совсем иным содержательным феноменом. *Постграмотность – это культурно-историческая форма грамотности, существующая после всех сформировавшихся в культуре предшествующих форм грамотности и вбирающая в себя каждую из них.* Быть грамотным сегодня означает овладеть всеми формами письма и чтения, которые являются востребованными в современной культуре и цивилизации. Когда обучающийся способен считывать и передавать информацию изначально в картинках, затем в условных знаках и символах, и, наконец, посредством связного и сложноорганизованного текста, то он последовательно проходит все стадии развития грамотности в культуре от пиктографии до книжности. Одновременно он последовательно проходит все стадии подготовки для освоения компьютерной грамотности, условием существования которой является освоение и пиктографического, и символического, и алфавитного письма.

Также постграмотность включает специфическое новое понимание грамотности, складывающееся из полиморфизма текстов в современной культуре,

из доминанты потребления в отношении к современным текстам, и из конкуренции новых информационных технологий трансляции текстов, связанных с развитием компьютеров, мобильной связи и Интернета, традиционных аналоговых и письменных медиа.

В силу того, что такой признак современной культуры как постграмотность проявляется и на уровне характеристики текстов – универсальных носителей информации в культуре, и на уровне технико-технологических средств трансляции культурной информации, и на уровне отношения субъектов культуры к текстам, содержащим культурную информацию, то такую культуру мы можем назвать культурой постграмотности.

Возникающий в культуре постграмотности особый тип чтения, основанный на полиморфизме текстов, на мультимедийном суперхайвее как основном канале трансляции текстов и на смешении всех способов чтения: визуального, аудиального и сенсорного – мы называем постграмотным чтением, возникающим в современной культуре.

1.2.

Постграмотное чтение в социально-коммуникативной системе современной культуры

Прежде чем начать анализ развития философско-культурологических представлений конца XX века о том, что такое чтение, и специфики понятия «постграмотное чтение», необходимо уточнить, что мы исходим из концепции культуры как пространства семиотически оснащенного диалогического общения (М. Бахтин, В. Библиер, Л. Закс, Ю. Лотман, М. Каган), Чтение в данном случае мы

понимаем как социально-коммуникативную систему передачи и приема информации, сложившуюся в классической культуре в составе следующих компонентов: автор – произведение – читатель. Каждый из компонентов осуществляет ряд функционально необходимых действий, направленных на то, чтобы обеспечить и реализовать практику (реально: практики) чтения. Соответственно, для того, чтобы показать, что представляет из себя новый тип чтения – «постграмотное чтение», мы дадим характеристику изменениям, произошедшим в условиях культуры постграмотности в каждом из компонентов данной социокультурной коммуникативной подсистемы.

1.2.1.

Полисубъектный, де-центрированный виртуальный «автор» в постграмотном чтении

Важным шагом на пути формирования представлений о новом типе постграмотного чтения было рождение новых представлений об авторе и авторстве, его авторитетности в социально-коммуникативной системе чтения: автор – текст – читатель.

В классической книжной и грамотной культуре «автор» являлся творцом, создателем произведения, центральной фигурой художественной жизни. В переводе с латинского *autor* есть основатель, сочинитель, соответственно наиболее авторитетная инстанция, не только сочиняющая сюжет, но и конструирующая язык, на котором этот сюжет рассказывается, устанавливающая правила данного языка, чтения и письма на данном языке. Автор не только следует грамматическим правилам языка, но в своем художественном творчестве

постоянно преодолевает сложившиеся правила синтаксиса и морфологии текста, с тем чтобы достичь наибольшей художественной выразительности текста, и устанавливает свои правила.

Автор в классической культуре не только использовал язык, но и формировал правила грамматики. Отсюда первых французских поэтов Средневековья называли труверами (от слова *truvor* – изобретатель). На основе авторского использования правил грамматики рождались учебники и грамматики для детей. Читая и выполняя упражнения, целые народы усваивали единые правила языка и формировались национальные языки и создавались в дальнейшем национальные литературы. Так, А. Рейтблат пишет о том, что не успел выйти из печати роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», как на основе пушкинского языка в 1826 году была составлена грамматика, и на протяжении всего XIX столетия детей в России учили писать и читать «пушкинским слогом»¹⁶². Соответственно, читатели, выученные грамматике, чтению и письму на примерах пушкинского языка, и в качестве литературного и эстетического идеала имели пушкинский роман или поэму, сказку. Следование при выборе предмета чтения, в процессе чтения, при оценке прочитанных текстов правилам грамматики и литературы, установленным в русской национальной литературе А.С. Пушкиным, мы с уверенностью называем не только классическим типом чтения, но и чтением, существующим в рамках определенных представлений о грамотности, то есть «грамотным» чтением.

Сомнения в высшем авторитете Автора и авторства, представления об авторе как некоем посреднике-медиуме, скрипторе сформировались в эстетике французского и итальянского постструктурализма. Как пишет И.Ильин, в 60-е гг. XX века «проблема Автора становится одной из ведущих тем французского структурализма, в котором порождение смысла объясняется автоматическим и безличным функционированием знаковой системы, языка, текста,

---

¹⁶² Рейтблат А. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. Москва, 2001.

провозглашается “смерть автора”, означающая, что намерения автора не несут какой-либо смысловой нагрузки»¹⁶³. Новое понимание автора было разработано в статье Ролана Барта «Смерть автора» (1968 г.)¹⁶⁴, в книге М. Фуко «Слова и вещи: Археология гуманитарных наук» (1966) (ввел термин «смерть субъекта»)¹⁶⁵, а также в докладе У. Эко «Открытое произведение»¹⁶⁶, где было введено понятие интертекстуальности.

Согласно М. Фуко, вопрос об авторе — это один из возможных вопросов о производящем субъекте. В философии литературы постструктурализма Автор становится децентрированным автором, в качестве авторитетной и персональной целостности распадается на автора имплицитного, автора эксплицитного, автора титульного и автора дискурсивного. Соответственно каждое из данных проявлений авторства обладает собственными функциями.

Автор титульный фиксирует права собственности на текст, ответственность за содержание текста перед господствующим цензурным режимом, маркирует границы дискурсов – художественного, научного или публицистического, к которому он принадлежит, а также маркирует границы между текстами, принадлежащими к разным дискурсам. Допустим, принадлежность к научному дискурсу, где указание на титульных авторов является общеобязательной нормой научного производства текстов. Титульный автор – это имя, что вынесено на обложку книги или на титульную страницу документа, оно позволяет «классифицировать тексты, группировать их, разграничивать, приводить в определенное отношение между собой»¹⁶⁷. Титульное имя позволяет идентифицировать тексты с индивидами, которым они принадлежат: частные письма, дневники, исходящие документы, счета, квитанции. Документы, лишенные титульного авторства, остаются анонимными.

¹⁶³ Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва, 1996. С. 160.

¹⁶⁴ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1994.

¹⁶⁵ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. Москва, 1977.

¹⁶⁶ Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. Санкт-Петербург, 2004.

¹⁶⁷ Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет / М.Фуко. Москва, 1996. С. 21.

Имплицитный автор – это автор не физический и не поименованный, но исчерпывающим образом репрезентированный в произведении. Это автор, гарантирующий устойчивый уровень качества текстов, их сюжетно-стилистическое и интонационно-вербальное и интонационно-невербальное единство, единство теоретических оснований в определенном смысловом поле, производство текстов на определенном участке времени.

Эксплицитный автор вбирает в себя сразу несколько смысловых идентифицирующих позиций автора: и автор предисловия, предваряющий текст, и автор, делающий от своего лица ремарки в тексте в процессе развития текста, и автор заключения, делающий выводы и подводящий итоги развития текста. «Таким образом, автор теперь видится не как единоличный создатель текста, а как ретранслятор множества текстов, дискурсов, которые подобны переплетениям нитей в полотне окружающей реальности»¹⁶⁸.

Как утверждает М. Фуко, существует также особый тип авторства, когда автор, является «основателем дискурсивности», «...особенность этих авторов состоит в том, что они являются авторами не только своих произведений, своих книг. Они создали нечто большее: возможность и правило образования других текстов»¹⁶⁹. В качестве примеров таких дискурсивных авторов М. Фуко приводит К. Маркса и Ч. Дарвина, запрограммировавших тексты многих мыслителей по политической экономии и естественной истории на столетие вперед. Соответственно, М. Фуко делает вывод, что автор возможен только как «автор дискурсивности»¹⁷⁰.

Таким образом, мы видим, что автор у М. Фуко не персонифицирован и не абсолютизирован – Автор не единоличный создатель, конкурент Бога, автор множественен, и он существует во множестве смысловых позиций в тексте.

¹⁶⁸ Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва, 1996. С.225.

¹⁶⁹ Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет / М.Фуко. Москва, 1996. С.31.

¹⁷⁰ Фуко М. Указ. соч. С. 31-32.

Р. Барт рассматривает изменение роли автора в современном ему чтении в конце XX века и обнаруживает его не только в множественности позиций автора в отношении к тексту, но и в изменении отношения автора и различных составляющих внутри текста. Текст отныне не изображает жизнь и мысль автора, жизнь и мысль изначально существуют, присутствуют в тексте. Текст дан в определенном языке – у языка две функции: речь и письмо. И в речи и на письме автор – это всего лишь тот, кто определенным образом обрабатывает, аранжирует жизнь в тексте, присутствует настолько, насколько текст позволяет автору это сделать при помощи языка. Автор, по мнению Р. Барта, не может единолично «вместить» в себя весь язык, чтобы исчерпать все его возможности¹⁷¹. Автор не изобретатель языка и правил его грамматики, как это было в классическом искусстве. Он обладает определенным тезаурусом, и потому автор лишь следует языку и его правилам. Отныне автор не управляет текстом, а подчиняется его логике и его языку. Письмо руководит автором, смысл проговаривается текстом. Если текст перестает быть выразительным, а становится бытийствующим, то автор как инстанция, ответственная за текст, являющаяся личностно-психологическим источником текста и самодостаточная в своем существовании, вне текста перестает существовать. Интерпретирующая и наделяющая текст смыслом функция отныне принадлежит читателю.

Еще более обострилась проблема авторства с возникновением сетевой литературы и растущим объемом не только традиционного, но и экранного чтения, в процессе которого формируются представления о так называемом «виртуальном» авторе.

Процессы свободного вне-институционального дрейфующего Интернет-чтения по новому организуют отношения между автором и читателем. «Учитывая безграничные возможности мистификации и умножения "виртуальных личностей", "автор" в Интернете превращается чуть ли не в особый жанр

---

¹⁷¹ Барт Р Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. Москва, 1989. С. 368.

литературного творчества»¹⁷². В Интернете автор скрывается за определенной избранной внешностью – «аватаром» и сконструированным именем – «ником». Такой феномен в 1985 году был назван американским критиком Мамгреном «авторской маской». Как пишет Ильин, «именно она настраивает читателя на определенное восприятие, организует реакцию, обеспечивая тем самым необходимую литературную коммуникативную ситуацию. Маска автора – это принцип игровой реализации образа автора, <...>, от лица которого ведется повествование»¹⁷³. «Авторская маска» выполняет в Интернет-чтении сразу несколько функций. Прежде всего, это функция кодирования образа автора, когда вместо фотографии титульного автора используются фрагменты живописных или фотографических произведений и имена воображаемых лиц. В ироническом «снижающем» кодировании проявляется также функция самоиронии, когда автор подбирает для себя «снижающий» образ и, следовательно, отказывается от груза того авторитета и ответственности, что несет автор в классическом чтении. Кроме того, «авторская маска» выполняет аттрактивно-коммуникативную функцию: она привлекает внимание к образу автора и создает интригу для интерпретации читателем этого образа, а также выполняет мифологизирующую функцию – она «создает» легенду вокруг имени и визуального образа автора.

Скрываясь за «авторской маской», титульный автор произведения может играть своими имплицитной и эксплицитной формами существования, развивать текст в разных дискурсах, симулировать разные способы и уровни бытия в произведении. Это можно увидеть на примерах многочисленных «авторских масок» у авторов сетевых дневников. Одним из самых ярких примеров является авторская маска блогера Вероники Белоцерковской – «Белоника»¹⁷⁴.

¹⁷² Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>

¹⁷³ Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва, 1996. С. 188.

¹⁷⁴ Литовская Е. В. Динамика развития речевого портрета Вероники Белоцерковской: от блога к книге : магистерская диссертация. Екатеринбург, 2014. 161 с.

Кроме того, «в Сети уменьшается, а иногда и вообще исчезает охранявшаяся книгопечатанием *статусная дистанция* между автором и читателем, что неминуемо сказывается на них обоих»¹⁷⁵.

Автор – в традиционной системе книжного производства – это тот человек, который живет на средства, обеспеченные ему трудом читателя по приобретению и прочтению написанной им книги или статьи. Между тем, труд читателя по поиску, выбору, приобретению и освоению приобретенной продукции традиционно остается незамеченным и неисследованным, а главное, неоплачиваемым, что делает фигуру читателя пассивно-рецептивной, а труд автора по созданию книги – активным, автор всячески возвеличивается в традиционной культуре, он считается единственным и окончательным создателем текстов, кто заслуживает за свой нелегкий труд «инженера человеческих душ» немалый гонорар.

Такая оппозиция находит деконструкцию в современном Интернет-чтении. Именно Интернет воплощает постмодернистскую идею вне-персонального автора-дискурса и идею идеального читателя в лице писателя: комментов, постов и другой Интернет-продукции. Здесь и автор, и читатель оплачивают Интернет-трафик, но изначально в Рунете тексты обращались безвозмездно, а количество посещений и скачиваний определяло рейтинг сетевого автора. И та и другая фигура в процессах Интернет-чтения являются обратимыми, в авторе с неизбежностью присутствует читатель, а в читателе – писатель. Интернет-чтение «приводит к рождению принципиально новой фигуры – "*активного читателя*", давней мечты интеллектуалов XX века»¹⁷⁶, который сам формирует структуру своего чтения, определяя жанры, тематику, качество текста, и тем самым реализуя свои литературные потребности и скрытые желания. И автор, и читатель, следуя своим литературным и антилогоцентричным потребностям и желаниям,

---

¹⁷⁵ Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>

¹⁷⁶ Там же.

«стремятся к сохранению подлинности устного слова, к наиболее тонкой и подчеркнутой передаче устного слова и это сохраняется в новой сетературе»¹⁷⁷.

В результате метаморфоз, произошедших в конце XX – начале XXI века с «автором», мы должны сделать вывод, что автор утратил не только авторитет творческой инстанции, авторитет психологической убедительности, но и языковой самостоятельности. Из субъекта, творящего язык и литературу на своем языке, инстанции, задающей правила грамматики для своих читателей, автор превратился в инструмент, которым владеет язык, в средство существования языка и языковой игры. Автор утратил свою персональность, утратил функцию конструирования языка и выработки правил языковых игр.

Тип чтения, в котором правила чтения устанавливаются внеличностными, имперсональными структурами, такими, как язык, и/или гипертекст, мы называем постграмотным чтением.

1.2.2

Сенсорный и структурный полиморфизм текстов в современной культуре

«Читать... нельзя научиться раз и навсегда — каждая эпоха требует от нас нового усилия»¹⁷⁸

Одним из условий, изменившим современную ситуацию чтения и позволяющим одним ученым утверждать сокращение практик чтения, а другим ученым утверждать торжество элитарности чтения, на наш взгляд, является

¹⁷⁷ Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>

¹⁷⁸ Автономова Н. Познание и перевод: опыты философии языка. Москва, 2008. С. 210.

полифонизм и полиморфизм современного чтения. Попробуем посмотреть, каким образом возникло такое состояние культуры.

Достаточно долго в европейской философии чтения господствовало представление, связывающее неразрывно феномен чтения с феноменом знаково-буквенного рукописного или печатного текста. Так обстояло дело на протяжении всей эпохи Просвещения и последующих за ней эпох, развивающих основные достижения классической европейской культуры.

Однако современная культура, пристально вглядываясь в свое историческое прошлое, обнаруживает достаточно сложную историю чтения, связанную с большим географическим и материально-техническим разнообразием практик письма и чтения.

При этом мы должны отметить, что культура как великая сокровищница человечества сохранила в своем арсенале многие из этих техник, отчасти модернизировав и приспособив к актуальным нуждам современности, отчасти музеефицировав их, но, так или иначе, оставив в активной памяти культуры. Посмотрим на наиболее востребованные актуальными практиками чтения способы передачи социокультурной информации, сложившиеся в истории культуры.

Подобно тому, как в морфологии искусства М. С. Каган выделяет художественные формы, обращенные к зрению, к слуху и к деятельной активности человека, в морфологии чтения (как особого рода культурной практики восприятия текстов) также необходимо разделить представленные в истории культуры формы и техники чтения на обращенные к зрению, к слуху и к осязанию. Каждую из этих форм мы обнаруживаем в истории чтения неоднократно: чтение-разглядывание и его исторические модификации вплоть до современного экранного чтения, чтение-слушание и его исторические модификации вплоть до аудиочтения, чтение-ощупывание и его исторические модификации вплоть до сенсорного чтения.

Для того, чтобы понять, насколько каждая из названных современных форм чтения укоренена в истории культуры и истории чтения, а также для того, чтобы выявить, насколько данная форма чтения является инновационной для истории культуры и чтения, возникает необходимость по возможности выявить генетически простейшие историко-морфологические формы чтения, на основе которых складывается каждая конкретная современная форма чтения, рассмотреть на основе текстов по истории культуры и истории чтения процесс развития исторически простейших форм чтения, а также выявить, как происходили основные этапы преобразования одних исторических форм чтения в другие.

Чтение-разглядывание – это одна из первых и самых древних форм чтения, основанная на древней традиции рисуночного, пиктографического, а затем иероглифического письма, ведущей к современным графическим разновидностям текста. Одним из первых этапов чтения-разглядывания было чтение глиняных табличек с клинописью в Междуречье. Как утверждают исследователи по истории письма, записи, которые содержали данные таблички, в основном носили хозяйственно-бюрократический характер: это были записи актов гражданского состояния, движения имущества, налоговые записи, приходные или расходные записи, записи состояния имущества, торговые договоры. Каждая из бюрократических записей, сделанных на прямоугольной табличке, заворачивалась в глиняный же конверт, и на конверте текст повторялся. Читатель, которому приносили такое послание, должен был аккуратно вынуть табличку из конверта и сравнить запись на табличке с записью на конверте для того, чтобы установить подлинность текста. В случае поломки хрупкого конверта сделать этого не удавалось. Поэтому бюрократическое чтение изначально было неторопливым, требовало внимательности и аккуратности, тщательности сличения содержимого табличек и конвертов. Поэтому когда в современности при радикальном изменении снаряжения бюрократического письма среди неотъемлемых элементов мы вновь встречаем таблички и практики чтения-разглядывания, то мы видим, что бюрократическое чтение значительно

реконфигурировалось, стало экранным, но сохранило свой разглядывающий, сравнивающий таблички на подлинность характер.

Появление иероглифического письма вызвало к жизни новые техники чтения-разглядывания. Так в китайской культурной традиции возникли технические приспособления для чтения – прокручивания достаточно длинных вертикальных и горизонтальных свитков с текстами, записанными иероглифами, так называемые «китайские барабаны», грани которых были достаточно широкими, для того чтобы на лицевой грани, обращенной к читателю, всегда умещалось достаточное для связного чтения количество иероглифов. Тексты малого объема могли существовать на одном или двух «барабанах», более объемные тексты организовывались в ряды «барабанов», на каждом из которых был намотан определенный фрагмент текста. Соответственно чтение осуществлялось путем проматывания текстов, расположенных на «барабанах» путем их вращения специальной ручкой.

Алфавитное письмо, являясь знаково-символическим, сложным по своему внутреннему устройству, достаточно долго оставалось сословно-элитарной практикой. Точно также сословно-элитарной была и практика алфавитного чтения. Поэтому достаточно долгим и значимым этапом в развитии чтения-разглядывания являлась эпоха Средневековья, с интерпретацией церковной живописи в качестве Библии (Книги) для неграмотных¹⁷⁹. Средневековая церковная практика чтения-разглядывания переносила доминанты формирования смыслообразования с рефлексии вербально-транслируемого содержания на содержание визуально-передаваемое¹⁸⁰.

Таким образом, чтение-разглядывание связано, прежде всего, с рисуночным письмом. Вычитывание визуально-передаваемой информации и ее интерпретация являются сущностью данной разновидности чтения. Такое чтение можно назвать визуальной формой чтения.

¹⁷⁹ См.: Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008.

¹⁸⁰ См.: Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление: становление человека печатающего. Москва, 2005.

Чтение-прикосновение – это чтение, обращенное к осязательным каналам получения информации у человека – также одно из древнейших в культуре – оно началось от узелкового и клинописного письма, от ощупывания древних стел с пиктографическими или иероглифическими письменами (Древний Египет, Древний Китай). Ощупывать можно было глиняные таблички Междуречья, для того чтобы слепому чтецу сравнить клинопись на табличке с какой-либо бюрократически-хозяйственной записью и записью на конверте, что должно было удостоверить подлинность письма. Ощупывать, а не только разглядывать можно стелы, на которых были высечены исторические хроники важнейших событий (Древний Египет) или поэтические тексты (Древний Китай). Изображениями на стелах можно любоваться и в наши дни: рисунками высеченных пиктограмм или иероглифов, стилизованных под ветви бамбука, часто имеется возможность так же, как в древности, получить оттиск на листе рисовой бумаги при помощи графита и бамбуковой палочки (скалки), которая прокатывается по объемным буквам с целью получения оттиска.

Особый этап в истории сенсорного чтения-ощупывания связан с рождением азбуки Брайля и книг для слепых. Точечное объемное письмо Брайля позволяет записывать и считывать как художественные, так и математические и нотные тексты. Сегодня азбука Брайля вышла за рамки использования людьми с недостатками зрения. Знаково-выпуклое написание букв и цифр используется для маркировки таких приборов как часы, термометры, лифты и т.д.

С наступлением компьютерной эпохи были созданы специальные компьютерные программы, которые позволяют при помощи специальной клавиатуры набирать и считывать тексты, выполненные азбукой Брайля. Радикально изменились техники чтения слепыми и слабовидящими людьми с возникновением голосового набора и голосового считывания сенсорно воспринимаемого текста.

Сенсорные техники чтения не только совершенствуются для людей с ограниченными возможностями, но и все шире применяются на современных

гаджетах массового производства и потребления. Сенсорные экраны смартфонов, КПК и планшетных компьютеров, видеорегистраторов и GPS-навигаторов стали привычными и широко распространенными техническими средствами для чтения. При помощи прикосновения можно экранный текст приближать или удалять, выполнять с ним редакторские операции и т.д. Сенсорное чтение сегодня, когда, прикасаясь рукой к экрану, мы перелистываем виртуальные страницы и запускаем работу тех или иных программ, лежит в основе пользовательских навыков при работе с гаджетами.

Сенсорное экранное чтение, чье появление было связано с развитием компьютерных технологий, вышло сегодня и за пределы гаджетов – внедрено там, где бытовая техника снабжена разного уровня сложности компьютерами. Сенсорными панелями управления снабжены многие приборы и устройства бытового назначения: стиральные машины и СВЧ-печи, кофе-машины и мультиварки, платежные и банковские терминалы, компьютеризированные автомобили. Мы постоянно на работе и в быту осуществляем сенсорное и экранное чтение: считываем и интерпретируем получаемую с дисплея панели управления информацию, но даже не догадываемся о том, что мы выполняем все те интеллектуальные операции, которые присущи чтению.

Другой древнейшей и распространенной исторической разновидностью культурной практики чтения является чтение-прослушивание. Данная практика также имеет большую историю, как в рамках истории чтения, так и в рамках развития медиа. В истории чтения – это традиция коллективного чтения произведения вслух, изначально связанная с редкостью и исключительностью как текстов, так и навыков чтения¹⁸¹.

В истории аналоговых медиа в первой половине XX века (радио и телевидение) практика чтения-прослушивания уходит корнями в практики выразительного художественного или информационного декламирования и

---

¹⁸¹См.: Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008; Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. Москва, 2005. С. 157.

коллективного прослушивания транслируемой информации. По мере развития аналоговых медиа практика чтения-прослушивания все более индивидуализировалась, и сегодня такое чтение стало делом индивидуальным¹⁸². Не случайно, главные потребители аудиокниг – это люди не слабовидящие или малограмотные, а продвинутые интеллектуалы, чаще с отличным зрением, пассажиры или водители, личного или общественного транспорта, предпочитающие прослушивать чтение книг профессиональными чтецами-декламаторами через плееры или другие цифровые устройства, коротая время в пути.

Обсуждая проблему трансформации современного чтения, можно заметить, что современное чтение вбирает в себя все исторически сложившиеся техники чтения: визуальные, аудиальные и сенсорные. Более того, современное чтение включает в свой арсенал все те операции и инструменты чтения, что были выработаны на протяжении истории культуры в визуальном, аудиальном и сенсорном чтении: таблицы и пиктограммы, рисунки и диаграммы, карты и ноты, иконы и книги, иероглифы и алфавитное письмо, текст-кодекс и текст-свиток и т.д.

Выполняя кумулятивную функцию культуры – сохранять все в своем арсенале и развивать наиболее полезное для решения определенных социокультурных задач, чтение стало к настоящему моменту максимально разнообразным по техникам, операциям и инструментам и т.д. Однако выполняя не только кумулятивную функцию культуры, но и синтезирующую функцию, когда идет не только накопление культурных возможностей, но и производится новое качество социальности, культура породила в сфере чтения в конце XX века синтетический вид – современное экранное чтение. Эта историческая разновидность чтения включает в себя и визуальное, и аудиальное, и сенсорное чтение.

Современное экранное визуальное чтение-разглядывание-ощупывание-проматывание отличается характером текста: в современном экранном тексте

---

¹⁸²См.: Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. Москва, 2005. С. 245.

присутствуют и пиктограммы программного интерфейса, организующие взаимодействие читателя с текстом, и текст-свиток, который читателю приходится проматывать – просматривать, и текст-кодекс – экранная страница с ее традиционным книжным инструментарием: полями, колонтитулами, сносками, нумерацией и т.д. Также электронный текст отличается присутствием в тексте активных ссылок, окружением текста, воспроизводимого on-line всплывающими окнами-баннерами, сопровождением текста ссылками на материал и персонажей исследования. Такая «электронная репрезентация текста, – утверждает Р. Шартье, – во-первых, радикально меняет понятие контекста, а значит – сам процесс создания смысла. Физическое соседство разных текстов в одной книге или в одном периодическом издании уступает место подвижному их включению в логические конструкции, организующие базы данных и оцифрованные книжные коллекции. Во-вторых, она заставляет по-новому взглянуть на материальность произведений, уничтожая видимую связь между текстом и объектом, в котором он содержится, и передает читателю (а не автору или издателю) право компоновать и разбивать на части текстовые единицы, которые он желает прочесть, и даже выбирать их внешний вид. Это переворот в системе восприятия текстов и обращения с ними»¹⁸³.

Одновременно с формированием экранных электронных текстов в экранной культуре, по мнению Р. Шартье, формируется такая практика чтения, которая объединяет технику чтения-прокручивания, аналогично древнему тексту-свитку и технику чтения-листания текста аналогично тексту-кодексу. «Современный читатель, читая с экрана, находится в позиции читателя античного, но с одним отличием: он читает свиток, развертывающийся, как правило, вертикально и снабженный всеми ориентирами, присущими книге-кодексу начиная с первых столетий христианской эры, — нумерацией страниц, указателями, содержанием и т.д. Это совмещение обеих логик, определявших навыки обращения с прежними

---

¹⁸³ Шартье Р. Книга уходит из нашей жизни? Читатели и чтение в эпоху электронных текстов. URL: <http://inauka.ru/analysis/article86905?subhtml>

носителями письменности (свитком, volumen, и кодексом, codex), обуславливает новое отношение к тексту»¹⁸⁴.

С другой стороны, современное экранное чтение включает в себя элементы аудиального чтения-прослушивания. Каждая операция с текстом, выполняемая на гаджете, является озвученной и звуковой. Сигнал нашего домашнего или автомобильного, авиационного или мобильного гаджета постоянно оповещает: включился, выключился, переключился из одного режима в другой, вошел в зону турбулентности, принял сообщение, перелистнул страницу, кончился запас топлива, забыл пристегнуть ремни, не плотно закрыта дверь, начал снижение высоты, начал движение «задним ходом», приступил к посадке и т.д. Художественное или досуговое чтение также по желанию читателя может сопровождаться соответствующим (художественным или сигнальным) звуковым или музыкальным сопровождением.

С третьей стороны, современное экранное чтение с необходимостью является сенсорным, независимо от того, касаемся ли мы текста или пиктограмм рукой или курсором, наведенным при помощи компьютерной «мыши».

Таким образом, современное экранное чтение является внутренне сложно организованным. Анализируя многообразие форм современного технически оснащенного чтения, мы выделяем вслед за многочисленными историками чтения не только чтение «с листа», «с экрана» и «на слух»¹⁸⁵, но и следующие основные три формы современного экранного чтения: это *экранное визуальное* чтение-разглядывание, *экранное сенсорное* чтение-ощупывание и *экранное аудиальное* чтение-прослушивание. Это позволяет сделать вывод о том, что современное чтение не ограничено только лишь одним каналом получения и передачи информации (визуальным, аудиальным или сенсорным) и какой-то одной доминирующей культурной формой получения-передачи информации. Современное чтение является полиморфным, объединяющим при восприятии

¹⁸⁴ Шартье Р. Читатель в постоянно меняющемся мире. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/sh6.html>

¹⁸⁵ См.: История чтения в Западной Европезападном мире от античностиАнтичности до наших дней. Москва, 2008.

одного и того же экранного текста все три исторические формы чтения. Такое сочетание исторических и разноканальных сенсорных форм чтения мы называем сенсорным полиморфизмом современного чтения.

Перейдем к анализу структурного полиморфизма чтения.

Вторым шагом на пути формирования представлений о новом типе постграмотного чтения и его коммуникативной системе: автор – произведение – читатель, было переосмысление понятия «произведение».

Одним из понятий, пришедшим на смену «произведению», стало понятие «письмо», другим было понятие «текст», но также в новых модификациях: «интертекстуальности» (построение текста при помощи явных и скрытых цитат и реминисценций к произведениям мировой литературы) и «гипертекстуальности» (организация единого текстового пространства как системы множества самостоятельных текстов, постоянно отсылающих читателя от одного из них к другому)¹⁸⁶.

Однако рождению концепций интертекстуальности и гипертекста предшествовала концепция полифонического романа, созданная выдающимся отечественным литературоведом М.М. Бахтиным.

М. Бахтин, открывший явление полифонического романа, анализировал в творчестве Ф.М. Достоевского полифонию автора и героя, самостоятельность героев и обстоятельств – все это Бахтин называет полифонической формой русской литературы – романом, и в качестве полифонического романа исследует романы Ф.М. Достоевского. М.М. Бахтин в качестве признаков полифонии в романе называет такие черты, как полемика автора с героем, когда и автор, и герой обладают собственными идеологическими концепциями, вступающими в конкурентное взаимодействие в романе. В этом взаимодействии герой способен оспаривать концепцию автора и идеологически бороться с ним. Многоголосие самостоятельных голосов героев и персонажей воссоздает социальное

---

¹⁸⁶Лотман Ю.М. Текст в тексте. URL: http://old.eu.spb.ru/ethno/courses/conspects/lotman_codes4.doc

многообразии общественной жизни. При этом каждый герой и персонаж обладает независимым от авторского, не только ведомым автором, но самостоятельным, творческим сюжетопорождающим сознанием, воплощающимся в поступках героев и персонажей на страницах произведения¹⁸⁷.

Ю. Кристева переводит М. Бахтина на французский язык и переинтерпретирует его идеи, полемизирует с Бахтиным и находит в его концепции новые не замеченные отечественными исследователями оттенки. Прежде всего, она видит диалогизм собственно в книгах самого Бахтина, она утверждает, что Бахтин «предложил такую модель, в которой литературная структура не наличествует, но вырабатывается по отношению к другой структуре»¹⁸⁸, тем самым он динамизировал и диалогизировал сами представления о структуре и структурализме.

Второе открытие, сделанное Бахтиным в области диалогизма, Ю. Кристева видит в описании феномена интертекстуальности: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интересубъективности встает понятие интертекстуальности, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению»¹⁸⁹.

Третий момент, отмечаемый Ю. Кристевой у Бахтина, – это признание того, что слово и язык являются условием осуществления диалогических отношений, но одновременно, что не всякое языковое взаимодействие является диалогом. Подчеркивая различия между диалогическими и языковыми отношениями, Бахтин считает условием диалогических отношений, по мнению Ю. Кристевой, их облеченность в художественную форму произведения. Они «должны облечься в слово, стать высказываниями, стать выраженными в слове позициями разных

---

¹⁸⁷ См.: Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. Москва, 1972.

¹⁸⁸ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семантика: от структурализма к постструктурализму. Москва, 2000. С.428.

¹⁸⁹ Там же. С.429.

субъектов, чтобы между ними могли возникнуть диалогические отношения»¹⁹⁰. Наиболее совершенным их воплощением является диалог автора и героя в романе.

Четвертый момент диалогизма, отмечаемый Ю. Кристевой, это «амбивалентность» – факт включенности истории (общества) в текст и текста – в историю. В этой ситуации, говорит Ю. Кристева, «всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, что всякий текст вбирает в себя другой текст является репликой в его сторону»¹⁹¹.

Если Бахтин называет в качестве примеров полифонических произведений романы Рабле, Свифта и Достоевского, то Ю. Кристева добавляет Джойса, Пруста и Кафку, этих же авторов называет и Э. Сиксу и исследует Ш. Фельман.

Ю. Кристева выводит представления о диалоге за пределы поэтики произведения, рассматривает диалог как принцип бытия: «движение между двумя полюсами, создаваемыми диалогом, безвозвратно изгоняет из сферы наших философских интересов проблемы каузальности, финальности и т.п., так что в поле зрения диалогического принципа попадает мыслительное пространство, неизмеримо более широкое, нежели пространство романа как такового»¹⁹². Ю. Кристева делает прогностический вывод, очень важный для понимания новой культуры: «Вероятно, не столько бинаризм, сколько именно диалогизм станет основой интеллектуальной структуры нашего времени. Преобладание романа и амбивалентных структур в литературе, притягательность групповых (карнавальных) форм жизни для молодежи, квантовый энергетический обмен, интерес к символизму взаимосоотносительности в китайской философии — таковы лишь некоторые проявления современной мысли, подтверждающие нашу гипотезу»¹⁹³.

¹⁹⁰ Цит. по: Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семотика: от структурализма к постструктурализму. Москва, 2000. С.431.

¹⁹¹ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семотика: от структурализма к постструктурализму. Москва, 2000. С.428.

¹⁹² Там же. С.454.

¹⁹³ Там же. С.454.

В современной культуре постграмотности полифонические тексты в культуре мы можем обнаружить как в художественной литературе, так и в других – визуальных и аудиовизуальных искусствах и в сфере мультимедиа.

Таким образом, полифоническим, диалогическим предметом чтения являются, с одной стороны, все те тексты, которые обладают внутренним полифонизмом (полифонические романы XIX и XX века), а с другой стороны, все те тексты, которые существуют по законам интертекстуальности – внешнего диалога с другими культурными текстами.

Текст, как и язык, выходит за пределы единоличного персонифицированного автора. Р. Барт пишет, что современный текст «представляет собой многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников»¹⁹⁴. В этом Р. Барт очень близок идеям У. Эко о том, что не существует текстов, не зависящих один от другого. Тексты взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга, тексты цитируют один другой. И авторство каждого отдельного текста становится фактически соавторством многих субъектов, записывающих тексты. В связи с этим интересно сопоставить те понятия, которые вводят эти авторы: понятия интерсубъективности и интертекстуальности.

Проблема соотношения концептуального содержания понятий «интерсубъективность» и «интертекстуальность», а также возможностей их применения в качестве теоретико-методологических основ анализа произведения и чтения – это философско-культурологическая проблема, существования текста в культуре и его формы.

Если мы обратимся к истории философской мысли в XX веке, то необходимо зафиксировать следующий парадокс. Понятие «интерсубъективность» возникло в начале XX века в философии Э. Гуссерля. В работе «Картезианские размышления» Э. Гуссерль описывает феномен

---

¹⁹⁴ Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. Москва, 1989. С. 388.

интерсубъективности следующим образом: процесс вынесения за скобки всех результатов опыта, хоть каким-либо образом связанного с другими субъектами, попытки выделения субъектом собственной актуальности и потенциальности приводят к появлению представления «Я сам». Трансцендентальному Его становится доступным созерцание феноменального мира и других индивидов как феноменов. В результате «Я» субъекта сталкивается с особым родом существования самого себя. «”Другой” указывает на меня самого. “Другой” есть мое собственное отражение и в то же время не является таковым. Смысловые определения я получаю не только от другого, но и от самого себя»¹⁹⁵. Вот эта смысловая взаимосвязь и взаимозависимость «Я» и «Другого» получает в философии Э. Гуссерля определение интерсубъективности. Интерсубъективность означает *ментальное взаимодействие различных субъектов сознания, когда на уровне сознания формируется общая для субъектов идеальная реальность, определяющая их совместное существование и действие, взаимное определение и взаимное наделение смыслом*. Понятие «интерсубъективность» связано с верой в автономность, самоценность и самодостаточность мыслящего субъекта, с верой в его способность к самостоятельной деятельности. Все эти установки характерны для современного и модернистского сознания, кризис которого наступил в Европе по окончании Второй мировой войны.

Позднее разочарование учеников Гуссерля и самого мэтра в объяснительных возможностях понятия «интерсубъективность» ограничило сферу его применения социальной феноменологией, теорией познания и когнитивными исследованиями. Оно не вошло в арсенал общенаучных и общекультурных понятий, которые становятся основой для формирования методологических принципов исследования реальности, в том числе и художественной.

Понятие интертекстуальность, напротив, достаточно молодо по своей истории, родилось в философии постструктурализма Ю. Кристевой, Р. Барта и У.

---

¹⁹⁵ Гуссерль Э. Картезианские размышления. Минск ; Москва, 2000. С. 444-445.

Эко в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Изначально понятие было заимствовано Ю. Кристевой у М.М. Бахтина и в отечественной литературоведческой и философско-культурной традиции означало диалогизм культурных и художественных явлений, всеобщий характер взаимосвязей и взаимозависимостей в мире культуры. «Мы называем интертекстуальностью эту текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее»¹⁹⁶. Помещенное Ю. Кристевой в контекст французских постструктуралистских литературоведческих исследований, оно приобрело сначала филологическое толкование. Так, Р. Барт, говоря об интертекстуальности, подчеркивает, что «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту <...>, текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем *уже читанных* цитат – из цитат без кавычек»¹⁹⁷.

У. Эко использует понятие интертекстуальность для обозначения «либо прямого цитирования, либо наличия в тексте узнаваемых (в большей или меньшей степени) ссылок на прочие известные тексты»¹⁹⁸.

Затем, когда сами филологи в своих структурно-семиотических исследованиях (Ю. Лотман в России, Р. Барт во Франции, У. Эко в Италии и т.д.) расширили понятие «текст» от письменного вербального текста до текста культуры вообще, в том числе, ввели представление о том, что вся культура – это текст, что человек – это текст, что человеческое сознание – это текст, и человеческая субъективность – это тоже текст, то понятие приобрело расширительный характер и вытеснило из научного оборота понятие интерсубъективности. Интертекстуальность означает существование межтекстовых связей, влияний и зависимостей между самостоятельно существующими культурными текстами, которые своим существованием

¹⁹⁶ Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва, 1996. С. 225.

¹⁹⁷ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1994. С. 418.

¹⁹⁸ Эко У. Откровения молодого романиста. Москва, 2013. С. 48.

создают интерпретационные герменевтические поля для толкования других, независимо от них существующих текстов. Потому что если все в этом мире – текст, то тогда любое взаимодействие в этом мире мы можем назвать интертекстуальностью, то есть взаимодействием между текстами, и эффектами, порождаемыми в процессе взаимодействия между ними.

Между тем, нам хотелось бы обратиться к пересмотру таких радикальных постмодернистских установок в понимании текста и интертекстуальности и вернуть в сферу философско-эстетического анализа ставшее было историей понятие интерсубъективности.

Дело в том, что говорить о тотальной интертекстуальности нам представляется возможным тогда, когда мы ищем культурной, ценностной, философско-эстетической общности в весьма различных явлениях искусства второй половины XX века: в архитектуре Фрэнка Гери и Владо Милунича, литературе Сергея Довлатова и Венички Ерофеева, данс-театре Пины Бауш и Рудольфа Нуриева, художественных опытах Улая и Марины Абрамович.

Для того чтобы понять, чем отличается чтение от других способов художественного восприятия, нам необходимо установить тонкие различия между компонентами системы чтения «автор – текст – читатель» во временных вербальных и невербальных искусствах, таких, как литература, музыка и танец. Для; для объяснения сущностных различий в их восприятии нам необходимо опираться на ограниченный традиционным значением концепт текста. «Текст есть высказывание на каком-либо одном языке»¹⁹⁹. Само вышеприведенное определение Ю. Лотмана указывает на то, что текст является монологическим явлением; для того, чтобы текст стал явлением диалогическим, должны появиться коммуникативные акторы, производящий и принимающий высказывание, а следовательно, обладающие сознанием и обладающие определенными коммуникативными кодами, то есть некоторой общностью ментального

---

¹⁹⁹ Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. С. 130.

содержания и т.д. Тут-то мы и возвращаемся к искомой интерсубъективности текста.

Не случайно, что когда Ю. Лотман в одной из своих ранних работ дает «типологию текстов в культуре» (1. тексты естественных языков, 2. тексты сложных языков: соединение вербального и пластического языка, то есть тексты-обряды, тексты-ритуалы, 3. тексты художественных языков, многоголосые, многоструктурные, но воплощенные на каком – либо языке одного искусства), то в качестве примера становления текста художественного языка он приводит пример танца: «... превращение ритуала в балет сопровождается переводом всех разноструктурных подтекстов на язык танца. Языком танца передаются жесты, действия, слова и крики и самые танцы, которые при этом семиотически "удваиваются"»²⁰⁰.

В таком случае понятие интертекстуальность приобретает естественные границы своей применимости, и они обусловлены смысловыми границами концепта текста. Ю. Лотман говорит о нескольких смысловых полях понимания данного концепта, обусловленных функциями текста в культуре: 1. Понимание текста как *фиксированного* на письме содержания произведения; 2. Понимание текста как определенного *кодирования* содержания высказывания; 3. Понимание текста как средства *сохранения* высказывания; 4. Понимание текста как средства *передачи (коммуникации)* высказывания²⁰¹.

Такое понимание текста влечет за собой свойство ограниченной применимости понятия интертекстуальности. Во-первых, оно оказывается ограниченным сферой искусств, где текст в его подлинном письменном вербальном бытии является основным способом существования художественной формы произведения, как в литературе, в поэтических и прозаических произведениях.

²⁰⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 132.

²⁰¹ Там же. С.142-148.

Во-вторых, оно применимо в сфере искусств, где словесно-письменная форма является инобытием, письменной фиксацией текста, существующего в непосредственном живом бытии искусства в иной вербальной форме: например, в вокальной музыке в виде письменного вербального текста хранятся и передаются тексты оперных арий, романсов, песен и т.д.

В-третьих, понятие интертекстуальности применимо в сфере взаимодействия любых художественных текстов, существующих на любом художественном языке, взятых в их объективном и объектном существовании. В случае, когда мы рассматриваем художественное произведение не в качестве объекта, а как живое, реально бытийствующее сознание, оно становится субъектом, исследовать который «в истории и во внутренних интеракциях» необходимо через понятие интерсубъективности.

Поэтому в отношении современного искусства мы можем говорить о том, что интертекстуальность в современном искусстве как интерпретационный принцип применим к анализу любого текста, когда исследователь подходит к нему с позиции венаходимости, рассматривает его как некоторый внешний объект, по отношению к которому существует некоторая исследовательская дистанция.

Интерсубъективность в современном искусстве как интерпретационный принцип применим в том случае, если мы исследуем внутреннюю идеальную субъектно-образную природу и структуру произведения.

Интерсубъективность и интертекстуальность в искусстве XX века выступают особым типом текстов и особым типом взаимодействия, сосуществования текстов.

Следующим типом текстов, пришедших на смену традиционному «произведению», стал «гипертекст». Гипертекст – это уже не только отдельное произведение, но, как пишет В. Бычков, это культура в целом или любой ее фрагмент, поэтому понятие гипертекст поглощает в своей структуре любое отдельно взятое произведение.

Хотя современные исследователи гипертекста, по словам В. Бычкова, «усматривают его элементы во всей истории литературы, начиная с Библии ... и кончая Эко и современными создателями книжных (несетевых) гиперроманов-гипертекстов»²⁰². Для таких текстов характерны принципиальная дисперсность, нелинейность и полисемия, востребованные в современной постграмотной культуре.

«Гипертекст – это любой фрагмент культуры, включая и обычные вербальные тексты, рассматриваемый в качестве некой целостной структуры, складывающейся из совокупности текстов, определенным образом внутренне и (или) внешне связанных между собой»²⁰³. Поскольку гипертекст (например, Средневековой культуры) строится из различных по своей природе текстов, таких, как вербальные сакральные тексты Библии и Евангелий, профанные тексты экзаплов, изобразительные тексты храмовых росписей, скульптурные тексты церковных алтарей, архитектурные тексты замков и торговых площадей, порталов соборов, одежд и символики рыцарских монашеских орденов и т.д., и каждый из этих текстов имеет свою особую художественную морфологию, то гипертекст в целом мы можем назвать полиморфным текстом культуры.

Полиморфность гипертекста характерна особенно для мультимедийных интерактивных гипертекстов, создаваемых при помощи современных компьютерных программ, когда на одной странице расположено несколько подвижных баннеров или гиперссылок, кликая по которым мы можем выстраивать бесконечные пути странствий среди вербальных, музыкальных, изобразительных и других сообщений. Сама природа гипертекста предполагает возможность «свободного входа в текст в любом его месте и производное странствие по его фрагментам, размытость функции автора, множественность

---

²⁰² Бычков В. Гипертекст (сверх-текст) // Лексикон нон-классики. Художественно-эстетическая культура XX века. Москва, 2003. С.134.

²⁰³ Там же. С.133.

авторов, активизацию реципиента (или читателя) до уровня полноправного автора»²⁰⁴.

Т. Нельсон определил гипертекст «как нелинейный, разветвляющийся текст, позволяющий читателю самому выбирать маршрут движения по его фрагментам, то есть путь чтения»²⁰⁵. Отсюда следует, что сама структура гипертекста предполагает структурно-избирательную и интерпретационную смысловую активность читателя и изменение представлений о читателе, господствовавшее в классической книжной письменной и грамотной культуре.

Наконец, к полифоническим текстам культуры в методологии Ж. Деррида мы относим тексты, осуществляющие деконструкцию сложившихся бинарных оппозиций, на которых основана классическая культура. Это тексты, снимающие противостояние «мужского» и «женского», «черного» и «белого», «визуального» и «аудиального», «изобразительного» и «выразительного», «авторского» и «анонимного». Создателями этих текстов вполне могут быть авторы, способные выйти за пределы языковой ограниченности и культурных автоматизмов, способные к биполярному, или мультиполярному многоуровневому и многосложному взгляду на мир, открывающие неоднозначность и противоречивость мира себе и другим и задающие новые горизонты укорененной в культуре практике постграмотного чтения, в которой в свою очередь и существует современная постграмотная культура.

Все это говорит о том, что в современной культуре возникает новый тип текстов – полифонические, сетевые и не-сетевые гипертексты, которые освобождают читателя от созидательной воли автора, его диктата в отношении грамматики языка, наделяющие читателя свободой конструирования текстов и их смыслонаделения. Чтение на основе таких текстов, представленных в современной культуре, мы называем постграмотным чтением.

---

²⁰⁴ Там же. С.134.

²⁰⁵ Там же. С.133.

1.2.3.

«Новый виртуальный читатель» в постграмотном чтении

Рождение читателя в концепциях взаимодействия читателя и текста рождается в трудах философов – представителей рецептивной эстетики Констанцской школы (Вольфганг Изер и Ханс Роберт Яусс), идеях о художественной рецепции как со-творчестве и со-бытии советской эстетики (М. Бахтин, А. Еремеев, М. Каган, Раппопорт, и другие) и французского постструктурализма и экзистенциализма (Р.Барт, Ж.-П.Сартр и другие). Главный вопрос всех этих теорий – *«вопрос о свободе, предоставляемой текстом читателю»*²⁰⁶, из которого проистекают все последующие вопросы и ответы.

Концепция чтения Р. Ингардена опирается на более общие идеи феноменологической эстетики, он видит «в тексте потенциальную структуру, конкретизируемую читателем, а в чтении – процесс соотнесения текста с внелитературными нормами и ценностями, с помощью которых читатель осмысляет свое переживание текста»²⁰⁷. Описывая нормы и ценности читателя как некий подвижный, изменчивый читательский контекст, или читательские предпосылки для предпонимания текста, Р. Ингарден не ставит вопрос о роли собственных норм и ценностей текста и властной, то есть организующей или репрессивной функции текста по отношению к своему читателю. Его рассуждения позволяют А. Компаньону сделать вывод, что чтение развивается одновременно в нескольких направлениях: и как первичное чтение, и как перечитывание, и как интерпретация первичная, и как переинтерпретация и

---

²⁰⁶ Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. Москва, 2001. С. 172.

²⁰⁷ Там же. С.174.

переосмысление ранее прочитанных текстов. «Критерий связности лежит в основе поисков и постоянного пересмотра смысла, благодаря которым наш читательский опыт получает целостное значение», – говорит А. Компаньон²⁰⁸.

Концепция чтения В. Изера также основывается на феноменологической идее интерсубъективности произведения. Объясняя историю происхождения рецептивной эстетики, В. Изер утверждает, что концепция «читательского отклика» в теории литературы появилась тогда, когда концепции «авторской интенции» и «смысла произведения» исчерпали свои объяснительные возможности, и прежде всего это произошло в отношении новой литературы 60-70-х годов. Именно тогда родилось новое понимание смысла: «смысл – это переживаемое читателем воздействие, а не предзаданный и предсуществующий чтению объект», как пишет А. Компаньон²⁰⁹. Перенос исследовательского внимания с автора и произведения на читателя и его переживания в ходе восприятия произведения поставил перед исследователями три вопроса: 1. Является ли восприятие текста событием, которое требует соучастия и отклика? 2. До какой степени процесс восприятия зависим от структуры текста, и до какой степени читатель независим и самостоятелен? 3. Каковы взаимоотношения между текстом, социокультурным контекстом и ожиданиями читателей?²¹⁰

Структура интерсубъективного взаимодействия сознаний читателя и автора внутри текста раскладывается Изером на два уровня: «Художественный полюс произведения образуется авторским текстом, а эстетический полюс – его читательской реализацией. Из этой полярности явствует, что произведение как таковое не может быть тождественно ни тексту, ни его конкретизации, а должно располагаться где-то между ними. Оно неизбежно должно носить виртуальный характер, так как не может сводиться ни к реальности текста, ни к субъективности читателя, и именно из этой виртуальности оно получает свою динамику. Когда

---

²⁰⁸ Компаньон А. Указ. соч. С. 175.

²⁰⁹ Там же. С. 175.

²¹⁰ См.: Изер В. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание. URL: <http://independent-academy.net/science/library/iser.html>

читатель перебирает различные предлагаемые текстом точки зрения, то он соотносит между собой его различные видения и схемы, приводит в движение произведение, а равно и самого себя»²¹¹. Кроме того, по мнению А. Компаньона, В. Изер сочетает феноменологический подход с формальным, утверждающим независимость литературы от рецепции, он утверждает, что с точки зрения формы, произведение обладает объективированной в тексте структурой. С точки зрения множественности интерпретирующих сознаний произведение дает простор множеству читательских интерпретаций. В ситуации сочетания подходов появляется промежуточная, компромиссная позиция: «Независимо от чтения, в текстах и библиотеках, литература существует как бы в потенции, а конкретизируется только благодаря чтению»²¹². В результате А. Компаньон приходит к выводу, что настоящий литературный объект – это само взаимодействие текста и читателя, а не отдельно взятое произведение: «Литературный объект – это ни объективный текст, ни субъективное переживание, а виртуальная схема (своего рода программа или партитура), состоящая из пробелов, лакун и неопределенных элементов, ...которые заполняются и разрешаются в процессе чтения... Иными словами, *текст действует как инструктор, а читатель действует как конструктор*»²¹³.

Развивая концепцию чтения, утверждающую разворачивание множества конкретизаций единого произведения на основе сложного и многоуровневого intersubъективного взаимодействия сознаний, В. Изер в качестве одного из основополагающих понятий вводит понятие *имплицитного читателя*, оно является парным не только понятию *имплицитного автора* У. Бута, но и понятию эмпирического, или *эксплицитного* читателя. Имплицитный автор – это заместитель автора, присматривающий изнутри за произведением в отсутствие его автора. Следовательно, в каждом произведении есть и имплицитный автор (второе Я-автора), и имплицитный читатель. Наиболее успешное чтение – то, в

²¹¹ Цит. по: Компаньон А. Указ. соч. С. 175.

²¹² Компаньон А. Указ. соч. С. 176.

²¹³ Там же. С. 176.

котором им удалось прийти к согласию. «Читатель воспринимается и как текстуальная структура (имплицитный читатель) и как структурированный акт (реальное чтение)»²¹⁴.

По В. Изеру, чтение подобно путешествию, или «чтение, используя память, осуществляет архивирование примет»²¹⁵ (двойной челночный ход: вперед-назад), наконец, «чтение, то есть ожидания и их изменения в ходе непредвиденных встреч в пути, напоминает путешествие вдоль текста»²¹⁶. Читатель – путешественник, но «у него никогда не бывает целостного взгляда на весь проделанный путь»²¹⁷.

Успешность чтения зависит от читательского и текстуального «репертуара»: то есть комплекса социальных, исторических, культурных норм», привносимых ими в конвенцию. «Чтобы чтение состоялось, необходимо минимальное пересечение между репертуаром реального читателя и репертуаром текста, то есть имплицитного читателя»²¹⁸.

Важнейшим выводом из данной установки является идея о порождении смысла в акте чтения. Фигура читателя конституируется как фигура не потребителя, а производителя текста. Однако постмодернизм не завязывает процедуру смыслопорождения на фигуру читателя в качестве ее субъекта, внешнего причиняющего начала (ибо в этом случае фигура читателя была бы эквивалентна фигуре автора). Читатель – это абстракция, «человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст»²¹⁹.

В результате, текст не обладает окончательным смыслом – течение смысла оказывается бесконечным, а не зацикленным на авторе и объяснении его

²¹⁴ Компаньон А. Указ. соч. С. 178.

²¹⁵ Там же. С. 178.

²¹⁶ Там же. С. 179.

²¹⁷ Там же. С. 179.

²¹⁸ Там же. С. 179.

²¹⁹ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1989. С. 390.

замыслов; текст живет своей жизнью, миф об авторе исчезает, и с рождением читателя текст приобретает будущность.

По утверждению В. Беньямина, «разделение на авторов и читателей начинает терять свое принципиальное значение. Оно оказывается функциональным, граница может пролегать в зависимости от ситуации. Читатель в любой момент готов превратиться в автора»²²⁰. В современном интернет-чтении возможно пронаблюдать такие приращения в каждом файле, который переформатируется, дополняется, редактируется, комментируется читателями, делая их со-авторами или авторами-составителями произведений. Вследствие этого уровень качества произведений стал снижаться, а история литературы стала историей читательских публикаций и перепубликаций.

С. Корнев называет читателя, находящего тексты для чтения в Интернете и читающего при помощи компьютерных технических средств, «новый виртуальный читатель» и говорит о том, что радикальным преимуществом, отличающим его от всех остальных, является «свободный доступ к электронным каталогам и полнотекстовым базам традиционных библиотек всего мира, а также к электронным библиотекам, которые широко представлены в Интернете. Этот “новый” читатель читает книги (не только деловые, но и художественные) с экрана, использует технические приспособления для чтения текстов»²²¹. Эти новые виртуальные читатели в Интернет «просто идут за текстами»²²², поскольку «Сеть», как говорит М. Самохина, представляет собой «огромную библиотеку, а ее посетители – читатели этой библиотеки»²²³.

Электронное чтение и «новый виртуальный читатель», так же как и Интернет как место обитания чтения и литературы, означают *«конец монополии*

²²⁰ Беньямин В. «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. Москва, 1996. С. 15-65.

²²¹ Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>

²²² Самохина М.М. Молодые читатели в Интернете. (Наблюдения социолога) // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/sa26.html>

²²³ Там же.

*печатного станка»*²²⁴, а также «*смерть расстояния»*²²⁵. С. Корнев утверждает, что Интернет – это новая оболочка, среда не только для чтения, но для литературной жизни в целом, где все происходит сиюминутно: публикация, комментарий, отзыв, скачивание, копирование, тиражирование, прочтение и т.д.

Жизнь литературы становится измеримой и отмеченной фактом персонального присутствия. Благодаря организации сайтов, всегда известно, сколько посетителей находится на сайте в данное время, сколько побывало за все время существования сайта, что на литературном сайте было прочитано-просмотрено и сколько раз и что чаще всего.

По наблюдению М. Самохиной, «читающие люди приходят в Сеть общаться»²²⁶. На форуме литературного сайта могут встретиться не только писатель, читатель и критик, но и не-читатель, и не-писатель, и не-издатель и т.д. Интернет устраняет не только институциональное пространство между автором и издателем, типографией, складом, книжным магазином и покупателем, он устраняет расстояние географическое, делает возможным посещение любого сайта любым пользователем по всему миру, почему собственно сеть и становится глобальной.

Это делает Интернет-чтение свободным от всего, кроме воли читателя. В Интернет-пространство, с одной стороны, может быть выгружено в спектре от классики до графоманства и от актуальной халтуры до древней макулатуры, но будет прочитано только то, что выбрано Интернет-пользователем по поисковым системам или методом сплошного просмотра выборки.

Новый виртуальный читатель осуществляет новый способ поиска материала для чтения – дрейф. Дрейфуя в пространстве Интернета, он отдается системе учетных записей, закладок, гиперактивных ссылок, и, достаточно часто находясь в поиске-дрейфе – чтении, читатель-пользователь может и не подозревать, на какой сайт и какой литературный материал он попадет.

---

²²⁴ Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>

²²⁵ Там же.

²²⁶ Самохина М. Указ. соч.

Когда С. Корнев говорит, что «Интернет погружает нас в состояние перманентного конгресса, конференции», то в этом мы видим ответ социологам Левада-Центра, которые утверждают, что реальные читатели перестали обсуждать книги и поднимаемые ими социальные проблемы и что литература перестала быть поводом для общественных дискуссий.

Для чтения-дрейфа в виртуальной реальности, как мы видим из статьи М. Самохиной и многих других, состояние обсуждения прочитанного, комментарии к прочитанному, являются естественным состоянием читателей-пользователей. Пусть на форумах литературных сайтов обсуждение является дилетантским, непрофессиональным, но оно тем и значимо, что представляет собой опыт «любительской оценки» опубликованного в Интернете произведения, оно предлагает те реально функционирующие в среде читателей-пользователей критерии оценки произведений, проблемы, связанные с чтением, которые реально волнуют читательское сообщество. Наконец, форумы помогают понять мотивы, почему люди обсуждают те или другие тексты, и если мы видим, что от скуки, от лени, от непонимания – это означает только одно: читатели так компенсируют свое реальное социальное одиночество, маргинальность, депривированность и т. д.

В сети происходит с читателем то, что применительно ко всей сетевой литературе С. Корнев назвал «сетевым освобождением»²²⁷ – читатель точно так же, как и литература, становится другим: стираются грани между профессионализмом и графоманией, и не случайно, что сетевая литература и сетевая оценка литературы более всего не популярны именно у профессиональных литераторов, писателей и экспертов: Д. Быкова и других.

«Новые виртуальные читатели» предпочитают читать авторские блоги и авторские страницы в Живом журнале вместо статей в газетах и журналах, и это означает только то, что публикации профессиональных журналистов в аккредитованных СМИ в силу разных причин уступают по востребованности

---

²²⁷Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>.

эмоциональным запискам самодеятельных авторов в Живом журнале или на Facebooke, или в Twitter.

В Интернете на самых разных ресурсах свободно появляются новые имена авторов и новые имена модераторов, новые электронные издатели, новые электронные библиотеки и новые литературные клубы, новые литературные премии. Интернет – это «глобальный и круглосуточный литературный салон». Как пишет С. Корнев, «место встречи всех новых электронных акторов в условном пространстве, но в реальном времени»²²⁸.

«"Безинерциальность" Интернета» делает его способным к мгновенной реакции на любые события глобальной социальной или Сетевой реальности. В этой «безинерциальности» и демократизм, и деспотизм Интернета. Демократизм его состоит в мгновенном и многоголосом обсуждении любого политического или художественного высказывания, деспотизм Интернета в том, что ни одно вызывающее, оскорбительное высказывание того или иного медийного лица не остается незамеченным, подлежит глобальному обсуждению и осуждению. Системы Google и Facebook позволяют коллективно создавать и редактировать тексты, снабжать их видео и аудио сопровождением и т.д. Как пишет Г. Гусейнов, «продукция сетературы – расшифрованная стенограмма реального или воображаемого устного диалога. Режим максимального приближения к устной речи поддерживает у читателя доверие к публикуемому тексту»²²⁹.

Во внеинституциональном Интернет-чтении авторы и читатели встречаются в свободном от внешнего надзора (за исключением антивирусных программ и систем) культурном пространстве. При этом они встречаются с «глазу на глаз» – лично вступают в переписку в глобальном публичном пространстве. «Общение на сайтах реконструирует, восстанавливает утраченный, размытый быстрыми и

²²⁸ Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>.

²²⁹ Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>

неожиданными метаморфозами в социальной реальности портрет» автора и читателя»²³⁰.

Современные авторы, как правило, представлены своими сайтами или Интернет-страницами на литературных сайтах (порталах), авторский портрет может быть воссоздан при помощи текстов, всплывающих по гиперссылке по имени автора. Точно также современные Интернет-читатели – это регулярные посетители литературных, новостных, библиотечных, журнальных сайтов для чтения, это наиболее продвинутые в цивилизационно-техническом смысле пользователи Интернет-Сети и наиболее активные в культурном плане творческие и ищущие, занимающиеся культурным дрейфом пользователи Интернет-Сети.

Наблюдая антропологические процессы в Интернет-литературе или Сетературе, Г. Гусейнов также ведет полемику с социологами Левада-Центра по поводу сокращения культурного слоя за счет ухода из него инженерно-технической интеллигенции. Он пишет, что «пребывание в виртуальных литературных объединениях заставляет предположить, что те, кто в советской социокультурной стратификации относился к технической интеллигенции, уходят от литературоцентричности не столько к бумажной массовой, или развлекательной, литературе фэнтези или детективного жанра, сколько в виртуальную нишу психологической лирики, социальной прозы, психоэротической эссеистики и т.п. Все то, что перестало или не начало издаваться или окупаться в бумажном виде, так или иначе закрепляется на Сети»²³¹. Каждому литературному явлению, о котором написали в Интернете вне зависимости от его масштабов, качестве, общественной значимости, Сеть дает свой протокол, и это, безусловно, ново для культурной жизни. Архив виртуальной истории пишет сама виртуальная реальность.

Еще один очень важный момент в характеристике Интернет-чтения – это принципиальная внеконтекстуальность Интернет-текстов. «Текст в Интернете

²³⁰Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>

²³¹Гусейнов Г. Указ. соч.

изначально лишён актуальности, вырван из физического времени и пространства, вырван из внешнего тексту мира»²³². В Интернет-библиотеках в едином пространстве – времени оказываются представлены Г. Сент-Викторский и У. Эко, А. Пушкин и И. Бродский, З. Гиппиус и В. Павлова. Споры о том, создает ли Интернет новый литературный канон остаются открытыми: Интернет-чтению равно открыты тексты, принадлежащие к самым разным канонам и изгнанные из всех литературных канонов. Как пишет С. Корнев, Интернет – это «вавилонская библиотека, бесконечный перепутанный архив, мир без времени и пространства, заколдованное Царство Текста»²³³. В Интернет-чтении активный читатель создает свой канон чтения, сам формирует свою Интернет-библиотеку на персональном компьютере или любом другом гаджете.

Как мы видим из анализа изменений, произошедших за последние пятьдесят лет в понимании авторства, произведения и читателя, постграмотное чтение как особый исторический тип чтения, сложившийся с наступлением новой постграмотной культуры, обладает следующими сущностными отличительными признаками.

Первым сущностным отличительным признаком является утрата автором авторитета в создании языка, на котором он пишет свои тексты, в создании грамматики этого языка и грамматики созданного им текста, а также в определении параметров грамотности читателя.

Второй сущностный отличительный признак состоит в полиморфных мультимедийных сетевых и несетевых гипертекстах, а также их доминировании в качестве востребованных продвинутыми читателями-пользователями текстов для чтения.

Третьим сущностным отличительным признаком является рождение нового типа читателя. Новый читатель осуществляет функцию не только свободного дрейфа-выбора текстов для чтения и их интерпретации, но и деконструкцию

---

²³² Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html>

²³³ Там же.

оппозиции автор-читатель в отношении к тексту, самостоятельно и творчески осуществляет функцию конструирования текстов, их комментирования, редактирования и наделения смыслом. По преимуществу это так называемый «виртуальный читатель», читающий тексты с экранов гаджетов или экранные проекции текстов в гипертекстуальное культурное пространство.

Таким образом, постграмотное чтение – это особый тип чтения, возникающий на основе технико-технологических возможностей порождения, функционирования и восприятия текстов, предоставляемых современными гаджетами, в культуре, осуществившей переосмысление оппозиций автора – текста – читателя, а также главенство языка и дискурса.

1.3.

Методологические принципы исследования чтения в эпоху постграмотности

Абсолютное большинство современных исследователей чтения пришли к выводу о том, что чтение в современной культуре не является единичным феноменом. Чтение сегодня представляет собой сложную многоуровневую социально-коммуникативную систему²³⁴, развивающуюся нелинейно и неравномерно, с множеством аттракторов, внешних и внутренних факторов развития и действующих акторов. Также научное сообщество исследователей чтения пришло к согласию, что чтение является не статичным феноменом, единожды сформировавшимся в истории культуры и застывшим в неизменном

---

²³⁴ См.: Аскарлова В.Я. Изучение читателей в контексте социальной и культурной ситуации. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/2/2000_01/010.pdf

виде, а континуальным, развернутым во времени процессом²³⁵, и должно исследоваться не только в современности, но и в историческом континууме²³⁶.

Для культурологической науки сегодня необходимо установить, какие новые черты приобрело чтение в современной культурной ситуации, проблематизировать эту культурную ситуацию и специфицировать ее. Способом проблематизации современности для нас является понятие постграмотности. Оно позволяет рассмотреть, как различные черты постграмотности проявляются в современной культуре, выявить сдвиг социокультурных качеств, связанных с языками культуры, способами владения этими языками (грамотностью) и чтением как способом существования, передачи и интерпретации текстов, порожденных культурой на определенных языках. Кроме того, анализ постграмотности позволяет выявить, являются ли накопленные изменения ведущими к формированию нового культурно-исторического типа чтения, а также позволяет специфицировать современность как эпоху постграмотности и тем самым зафиксировать существенный сдвиг системных качеств культуры, фиксируемых в проблематике чтения.

Затем для культурологической науки важно осуществить обратное интеллектуальное движение и посмотреть, что нового в систему культуры вносит социально-коммуникативная система современного чтения, как изменяются в современной культуре мотивации, ценности и идентичности, характеризующие чтение, как изменяются агенты чтения и что происходит с читательскими сообществами.

Наконец, уточнить, как культурная практика чтения влияет на современную социальность, какие последствия имеет для институций современного чтения, таких как социальные сети или электронные библиотеки, и в итоге проследить, каким образом культурные практики чтения выполняют социально-организующую функцию в современной постграмотной культуре.

---

²³⁵ См.: Равинский Д. История чтения: раздвигая границы исследовательского пространства. URL: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1791/1813/index.html>

²³⁶ См.: Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008.

Мы предлагаем для культурологического анализа чтения и достижения всех тех задач, которые ставит логика культурологического исследования постграмотного чтения, последовательно реализовать подход культурных практик, и в этом, среди прочего, состоит новизна нашего исследования.

Как пишут В. Волков и К. Хархордин, «за термином “практики” стоит несколько направлений социальной мысли XX века, составивших прагматический поворот в науках об обществе»²³⁷. Это и этно-методологические исследования повседневности И. Гофмана, и феноменологическая герменевтика М. Хайдеггера, и семиотико-структуралистские идеи различения стратегий и тактик М. Серто, и идеи дискурса и дискурсивных практик в постструктурализме М.Фуко, и теории полей и практик П. Бурдьё.

Связанный с теорией практик прагматический поворот в исследованиях культуры состоит в отказе ученых от теоретизирования и в защите принципов радикального эмпиризма в исследовании социокультурных процессов и явлений. Используя этот подход в своих исследованиях, мы принимаем на себя обязательства последовательного и «как можно более подробного описания всей совокупности действий, приемов, фраз, методов, разговоров, демонстрационных жестов и т.д., характерных для специфических институционально выделенных контекстов»²³⁸, в нашем случае – контекста современного чтения.

Попытки применить методологию исследования полей и практик П. Бурдьё к изучению чтения уже предпринимались в социологии культуры. Исследование Н. Д. Юмашевой носило конкретный социологический характер, и идеи П. Бурдьё использовались в качестве подхода, позволяющего определенным образом интерпретировать полученные эмпирические социологические данные о студенческом чтении²³⁹. Между тем, использование идей П. Бурдьё о полях и практиках в качестве подхода или в качестве методологии отличается, главным

---

²³⁷ Волков В., Хархордин К. Теория практик. Санкт-Петербург, 2008. С.8.

²³⁸ Там же. С.15.

²³⁹ Юмашева Н.Д. Чтение как практики культурного воспроизводства в студенческой среде : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Москва, 2008. С.5.

образом, тем, используем мы его концепцию в качестве организующих исследование принципов или используем его идеи в качестве объяснительных схем. В первом случае, когда идеи П. Бурдьё становятся концептуальными основаниями исследования, мы используем их в качестве методологии. Во втором случае, когда мы интерпретируем результаты исследования в свете идей П. Бурдьё, мы используем его идеи в качестве подхода. О том, что в исследовании Н. Д. Юмашевой идеи П. Бурдьё использовались в качестве подхода, говорит сам автор: «Методологически исследование конкретной области социальной реальности (культурное воспроизводство) через повторяющиеся практики представляет собой подход, в котором синтезированы объективистские и субъективистские концепции объяснения и понимания социального мира»²⁴⁰.

Мы предлагаем использовать идеи П. Бурдьё в качестве методологии исследования, то есть сделать их исходным концептуально-теоретическим основанием исследования. Несмотря на то, что П. Бурдьё разработал данную методологию для анализа социальных явлений, мы считаем, что данная методология является эффективной и плодотворной применительно к анализу явлений культуры. Прежде всего, потому, что культурные феномены являются «особым качеством социального»²⁴¹, в их основе лежат социальные процессы и явления. Культура – это особое качественное знаково-значащее, символическое и ценностно-смысловое содержание социального. В таком понимании культуры социальное и культурное не противопоставляются друг другу, а составляют две стороны единого социокультурного целого. Социальное маркирует систему связей и отношений между людьми и вещами, а культурное – качество и смысл этой системы, а также отдельных ее элементов и взаимосвязей. Поэтому перенос методологии практик с исследований социальности на исследования культуры является допустимым и правомерным. Преимущество данной методологии, на наш взгляд, состоит в том, что она обладает мощным потенциалом

---

²⁴⁰ Там же. С.11.

²⁴¹ Еремеев А. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура. Т. 1. Саранск, 1997. С.124.

систематизации фактов эмпирического наблюдения за исследуемым явлением и предлагает надежный и плодотворный инструментарий системного описания наблюдаемого явления. Она позволяет выявить, как устроено исследуемое явление и как оно изменяется во времени.

Первым принципиальным положением концепции П. Бурдьё, признаваемым нами в качестве методологического, является определение практики, данное П. Бурдьё: «Практика – это изменение социального мира, производимое агентом»²⁴².

Данное определение практики фиксирует, во-первых, момент процессуальности исследуемого явления – «изменение мира», во-вторых, момент качественных трансформаций, в-третьих, фиксирует появление нового культурного деятеля – агента культурной практики. Агент культурной практики отличается тем, что «действует в своих интересах» и «наделен собственным опытом, памятью, навыками и воображением»²⁴³.

Агент практики – это, следовательно, тот человек или институция, кто непосредственно осуществляет практику, то есть практикует чтение в своей жизни, а также активно продвигает эту практику в системе культуры. Агент практики делает это не целенаправленно и целеустремленно, а в силу условий социальной реальности, сообразуясь и определяясь этими обстоятельствами.

Второе принципиальное положение, используемое в качестве методологической установки – это другое определение практики, данное П. Бурдьё, где ученый уточняет: «Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем встречается в социальном мире»²⁴⁴. Это определение позволяет, во-первых, инвентаризировать все то, что социальный агент как субъект чтения делает в культуре, во-вторых, описать те явления, которые определяют деятельность агента чтения в культуре, и в-третьих, выявить те

²⁴² Шматко Н. Пути к практической теории практик. URL: <http://bourdieu.name/content/shmatko-puti-k-prakticheskoy-teorii-praktiki>

²⁴³ Круглова Т.А. Практики повседневности // Культурологическое измерение феномена повседневности. Екатеринбург, 2012. С. 183.

²⁴⁴ Шматко Н. Пути к практической теории практик. URL: <http://bourdieu.name/content/shmatko-puti-k-prakticheskoy-teorii-praktiki>

явления, которые порождаются деятельностью агента чтения в культуре. Соответственно, понимание П. Бурдьё практики определяет методiku анализа чтения в рамках используемой методологии. Первая процедура данной методики – это описание агента чтения, его снаряжения и операциональных навыков, языка, на котором он описывает свою практику, ценностей, которые формируются у агента в процессе практики и читательской идентичности агента. Вторая процедура данной методики – это описание социокультурных условий, которые определяют практику чтения. Данные условия П. Бурдьё определяет как социокультурный фон, на котором осуществляется практика. К этому фону относятся и природно-преобразующий и социально-организующий уровни развития культуры²⁴⁵. Все то, что В. Волков и К. Хархордин относят к снаряжению практики. Третья процедура – это выявление изменений, произведенных агентом чтения в отношении самого читателя, языка описания практики и практических операциональных навыков агента чтения, а также в отношении текста и форм его бытования.

Соответственно, идея практики П. Бурдьё имеет несколько радикальных отличий от марксистского понятия практики как целенаправленной сознательной деятельности людей по преобразованию мира и самих себя. Марксистская практика всегда была единственной. Она включала в себя все мыслимые виды деятельности и все результаты в виде их обобщенного единства. У П. Бурдьё практика по определению множественна. Если социокультурная практика – это все то, что практикуют агенты, то практики также множественны как агенты и способы их действий в пространстве культуры. Отсюда чтение как сложная система в методологии культурных практик предстает не как единственная и единая культурная практика, а как множество культурных практик чтения, осуществляемых разными агентами, организованных при помощи различных

---

²⁴⁵ Закс Л. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Социология: современность и перспективы. Екатеринбург, 2013. С.153.

институций, использующих исторически различные технологии чтения и преследующих разные цели в будущем.

Методика П. Бурдые побуждает исследователя видеть практику как целостность и одновременно как сложноорганизованное многообразие составляющих ее компонентов.

Чтобы разобраться в том, чем отличаются множественные практики чтения друг от друга, составляя единую систему чтения, нужно обратиться к исследованию практики в двух аспектах: синхроническом и диахроническом. В синхроническом аспекте предлагается описывать практику с точки зрения используемого в данной практике снаряжения, приобретаемых в процессе практики операциональных навыков, а также формируемых агентом практики ценностей и идентичностей. В диахроническом аспекте предлагается анализировать практику с точки зрения того, как называются на разных этапах истории элементы снаряжения, как реконфигурируются операциональные навыки и структура действия агента практики, каким образом и что именно заимствуется из сопутствующих, конкурирующих и поддерживающих практик²⁴⁶.

Так, если мы попытаемся охарактеризовать историческое диахроническое становление чтения, то нам необходимо различать один исторический тип практики чтения от другого исторического типа чтения, а если мы попытаемся охарактеризовать чтение как культурную практику повседневности в синхроническом аспекте, то тогда чтение как культурную практику нам необходимо различать от культурной практики письма и сопутствующей письму грамотности, а также различать типы письменности и носителей текстов. Таким образом, для того чтобы выявить сущность культурной практики чтения, мы должны выделить, различить эту практику во всей сложности и многоуровневости ее характеристик от сопутствующих практик, и в этом выделении различий и будет скрываться поиск сущности.

---

²⁴⁶ Волков В.В. О концепции практик (и) в социальных науках. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/149/1217/002.volkov.pdf>

Такой алгоритм позволяет обозначить параметры сравнения различных культурных практик чтения, таких как снаряжение, операциональные навыки, ценности и идентичности, и осуществить системное описание этих практик от технико-технологических до аксиологических параметров чтения.

Из всего многообразия характеристик практик в культурологических, философских и социологических исследованиях культуры, мы вслед за Волковым и Хархординым, выделим две идеи: «фоновый» характер и «раскрывающую» способность практик²⁴⁷.

Фоновый характер практик, как правило, имеют укоренившиеся, ставшие традиционными и воспринимающиеся как нормативные или классические практики. Такое понимание фоновой практики идет от французского исследователя М. Серля и подразумевает, что новые, только становящиеся в культуре практики выделяются на фоне старых, различным образом отличаются от прежних и могут быть рассмотрены в подробном сравнении и различении с традиционными или нормативными практиками. Самое главное в сравнительном анализе старых, традиционных, нормативных и новых, нетрадиционных и ненормативных практик, что он не осуществляется «на основе некоторого априорного понимания», а новая практика понимается «на «основе привычного способа действия»²⁴⁸. Для нас это сравнение практик традиционного бумажного и современного постграмотного чтения.

Раскрывающая способность практики состоит в том, что практики детально описывают привычные действия агентов и адептов практики и тем самым «”раскрывают” основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории»²⁴⁹ для человека.

При описании изменения культурных практик В. Волков предлагает «аналитически выделять три способа изменения практик: артикуляция, реконфигурация и заимствование», поскольку именно эти три ключевых момента,

---

²⁴⁷ Волков В., Хархордин К. Указ. соч. С.8.

²⁴⁸ Волков В., Хархордин К. Указ соч. С.19.

²⁴⁹ Волков В., Хархордин К. Указ соч. С.29.

по мнению ученого, ведут к «появлению соответствующих идентичностей, формальных институтов и идеологий»²⁵⁰.

Артикуляция – это когда определенный стиль или способ действия попадает в фокус внимания, именуется, становясь как бы более четко очерченным, за счет чего становится возможным его нормативное выражение и распространение в обществе»²⁵¹.

«Реконфигурация происходит тогда, тогда практика или аспект практики, который ранее был маргинальным, становится центральным»²⁵².

Практика «заимствуются и применяются в других функциональных пространствах», «получает новое имя, переносится в другой контекст и приспособливается для решения новых задач»²⁵³.

Поскольку практики «раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве»²⁵⁴, то в нашем случае мы получаем возможность и способы описать, как современному культурному человеку состояться в качестве читателя.

П. Бурдье говорит о том, что практика – это то, что люди постоянно осуществляют в своей жизни, это то, что люди на протяжении всей своей исторической, коллективной, родовой и индивидуальной жизни делают.

В методологии П. Бурдье культурную практику чтения необходимо рассматривать в единстве с теми полями, в которых она осуществляется, которые примыкают к ней, и которые составляют контекст исследования.

Для того чтобы понять, что есть чтение, П. Бурдье предлагает отказаться от любого и всяческого редукционизма – не сводить этот процесс ни к каким мнимым другим процессам, связанным с текстом, автором и читателем, и рассматривать его особо в каждой из исторических модификаций. Из этого

---

²⁵⁰ Волков В., Хархордин К. Указ соч. С.29.

²⁵¹ Там же. С. 29.

²⁵² Там же. С.30.

²⁵³ Там же. С.31.

²⁵⁴ Там же. С.22.

следует, что в нашем случае нам необходимо рассматривать чтение особо в его постграмотной модификации, со всеми проявляющимися особенностями. П. Бурдые уточняет необходимые интеллектуальные процедуры: «Проанализировать, с одной стороны, структурные гомологии между различными полями, ... и с другой стороны, прямые обмены между полями»²⁵⁵. То есть, нам необходимо проанализировать особенности процесса постграмотного чтения, его агентов и адептов – новые группы авторов и читателей, и новые взаимоотношения между разными группами читателей, а также сложившиеся в постграмотном чтении взаимоотношения между читателями и не-читателями.

П. Бурдые также предлагает анализировать отдельно позиции, которые занимают в поле агенты и манифестации, в которых проявляются эти позиции, то есть тексты. Это значит, если мы исследуем поле постграмотного чтения, то в этом поле мы обнаруживаем группы традиционных читателей текстов на бумажных носителях, группы читателей на экранных электронных носителях и группы аудиочитателей и/или сенсорных читателей. Когда мы переходим к анализу манифестаций, то мы помним, что отношения между манифестациями – это борьба, как и отношения между авторами, и конкуренция как в поле гетерогенных, так и в поле автономных отношений, а также, что поле манифестаций гомологично полю позиций. Мы рассмотрим особенности чтения таких манифестаций, в которых заявляются вершинные тексты.

Идеи П. Бурдые тем более ценны, что они позволяют объяснить, каким образом благодаря непрерывной борьбе манифестаций, хотя каждая из них в своей текстуальной отдельности остается неизменной, ее смысл и ценность, раскрывающиеся в процессе чтения, непрерывно меняется.

В. Волков уточняет методологию: он предлагает рассматривать одну и ту же практику, включая чтение, одновременно и в качестве фона – поля, и в качестве главной действующей фигуры на этом культурном фоне. «Все, что воспринимается каким-либо осмысленным образом, воспринимается как фигура

---

²⁵⁵ Бурдые П. Социология политики. Москва, 1993. С.308.

на фоне, причем это соотношение может меняться: то, что виделось, как фигура может вытесняться на задний план, становясь фоном и давая возможность выделиться другой фигуре. Фон не является чем-то скрытым, но в то же время он, по условию, не замечается, поскольку функционирует как условие, придающее смысловую определенность фигуре...»²⁵⁶. Поля практик, по П. Бурдье, или фоновая практика, по В. Волкову, это «просто деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение»²⁵⁷.

Описать деятельностный контекст, в котором осуществляется современное чтение, выявить его общие и отличительные характеристики – важнейшая установка для экспликации современного понятия постграмотное чтение. Задача эксплицировать понятие постграмотное чтение, делая его изначально главной фигурой исследования, а затем, углубляясь в детали и механизмы – фоновой культурной практикой, то есть деятельностным контекстом; рассмотреть постграмотное чтение в качестве деятельности считывания информации с различных носителей разнообразными способами, проанализировать то, как, почему и зачем читают люди, будет становиться каждый раз фигурой на фоне социокультурного контекста деятельности. Все это задача для современной философии (теории и истории) культуры достаточно новая, актуальная и продуктивная.

Таким образом, рассмотренные положения теории В. Волкова и О. Хархордина позволяют увидеть, что «теория практик не объясняет, а интерпретирует. Иными словами, она не дает нам знание причинно-следственных связей, а дает новое понимание ситуации, видение ее как бы другими глазами. В рамках этого особого стиля описания, который дает нам новое понимание происходящего, возможны многие ходы и подходы»²⁵⁸.

²⁵⁶ Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/149/1217/002.VOLKOV.pdf>

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Волков В., Хархордин К. Указ. соч. С. 33.

В том, что принцип практик «стоит на позициях радикального эмпиризма» и «не объясняет, а интерпретирует», состоят не только достоинства, но и существенные недостатки этого принципа. Как пишет В. Вахштайн, главным недостатком принципа практик является его ограниченность сферой повседневности, которая позволяет говорить только о повседневно-сущем, но не позволяет говорить о смыслах и значениях²⁵⁹, замыкает чтение представлениями о повседневности без трансцендентного. В этом смысле принцип практик не полностью соответствует системе чтения, поскольку процесс чтения – это постоянный выход за пределы повседневности, ее преодоление и насыщение смыслом, прорыв к трансцендентному. Если принцип практик отказывается от описания этих процессов, то он реализует исследование чтения не до конца.

Поэтому в культурологическом анализе чтения мы дополняем принцип полей и практик П. Бурдьё теми принципами, что работают с проблематикой трансценденции: принципом дискурсивной практики М. Фуко, ценностным принципом отказа от логоцентризма в феминистской теории женского чтения Ю. Кристевой, принципом идентичности З. Баумана, семиотическим и структурно-морфологическим подходом.

Для того чтобы точнее описать сложную социально-коммуникативную систему чтения, мы будем исходить из предельно общего понимания чтения, которое позволяет нам сформулировать семиотический подход, представленный такими учеными как Ю.М. Лотман, Г. Кресс, У. Эко. Чтение мы будем понимать как *систему извлечения значений и смыслов из некоторой совокупности знаков, то есть текста.*

Как пишет британский социальный семиотик Г. Кресс и его ученики, и речь, и письмо, и чтение являются актами производства знаков. Письмо есть производство внешне визуально сообщаемых знаков; чтение есть производство

---

²⁵⁹ См.: Вахштайн В. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 1. С. 65. URL: http://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211851839/8_1_5.pdf; Вахштайн В.С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира : автореф. дис. ...канд. соц. наук. Москва, 2007.

внутренне воспринимаемых и осмысляемых знаков²⁶⁰. Чтение также активно и трансформативно по отношению к знакам, как и письмо. Чтение – это процесс принуждения, потому что как письмо принуждает к поиску подходящих значений для производимых знаков, так и чтение принуждает читателя к сохранению рамок значений в процессе активной семиотической реконструкции всей системы знаков в процессе производства смысла – рамками, обычно определяемыми как «контекст»²⁶¹.

И Лотман, и Кресс признают наличие различных языков в культуре и, соответственно, наличие различных способов кодирования значений в тексты и нескольких средств трансляции текстов. И Лотман, и Кресс выделяют четыре основных вида языков в культуре: 1) это языки естественные, вербальные, 2) языки художественные (различных видов искусства), 3) языки науки и 4) языки искусственные (языки программирования)²⁶². Если Ю.М. Лотман, главным образом, изучал существование этих языков в их отдельности, то для Г. Кресса важным становится вопрос не только о способах существования каждого из этих языков, но о и том, при помощи каких медиа (посредников) транслируются тексты, созданные на этих языках, каким образом формируются и воспринимаются сложные полиморфные («multy-modal») тексты в современной культуре, как осознается и осуществляется переход «от чтения преимущественно печатной мономорфной (“mono-modal”) страницы к чтению полиморфного экранного текста»²⁶³.

Как утверждает Г. Кресс, решающий поворот в функционировании чтения заключается в том, что если традиционное чтение – это производство смысла знаков на основе контекста, или на основе множества источников информации,

²⁶⁰Kress G., Leite-Garcia R., Theo van Leeuwen. Discourse Semiotics // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London, 1997. Vol. 1. P. 269.

²⁶¹ Там же. P.270.

²⁶² Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/20.php; Kress G. Gains and losses: New forms of text, knowledge, and Learning // Computers and Composition. 2005. № 22. P. 5-22.

²⁶³ Kress G. Gains and losses: New forms of text, knowledge, and Learning // Computers and Composition. 2005. № 22. P.11.

множества знаково-символических систем, то чтение полиморфных текстов превращается в дизайн: отбор систем контекстов и формирование траектории интерпретации. Процесс чтения, его особенности, объясняются, с точки зрения семиотики, особенностями знаково-языковой системы, в которой создан текст, и особенностями средства трансляции текстов – посредником в виде медиа.

Задача структурно-морфологического принципа при анализе чтения – выявить многообразие практик современного чтения через формы чтения. Используя в качестве теоретической основы рассуждений об изменении форм чтения в истории культуры идеи Г. Кресса о связи между языками, посредниками-медиа и текстами, а также авторами и читателями, мы сделаем шаг от описания современных практик чтения на фоне традиционного бумажного чтения и других досуговых практик в культуре к анализу морфологической структуры современного чтения.

Опираясь на идеи Ю.М. Лотмана и Г.Кресса в этом движении, мы рассмотрим систему чтения от простейших структурно-морфологических компонентов – чтение вербальных текстов, чтение аудиотекстов, чтение визуальных текстов к чтению сложных полиморфных текстов в современной культуре, таких как женские глянцевого журналы, сетевые дневники (блоги), художественные проекты, включающие в свою структуру различные художественные и нехудожественные языки и средства передачи информации.

Задача структурно-морфологического анализа чтения состоит в том, чтобы выделить не только определенные морфемы и их сочетания. Также необходимо обосновать и описать принципы морфологического структурирования чтения: от языка текста к форме существования текста, затем от посредника – средства существования текста и/или носителя текста к контексту функционирования текста и смысловому полю контекста чтения, наконец, от типа авторства к типу читателя.

Принцип дискурсивной практики М. Фуко, сформулированный философом в книге «Археология гуманитарных наук», позволяет нам рассматривать чтение

не только как практику, позволяющую производить некоторую информацию и некоторые значения и смыслы этой информации исходя из текста и контекстов, в которые он помещен, но и формировать в процессы чтения некоторые дискурсы, производить их и потреблять тексты, исходя из этих сформированных дискурсов, понимаемых нами как точка зрения, мировоззрение, идеология или ценностная позиция. Дискурсивная практика понимается нами как практика, реализующая некоторую власть языка, принуждение автора при наделении знаков значениями на письме, а также принуждающая читателя ограничиваться определенными дискурсивными рамками при наделении читаемого текста смыслами и значениями.

Также рассмотрение чтения в качестве дискурсивной практики нам важно в сочетании с понятиями «документа» и «монумента» в «Поле литературы» П. Бурдые. Там, говоря о писателях, Бурдые утверждает, что одни попадают в классики благодаря документам – победам в конкурсах и фестивалях, наделении премиями, вхождению в учебники и хрестоматии, а другие благодаря монументам – своим произведениям, памятным доскам, скульптурным памятникам персонажам, киноэкранизациям произведений и т.д. Соответственно, мы заимствуем у П. Бурдые эти понятия «документ» и «монумент» и используем их для анализа досугового чтения художественной литературы.

Принципы феминистской критики и теории женского письма важны нам несколькими принципиальными положениями. Феминистская критика одна из первых реализовала критику логоцентризма как проявление патриархатной власти мужского рационального, эксплицитного языка над женским. Именно в теории женского чтения зарождаются идеи женского языка, синтетических полиморфных текстов или принципиально невербальных текстов, равно имеющих право на существование в современной культуре.

Наконец, для нас оказываются исходными в процессе анализа современного чтения идеи З. Баумана об «ускользающей», текучей социально реальности. Поскольку мы рассматриваем практики чтения не только в статике, но и в динамике, не только изменяющимися от традиционного грамотного бумажного

чтения к современному постграмотному экранному чтению, но и от мономорфных текстов к полиморфным текстам, то нам важно понимать, каким образом определяется идентичность современных читателей, вписанных в подвижные социальные структуры современного мира и нуждающихся в постоянном подтверждении своей идентичности в социальных сетях.

Таким образом, когда мы говорим о том, при помощи каких методологических принципов мы исследуем чтение в эпоху постграмотности, необходимо зафиксировать следующие теоретико-методологические позиции.

Прежде всего, чтение мы впервые подвергаем специфическому культурологическому анализу, то есть применяем в качестве исследовательской оптики систему культуры, в которой чтение рассматриваем как социально-коммуникативную систему, выполняющую не только информационную, коммуникативную и репрезентативную функцию, но также функцию социальной организации.

В качестве хронологической рамки мы используем концепт постграмотности, который маркирует современную эпоху как эпоху одновременного сосуществования различных форм грамотности, письма и чтения, дополнительных форм грамотности и непрерывного образования, потребность в чем вызвана необходимостью декодирования сетевых и не-сетевых полиморфных гипертекстов в современной культуре.

Для описания единства многообразия чтения в современной социокультурной реальности мы используем принцип практик, который позволяет реконструировать систему чтения от анализа постграмотного чтения на фоне предшествующих практик традиционного чтения, а также на фоне и в сравнении с другими досуговыми практиками, такими как просмотр телепередач, компьютерные развлечения и путешествия. Затем мы рассматриваем практики чтения в качестве раскрывающих сущность системы чтения: благодаря анализу снаряжения практик, практических навыков агентов, задач, решаемых в ходе практик, мы выделяем окказиональные, служебные и досуговые практики чтения.

Благодаря семиотическому принципу мы выстраиваем систему взаимозависимостей и взаимосвязей между языками, существующими в культуре, средствами существования языковых сообщений в культуре, текстами, порождаемыми на этих языках, и процессами получения и де-кодирования, наделения текстов значениями и смыслами. Соответственно, гипотеза, которую мы формулируем, состоит в том, что особенности чтения в эпоху постграмотности определяются наличием разнообразных языков культуры с отказом от доминирования вербального языка, смещением доминанты в посредниках: от книги к экрану гаджета, переходом от мономорфных текстов к полиморфным сетевым и не-сетевым гипертекстам.

Структурно-морфологический принцип позволяет нам систематизировать представления о разных видах чтения в эпоху постграмотности на основе выделения простейших морфологических единиц чтения, связанных с моноязыками, и затем описать усложнение морфологических явлений чтения до полиморфных гипертекстов.

Принцип дискурсивных практик позволяет нам рассмотреть чтение не только как способ получения и интерпретации информации, но и как способ наделения определенной совокупности знаков смыслом, смыслами в пределах определенного дискурса и как способ формирования из текстов памятников производству дискурсивности.

Принцип феминисткой критики логоцентризма патриархатной языковой системы позволяет нам сформулировать гипотезу отказа от доминирования логоцентризма, доминирования книги в качестве посредника, признание женского языка, женских текстов (полиморфных) в культуре постграмотности.

Принцип исследования ускользающей, текучей современности позволяет осознать постоянную изменчивость не только социальных структур, но и формируемых читателями идентичностей.

Подводя итоги теоретико-методологическому обоснованию принципов культурологического исследования чтения в эпоху постграмотности, необходимо сформулировать *выводы по первой главе*.

Чтение мы понимаем как социокультурную коммуникативную систему, сложившуюся в классической культуре в составе следующих элементов: автор – текст – читатель. Каждый из элементов этой системы осуществляет ряд привычных обыденных действий, направленных на то, чтобы практиковать чтение. Соответственно, для того чтобы понять, что представляет из себя новый тип чтения – *постграмотное чтение*, мы даем характеристику изменениям, произошедшим в условиях культуры постграмотности в каждом из элементов данной социокультурной коммуникативной системы чтения.

В результате метаморфоз, произошедших в конце XX – начале XXI века с «автором», мы должны сделать вывод, что автор утратил не только авторитет творческой инстанции, авторитет психологической убедительности, но и языковой самостоятельности. Из субъекта, творящего язык и литературу на своем языке, инстанции, задающей правила грамматики для своих читателей, автор превратился в инструмент, которым владеет язык, в средство существования языка и языковой игры. Автор утратил свою персональность, утратил функцию конструирования языка и выработки правил языковых игр²⁶⁴.

Тип чтения, в котором правила чтения устанавливаются внеличностными, имперсональными структурами, такими как язык и/или гипертекст, мы называем *постграмотным чтением*.

Яркими примерами полифонических интертекстов современной культуры являются мультимедийные тексты. В этих текстах идет внутренний диалог информации, обращенной к различным рецептивным каналам получения и обработки информации. Такие тексты, по мнению Л. Иригарэ, разрушают фаллокрайзм логоцентричной культуры, поскольку эти тексты не только вербальные, но и колористические, парфюмерные, новые формы существования в культуре – полиморфные тексты²⁶⁵, транслируемые современными техническими средствами мультимедийного суперхайвея, несут информацию ко всем органам

²⁶⁴ См.: Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет / М.Фуко. Москва, 1996.

²⁶⁵ См.: Иригарэ Л. Как нам создавать свою красоту // Гендерная теория и искусство : антология 1970-2000. Москва, 2005. С.419.

чувств, осуществляют вовлечение и интерактивное взаимодействие с пользователем виртуальной реальности, погружение пользователя в новую реальность. В мультимедийных текстах культуры по-новому осуществляется общение, воспитание и образование, бизнес, развлечение и чтение. То есть пересматриваются все старые структуры отношений, и в том числе власти. Все это позволяет мультимедийные гипертексты считать полиморфными текстами современной культуры, определяющими новый – постграмотный тип чтения.

Читатель в новых технико-технологических социокультурных условиях постграмотности также стал другим. Сеть Интернет наделила каждого читателя именем – «ником», портретом – «аватаром», легендой – историей посещения сайтов. Из безвестного и анонимного читателя новый виртуальный читатель превратился в фигуру, постоянно проходящую процедуры регистрации и идентификации, которая взамен получает не только доступ к текстам произведений, но и к сайтам авторов этих текстов, к сайтам издательств и библиотек.

Как мы видим из анализа изменений, произошедших за последние пятьдесят лет в понимании авторства, произведения и читателя, *постграмотное чтение* как особый исторический тип чтения, сложившийся с наступлением новой постграмотной культуры, обладает следующими сущностными отличительными признаками.

Первым сущностным отличительным признаком является *утрата автором авторитета* в создании языка, на котором он пишет свои тексты, в создании грамматики этого языка и грамматики созданного им текста, а также в определении параметров грамотности читателя.

Вторым сущностным отличительным признаком является появление *полиморфных мультимедийных гипертекстов*, а также их доминирование в качестве востребованных продвинутыми читателями-пользователями текстов для чтения.

Третьим сущностным отличительным признаком является рождение нового типа читателя²⁶⁶. *Новый читатель* осуществляет функцию не только свободного дрейфа-выбора текстов для чтения и их интерпретации, но и деконструкцию оппозиции автор-читатель в отношении к тексту, самостоятельно и творчески осуществляет функцию конструирования текстов, их комментирования, редактирования и наделения смыслом. Преимущественно, это так называемый «виртуальный читатель» – читающий тексты с экранов гаджетов.

Таким образом, *постграмотное чтение* – это особый тип чтения, возникающий на основе технико-технологических возможностей порождения, функционирования и восприятия мультимедийных гипертекстов, предоставляемых современными гаджетами, осуществляемый новыми виртуальными читателями в культуре, осуществившей деконструкцию оппозиций автора и читателя, а также главенство языка и культурного кода.

Обосновав необходимость изучения постграмотного чтения в методологии практик, мы стремимся максимально реализовать познавательные возможности, заложенные в данной методологии, компенсировать ее недостатки, дополнив ее семиотическим и структурно-морфологическим подходами, то есть получить новое знание о практиках постграмотного чтения – это знание о том, как устроена и функционирует социокультурная система постграмотного чтения.

---

²⁶⁶ См.: Корнев С. Указ. соч.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ЧТЕНИЯ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

Данный раздел содержательно и структурно определяется тем, что описывает характер и особенности функциональной модальности современной культуры чтения. В этом разделе решается задача разработки эмпирической модели социально-коммуникативной системы *постграмотного* чтения как системы практик с точки зрения их социокультурного фона, морфологических особенностей, а также социально-организующей функции.

2.1.

Социокультурный фон практик постграмотного чтения

Системный характер культуры является для нас основополагающим положением при анализе фона практик чтения. Поскольку культура представляет собой единство объектно-объективной и субъектно-субъективной подсистем, то в качестве социокультурного фона современных практик чтения мы рассматриваем *две модальности современной культуры: со стороны объектно-объективной – это информационный характер современной культуры, а со стороны субъектно-субъективной – это ее потребительский характер*. В их единстве существует фон постграмотного чтения. Именно взаимодействие этих двух системных качеств современной культуры предопределяет потребительское отношение к

информации и средствам трансляции информации, а также нарастание влияния информации в системе потребления: в рекламе и в маркетинге. Как следствие этих процессов, в культуре информационного потребительского общества трансформируется чтение и представление о нем.

Для того, чтобы осуществить анализ практик чтения в качестве главного для данного исследования предмета на фоне современной российской культуры, охарактеризуем состояние современной российской культуры. Для этого выделим те факторы, что сформировались в процессе становления культуры информационного и потребительского общества, и значительно обновили ситуацию чтения в последние двадцать лет, когда происходило становление эпохи постграмотности.

Прежде всего, это *социокультурный фактор*: российская культура с точки зрения механизмов функционирования информации в информационном обществе перестала быть советской массовой культурой чтения, основанной на идеологически отрегулированном массовом производстве и распространении печатной продукции для чтения. Современная российская культура представляет из себя сегментированную культуру, где часть потребителей является телезрителями, часть – активными Интернет-пользователями и часть – адептами традиционного чтения.

Второй фактор *социально-экономический*: российская культура 1990-х – 2010-х годов перестала проводить коммунистическую политическую идеологию и перешла к продвижению и обслуживанию экономической идеологии потребления. Современное чтение перестало быть детерминируемым политически, оно определяется экономически: уровнем достатка потенциальных читателей и их готовностью нести расходы, связанные с чтением, уровнем прибыльности издательств и их представлений о выгодах и рисках, существующих на книжном рынке и определяющих книгоиздательскую, книгораспространительскую и потребительскую политику, уровнем рентабельности книготорговли и выгодами, связанными с обслуживанием

определенных сегментов чтения и групп читателей. В современном российском чтении цензура рынка конкурирует с цензурой политики.

Третий фактор *политико-технологический*: российская культура, начав революционные преобразования в 1991 году с крушения железного занавеса, провозглашения политики открытости, наиболее далеко продвинулась по пути формирования открытого информационного общества и компьютеризации культурных продуктов и услуг. Под воздействием компьютерных технологий и продвигающего эти технологии бизнеса существенно изменился и процесс чтения – появились его новые разновидности: экранное чтение, аудиочтение, Интернет-чтение, мобильное чтение и т.д.

Четвертый фактор *деятельностно-антропологический*: в информационном и открытом потребительском обществе появились новые формы досуговой деятельности: путешествия по миру, компьютерные развлечения, шопинг – все это поставило чтение в ситуацию конкуренции с другими формами проведения досуга и с другими источниками получения информации и эмоций, в которой чтение утратило свой престиж и сакральность.

Вся эта совокупность факторов, которые мы считаем фоновыми практиками для чтения, создает особые условия современного чтения, в результате которых радикально трансформировалось и само понятие «читать», и понятие «читатель», и понятие «книга», и смысл связанных с чтением понятий, таких как комментарий, закладка, ссылка. Современная электронная книжка ничем не напоминает традиционный фолиант (книжный том), гораздо сильнее – суперсовременный мини-компьютер. Современные гиперактивные ссылки позволяют тут же прочесть источник цитирования – вещь абсолютно недоступную в традиционной книжной культуре с ее зависимостью от материальной предметности текста. Современный комментарий, открыто плавающий в интернет-пространстве и в качестве особого жанра записок доступный не только знатоку и профессионалу, но и любому профану с выходом в Интернет, тоже знак исключительно современной эпохи. Соответственно

культурная практика чтения сегодня – это «практическое знание того, как обращаться с людьми и предметами для достижения определенных целей»²⁶⁷, в нашем случае – для того, чтобы читать, то есть иметь доступ к информации и ее декодированию.

Соответственно для того чтобы понять, что есть сегодня чтение и кто такой сегодня читатель, необходимо проанализировать конкретные способы деятельности, на фоне которых используются эти понятия: чтение книг и чтение электронных книг, чтение досуговое и чтение служебное, чтение мобильное, чтение-листание журналов и чтение-слушание аудиокниг. Тогда из сравнения различных форм деятельности чтения и способов ее осуществления станет ясно, что одни и те же понятия в разные периоды истории культуры, или в один период, но в различных субкультурах означают абсолютно различные явления.

Выяснив, что фоновыми факторами, обусловившими изменение мотивации, характера, технологии и социального статуса чтения, были радикальные изменения в российской культуре в целом, то есть создание новой открытой информационной культуры потребительского общества, перейдем к осмыслению чтения на фоне других досуговых практик.

Для того, чтобы полнее описать практику чтения, и выделить ее специфические черты на данном этапе культурной истории, необходимо рассмотреть практику досугового чтения не только саму по себе, но и в соотношении с рядоположенными досуговыми практиками, существующими в современной культуре. Очень часто те культурные практики, которые для анализируемой практики выступают в качестве фоновых, оказываются определяющими для анализа особенностей протекания и особенностей организации предмета анализа. Едва зародившись, чтение в истории культуры взаимодействовало с определенным кругом досугово-элитарных практик, сложившихся в древних обществах – практики художественной деятельности:

---

²⁶⁷ Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/149/1217/002.VOLKOV.pdf>

сочинения поэм и гимнов, ваяние скульптур, переживание театральной трагедии или комедии, спортивные состязания и зрелища и т.д.

В современной культуре чтение вынуждено взаимодействовать различными способами с гораздо более широким кругом досуговых практик. Один из наиболее авторитетных социологических научных центров «Левада–Центр», исследуя общественное мнение россиян в 2011 году по поводу досуга, выделял следующие структурные элементы досуговой деятельности: поход в кино, слушание музыки, чтение, просмотр телевизионных программ, просмотр фильмов и сериалов по телевизору, пользование Интернетом, общение, отдых, отдых за границей. Среди всех этих форм досуга, по опросам общественного мнения Левада-Центром в 2011 году, были наиболее популярны среди россиян такие досуговые практики как «хождение в гости» – 42%, «занятия огородом, садом в свое удовольствие» – 37%, «загородный отдых на природе» – 32%. Абсолютное большинство предпочитало проводить свое свободное время в кругу семьи – 53%. Длительные и регулярные отношения поддерживали с друзьями детства – 48%, нынешними соседями – 45% и с людьми, с которыми когда-то работали – 38%²⁶⁸. Чтение среди досуговых практик россиян ни тогда, ни сейчас не являлось и не является ни престижным, ни приоритетным.

По утверждению социологов культуры, начиная с появления телевидения в 1950-х гг. исследования постоянно обнаруживают свидетельства негативного влияния телевидения на чтение. Прежде всего, негативное влияние проявляется в том, что телевидение замещает чтение в качестве источника как познавательно-образовательной и развлекательной, так и эмоционально-ценностной информации.

Затем телевидение, в отличие от чтения становится фоновым источником информации. Если чтение требует сосредоточенности на предмете чтения и деятельности считывания информации и ее интерпретации, внимания к контекстам и смысловым кодам, то телевидение транслирует информацию в

---

²⁶⁸ Общественное Мнение-2011. Москва, 2012. С.271.

независимом от степени включения сознания воспринимающего фоновом режиме.

Наконец, телевидение предлагает зрителю пассивно-созерцательную позицию по отношению к транслируемой информации, что, с одной стороны, привлекает к нему внимание миллионов телезрителей, с другой стороны, именно это отталкивает тех, кто настроен на интерактивное взаимодействие с медиа.

Одним из аргументов за то, что телевидение является конкурирующей с чтением досуговой практикой для британских социологов является то, что, как показал «опрос General Social Survey, посвященный использованию разных медиа, дети старшего возраста (11—14 и 15—18 лет), живущие в домах с постоянно работающим телевизором, и дети, у которых есть телевизор в их комнате, проводят за чтением книг значительно меньше времени, чем остальные (Roberts & Foehr 2004). Эффект всегда доступного телевизора можно обнаружить даже в условиях домашнего образования, контролируемого родителями (Roberts & Foehr 2004). Не вызывает вопросов то, что просмотр телевизора оказывает негативное влияние на чтение»²⁶⁹.

По данным опроса «Общественное Мнение-2011» на протяжении последних трех лет у российских телезрителей стабильно растет количество подключений к различным источникам телевидения: спутниковому телевидению, кабельному телевидению, к цифровым каналам телевидения по Интернету. Однако 32% опрошенных не участвуют в этих процессах и не имеют таких подключений. При этом ежедневно смотрят телевизор 79% опрошенных. В результате опрошенные имеют возможность просматривать в среднем по 35 телевизионных каналов, регулярно смотрят по 10 каналов²⁷⁰. Самые принимаемые и просматриваемые каналы – это ОРТ – 89%, РТР – 83%, НТВ – 77%, СТС – 57%, ТНТ – 55%, РЕН-ТВ – 52%, Культура – 48%, Спорт – 37%. В качестве причин, по которым опрошенные смотрят телевизор, наиболее часто российские телезрители

---

²⁶⁹ Грисволд В., Мак-Доннел Т., Райт Н. Чтение и класс читателей в XXI веке. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=318

²⁷⁰ Общественное мнение – 2011. Москва, 2012. С. 259.

называют – «для развлечения, для отдыха, для расслабления» – 43% и для того, чтобы узнать новости, быть в курсе событий – 32%, в качестве привычного времяпровождения – 12%.

Соответственно абсолютное большинство респондентов смотрит по телевидению новости – 81%, затем кинофильмы – 61%, отечественные сериалы – 37%, юмористические программы – 31%. Детские и образовательные \обучающие программы смотрит по 5% опрошенных. Российские зрители телефильмов ориентируются на жанр при выборе телефильма – 60% опрошенных, старые советские фильмы предпочитает 59% опрошенных и конкурируют они только с новыми российскими фильмами – все остальные имеют меньше 30% поклонников. Из новых отечественных сериалов лидируют «ментовские» сериалы – 32%. Из зарубежных сериалов называют наиболее популярными – детективные – 15% опрошенных, 48% опрошенных говорит, что не смотрит зарубежные сериалы вообще. Экранизации литературных произведений не играют значительной роли в предпочтениях телезрителей ни в отношении российских, ни в отношении зарубежных сериалов, и соответственно не влияют на процессы чтения.

Показатели 2011 года подтверждают и закрепляют те процессы, которые были отмечены Дубиным и Зоркой в 2008 году, что «в сфере массовой коммуникации безраздельно господствует телевидение». До сих пор 53% россиян заявляют о том, что никогда не пользовались Интернетом, а 45% россиян говорят о том, что ни при каких обстоятельствах не читают книги. Все эти факты позволили Дубину и Зоркой назвать культурное сообщество россиян «сообществом телезрителей»²⁷¹. Соответственно, по мнению социологов «в обществе растет разрыв между разными коммуникативными сообществами россиян, ... увеличивается зазор между интегративным уровнем «всех» (в данном случае – телезрителей) и фрагментарными группами «немногих» (читателей «серьезной» печати)».

---

²⁷¹ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2009. С. 71.

Особую проблему для культурного, и в том числе читательского, сообщества и его будущего представляет то, что наибольшим вниманием зрителей пользуется «рынок средств массовой коммуникации, работающий в категориях рейтингов, популярных форматов, брендов, подстраивающийся под насаждаемый им же спрос, лишенный идеи культуры и самодеятельного, взыскательного индивида», он «функционирует уже многие годы как процесс полупассивного и рассредоточенного приобщения к навыкам цивилизации, начиная с простейших форм вежливости, гендерных отношений, устройства дома и т.п. Он движим не инновационным поиском, а почти исключительно тиражированием привычного и рутинного, что, конечно, не может способствовать развитию общества, универсальных форм общения, возникновению социальных движений и независимых ассоциаций, строительству современных институтов и форм гражданского действия, все дальше откладывает постановку задач, связанных с необходимой модернизацией страны»²⁷².

Данные английских социологов чтения достаточно сильно разнятся с данными ученых Левада-Центра. Для анализа времени, которое отводится разным видам медиа, британские ученые «предпочитают не использовать традиционную круговую диаграмму (большой кусок «пирога» – телевидению, маленький – чтению). Английские социологи считают, что «в повседневной жизни разные медиа переплетаются друг с другом».²⁷³

Причины того, почему люди используют те или иные медиа, англичане называют те же, что и социологи Левада-Центра у российских читателей и телезрителей – это «желание отдохнуть», при этом и книги, и телепередачи равно определяются англичанами как «позволяющие расслабиться». Вторая причина радикальным образом отличная от того, что привлекает россиян к чтению и телезрелищу – для англичан это «польза для работы. Более 60% опрошенных считают, что скорость чтения и уровень понимания прочитанного очень важны

²⁷² Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Москва, 2008. С. 31.

²⁷³ Грисволд В., Мак-Доннел Т., Райт Н. Чтение и класс читателей в XXI веке. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=318

для их работы. Таким образом, рутинная практика чтения оказывается важной для многих людей, которые не являются увлеченными читателями»²⁷⁴. Массовыми представлениями о связи количества и качества чтения с квалификацией в своей профессиональной сфере деятельности британские читатели радикальным образом отличаются от российских. В российском культурном сообществе убеждение в том, что чтение – это чтение художественной литературы, и это чисто досуговое занятие, является доминирующим, что по своим социальным последствиям является решающим для судьбы чтения – оно замыкает чтение сферой досуга, и это не позволяет ни работникам, ни работодателям, ни представителям образовательного или библиотечного сообщества выявить и показать зависимость эффективности труда от количества и качества чтения.

«Третья причина, по которой люди используют медиа», – говорят британские социологи, – это «самообразование. В этом плане опрошенные видят большое различие между чтением и просмотром телевизора: 60% считает, что книги – лучший способ учиться, в то время как только 30% отдадут предпочтение телевизору. Примечательно, что тех, кто считает, что чтение книг более эффективно, чем просмотр телевизора, вдвое больше, чем считающих иначе. Мы вновь видим, что чтение книг вызывает огромное уважение, вне зависимости от того, читают ли респонденты в действительности или нет»²⁷⁵.

В то же самое время как британские социологи обнаруживают и специализированное разумное использование медиа, и некоторую дополнительную ресурсность и функций при таком использовании, отечественные «социологи говорят о нынешней России как социуме телезрителей, объединенных в их воображении именно тем, что они – только зрители. Телепрограммы сегодня не просто много смотрят – телевидение формирует картину мира, отношение к себе и другим людям, к опеке государства и собственной инициативе,

---

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же.

поддерживает общее представление о коллективном «мы» (в прошлом – героическом, сегодня – пассивно-созерцательном)»²⁷⁶.

Поэтому в российских культурных практиках чтение и просмотр телевизионных программ выступают не дополняющими друг друга и поддерживающими, мотивирующими одна другую, а конкурирующими практиками. Практика просмотра телепрограмм исключает чтение, а чтение не дополняет просмотр телепрограмм. Аудитория читателей (книг, журналов, Интернета) и телезрителей в современной России разделились в зависимости от доступности одного или другого источника информации, в зависимости от активного или пассивно-зрелищного способа восприятия социокультурной информации, и в зависимости от своей культурной идентичности – позиционированию своей культурной свободы и избирательности, или своей общности с «большинством» телезрителей.

Компьютерные развлечения в качестве досуговых практик вошли в быт россиян 15-20 лет тому назад. Гаджеты для компьютерных развлечений существуют сегодня и на уровне дешевых детских и дорогостоящих взрослых игрушек. Сам спектр компьютерных развлечений достаточно широк: от обучающих программ и тренажеров до компьютерных интерактивных игр, общения в социальных сетях, странствия по любимым порталам и сайтам, и т.д.

Компьютерные развлечения и используемые для них гаджеты популяризируются прежде всего производителями и продавцами гаджетов и интернет-услуг, а также продвинутыми пользователями и их объединениями. Однако не смотря на длительный период распространения компьютерных развлечений, их притягательность, и даже формирование определенной социальной патологии – компьютерной игровой зависимости, между тем никогда (ни на работе, ни дома, ни в любых других местах) не пользуется Интернетом, по данным Левада-Центра 53% опрошенных россиян. Пользуются ежедневно – 31%. Научились пользоваться самостоятельно или у друзей / знакомых – по 33%

---

²⁷⁶ См.: Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2008. С.71.

пользователей. Цели с которыми пользователи заходят в Интернет у большинства – общение в социальных сетях – 45%, переписка по электронной почте и поиск информации для личных (семейных) дел – 42% опрошенных, поиск информации для учебы \ работы – 38%. Тех же, кто скачивает и читает художественные тексты – 11%, нелитературные тексты – 7%, информацию в словарях, справочниках, энциклопедиях – 27%, кто читает \просматривает материалы на сайтах телеканалов и радиостанций, газет, журналов, новостных порталов и интернет-изданий – 23%²⁷⁷.

До 2 часов в день проводят в Интернете 32% , а более 20 часов ежедневно – 6%. Если первые, скорее всего используют Интернет в целях общения или поиска, то последние скорее и представляют собой тех представителей сообщества продвинутых пользователей, которые в Интернете живут, то есть общаются, переписываются, обмениваются информацией, новостями, играют, читают, просматривают телепередачи, осуществляют деловые операции и т.д.

По мнению зарубежных исследователей, «Интернет не замещает чтение. Опрос, проведенный в США в 2001 г., продемонстрировал, что пользователи сети Интернет проводят за чтением примерно столько же времени, сколько люди, вообще не пользующиеся компьютером (NEA 2004, с. 14). Обзор доступных исследований также позволяет сделать вывод, что время чтения и пребывание в Интернете соотносятся друг с другом по принципу не «или—или», но «и—и». Учитывая уровень образования опрошенных (и чтение, и использование Интернета тесно связаны с уровнем образования), можно сказать, что люди, наиболее часто использующие Интернет, являются также наиболее страстными любителями чтения (Griswold & Wright 2004)».²⁷⁸

Российские социологи уточняют, что в России «лидерами обращения к интернет-каналам как источникам печатной информации являются самые молодые россияне: 18% из них читают через Интернет учебную литературу, 12%

²⁷⁷ Общественное мнение-2011. Москва, 2012. С.267.

²⁷⁸ Грисволд В., Мак-Доннел Т., Райт Н. Чтение и класс читателей в XXI веке. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=318

– специальную, каждый десятый – художественную. Научной литературой через Интернет пользуются также специалисты, респонденты с высшим образованием (14% данной категории). Чаще других подгрупп к Интернету как источнику текстов обращаются и респонденты с высоким потребительским статусом: 14% интересуются учебной литературой в сети, по 12% – газетно-журнальными текстами и специальной литературой, 7% – текстами на информационно-новостных порталах, 6% – художественной словесностью. Хотя число читателей Интернет-текстов в среднем пока невелико, они представлены наиболее молодыми и активными группами потребителей, то есть перспективной потребительской группой»²⁷⁹.

Но в целом, делают вывод Дубин и Зоркая, «Интернет на показатели чтения влияет пока достаточно мало, поскольку по преимуществу локализован среди молодежи, москвичей и жителей крупнейших городов, россиян с высоким потребительским статусом. При этом главные мотивы пользования сетью – не чтение, но наведение справок, переписка, ознакомление с новостями, для молодежи – слушание и скачивание музыки, общение в чатах»²⁸⁰.

Британские исследователи в досуговых практиках компьютерных развлечений видят и то, что они способствуют развитию чтения, и то, что они замещают чтение как досуговую практику.

«Во-первых, прямой эффект: Интернет способствует чтению, и наоборот. Люди рассказывают друг другу о прочитанных книгах в письмах, отправляемых по электронной почте. Они участвуют в интерактивных книжных группах (Hartley 2001). Читатели также могут общаться в чатах, посвященных определенному автору или жанрам. И, разумеется, многие постоянно читают что-то онлайн, хотя обычно и не относят это времяпрепровождение к категории чтения. В то же время число книг и журналов, посвященных сети Интернет (например, журнал «Wired»), неуклонно растет.

---

²⁷⁹ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2008. С.33.

²⁸⁰ Там же. С.34.

Интернет может положительно коррелировать с чтением еще и потому (и это, по сути, верно для всех видов культурного участия), что некоторые люди просто более активны, чем другие. Те, кого Ричард Петерсон назвал «обжорами от культуры», более интенсивно участвуют едва ли не во всех видах культурной деятельности (посещают театры и музеи, слушают музыку, смотрят спортивные встречи или сами занимаются спортом), но при этом не смотрят телевизор (Peterson & Kern 1996). «Культурные обжоры» — обычно образованные представители среднего класса — поддерживают диверсифицированный портфель культурного капитала (Erickson 1996). Сеть Интернет также лежит в сфере их интересов»²⁸¹.

Интернет не только предоставляет новые технологии и источники информации (ресурсы) для чтения, но и позволяет расширить доступ к разнообразным формам продукции для чтения. А также Интернет порождает новые жанры и области литературного творчества: это литература киберпанка о жизни виртуальной реальности и так называемая Сетелитература – литературная художественная самодеятельность, существующая непосредственно в Сети.

Путешествие как культурная практика составляет престижную часть досуга россиян. Эта культурная практика не является доминирующей в структуре досуга – большинство россиян проводят свой отдых либо дома – 46%, либо на садово-огородном участке – 24%²⁸². На Черном море (Россия) отдыхает от 3 до 7% россиян, в Крыму - 1-2%, в Прибалтике - 0-2%, в других местах СНГ - 1-3%, за границей – 0-3%. В течении последних пяти лет отдыхали в России – 81%, в странах СНГ – 17%, в Прибалтике – 4%, в странах дальнего зарубежья – 25% россиян. Из всех бывавших за рубежом – один раз там были – 40%, 2-3 раза – 32%, от пяти до десяти раз – 15%, десять и более раз – 12%.²⁸³

²⁸¹ Грисволд В., Мак-Доннел Т., Райт Н. Чтение и класс читателей в ххi веке. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=318

²⁸² Общественное Мнение -2011. Москва, 2012. С.274.

²⁸³ Там же. С. 276.

Такие невысокие цифры вовлеченности россиян в культурную практику путешествий связаны с уровнем доходов россиян и привычным образом жизни, когда предпочтительны общение и отдых в родном регионе, там, где человек родился и живет.

Между тем, российские социологи чтения говорят о том, что «в связи с зарубежным туризмом, достаточно активным сегодня среди более молодой и благополучной части российского населения, немного выросла доля интересующихся книгами о странах и народах мира – скорее всего, путеводителями (рост здесь произошел прежде всего в группе мужчин 25–39 лет, жителей средних городов, уже имеющих средства для далеких путешествий)».²⁸⁴

Нужно сказать, что культурная практика путешествий, на наш взгляд, является практикой и поддерживающей чтение и поддерживаемой чтением. Поясним этот момент. Культурная практика дальних путешествий, связанных с переездами на дальние расстояния, является поддерживающей чтение, так как создает ситуацию вынужденного одиночества или публичного одиночества – «одиночества в толпе», и то, и другое способствуют тому, чтобы использовать ситуацию переездов для чтения как ведущего способа проведения времени в пути наряду с практиками сна и беседы.

Современный уровень читательского снаряжения – электронные книги и аудиоплееры, газеты, книги и журналы позволяют сделать время в пути не утомительным и обременительным, а насыщенным новой информацией и художественными впечатлениями, для которых не всегда хватает свободного досугового времени в обычной жизни. Чтение позволяет путешественнику переключиться с переживания дорожных перипетий на проживание событий воображаемой реальности того мира, в который читающий погружается во время чтения.

Предпочтительные предметы чтения в путешествиях – мировые бестселлеры. Дубравка Угревич утверждает, что лучший способ узнать, какая

---

²⁸⁴ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2008. С. 27-28.

книга является бестселлером текущего литературного сезона, посмотреть, что читают отдыхающие на пляжах.

Практика дорожного чтения путешественников является поддерживающей чтение, поскольку породила особый жанр журнальных изданий – корпоративную литературу, когда каждая железнодорожная, авиационная или круизная компания предлагает своим пассажирам корпоративное иллюстрированное издание. Эти издания не только рекламируют уже предоставленные туристические услуги, но и создают мотив для путешествий в дальнейшем.

Кроме того, чтение путешественников тесно связано с другим видом досуговой деятельности – путевыми записками путешественников, или собственно письмом путешественников, усилиями которых не только поддерживаются рубрики, рекламирующие путешествия, туризм, и туристские объекты в иллюстрируемых глянцевого изданиях, но и создан такой жанр художественной литературы как травелог.

Травелог и чтение, в свою очередь поддерживает путешествия как культурную практику, поскольку создает интерес и к самим путешествиям, к определенным туристским объектам, и к необычным способам и целям туристской деятельности, рассказывает о многообразии проявления практики путешествий как по своему городу и региону, так и по стране и за рубежом. Важной составляющей частью травелога являются портреты знаменитых путешественников, истории их путешествий, а также истории географических, археологических, палеонтологических и прочих сопутствующих путешествиям открытий. Травелог достаточно близко примыкает также к такому жанру литературы как этнографические и антропологические труды, которые тоже имеют своих любителей и ценителей, и также создают дополнительный интерес к странам, народам и путешествиям.

Путешествия как культурная практика вовлекают в орбиту чтения не только художественную и специальную литературу, но и такой вид изданий как карты. Это могут быть географические карты местности, могут быть исторические

карты, могут быть карты достопримечательностей, карты флоры и фауны, климатические карты, карты природных зон и т.д. По технике исполнения это могут быть бумажные карты и атласы (автомобильных дорог, железных дорог), это могут быть электронные изображения спутниковых карт на мониторах навигаторов или экранов бортовых компьютеров в салонах авиа или морских лайнеров, это могут быть интерактивные карты на экранах стационарных компьютеров, нетбуков или смартфонов, iPODов и iPADов. Чтение этих карт, возможность изучать посещаемую местность в 3D формате, придает «свиданию с реальностью» дополнительный интерес и эмоциональность. Все это делает культурные практики чтения и путешествия взаимоподдерживающими и взаимоподдерживаемыми.

Проанализировав различные досуговые практики и способы взаимодействия между ними и чтением, можно сделать вывод, что с многообразными досуговыми практиками чтение взаимодействует по-разному. По способу взаимодействия чтения с другими досуговыми практиками, мы можем выделить конкурирующие, сопутствующие и поддерживающие \ поддерживаемые досуговые практики.

Конкурирующие практики – это те, которые появившись в структуре культурного досуга, вступают в конкуренцию с чтением, и вытесняют чтение на периферию досуговых видов деятельности.

Проанализировав социологию российского досуга, мы видим, что к конкурирующим практикам относятся в первую очередь практики живого родственного и дружеского общения в своем кругу, а затем это практики просмотра телевизионных программ, поскольку просмотр телепередач также является практикой чтения в том расширенном смысле, в каком оно понимается в настоящей работе.

Сопутствующие или параллельные культурные досуговые практики – это те, что появившись в культуре несколько позже чтения, развиваются параллельно чтению, включают в себя чтение с использованием более современных

технических средств. Прежде всего, это все многообразие компьютерных развлечений, поскольку они сами также включают процесс экранного чтения.

Поддерживаемые \ поддерживающие культурные практики являются традиционными, они включают практики чтения и на мотивационном, и на подготовительном, и на основном этапе. Чтение побуждает эти практики, демонстрирует их статус и престиж, чтение поддерживает эти практики при помощи своих технических и эмоциональных ресурсов, например, практику путешествий.

2.2

Морфологические особенности актуальных практик постграмотного чтения

В качестве основы морфологического анализа особенностей практик современного постграмотного чтения мы принимаем три ранее высказанные нами идеи. Первая состоит в том, что постграмотное чтение характеризуется одновременным сосуществованием всех ранее выработанных в истории форм чтения. Вторая идея состоит в системе языков культуры, выработанной Ю.М. Лотманом. Третья идея Г. Кресса состоит в том, что формы чтения определяются существующими языками культуры, средствами трансляции языковой информации и функциональным предназначением текстов.

Историко-культурной основой, на которую мы будем опираться, морфологически структурируя разновидности современного чтения, будут многочисленные труды по истории чтения, а также тот очерк, который на основе этих трудов, мы дали в пункте 1.2. *Сенсорный и структурный полиморфизм текстов в современной культуре.*

Исторически первыми будут языковые системы, обращенные к каждому органу чувств в отдельности. Такие языки Г. Кресс и его единомышленники называет мономорфным («mono-modal»). Соответственно, чтение тех текстов, что несут информацию, обращенную к каждому органу чувств в отдельности, мы называем:

- 1) Аудиочтение;
- 2) Визуальное чтение;
- 3) Сенсорное чтение.

Эти разновидности чтения являются базовыми для фиксации, сохранения и передачи информации в культуре, и, пройдя долгий путь исторических модификаций, они сохранились до наших дней

Чтение, возникающее в современную эпоху постграмотности, когда тексты обращаются одновременно к нескольким каналам информации и сочетают различные языки, мы называем полиморфным чтением. Г. Кресс называет комбинации различных языков в одном тексте «multi-modal text»²⁸⁵ (Заметим, что проблема чтения в отличие от языков его интересует меньше).

Морфологическая система постграмотного чтения в соответствии с существующими языками культуры будет состоять из четырех главных элементов:

- 1) Чтение вербальных письменных текстов;
- 2) Чтение художественных (литературных, музыкальных, графических, хореографических, пластических, кинематографических, театральных и т.д.) текстов;
- 3) Чтение научных текстов, использующих специальные знаки и символы;
- 4) Чтение текстов, созданных на искусственных языках.

---

²⁸⁵ Kress G, Leite-Garcia R., Theo van Leeuwen. Discourse Semiotics // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London, 1997. Vol. 1. P. 257.

По средствам трансляции языковой информации система постграмотного чтения включает в себя те разновидности чтения, что были характерны для традиционной системы чтения на основе письменной грамотности, существующей на бумажных носителях:

- 1) Книжное чтение;
- 2) Газетное чтение;
- 3) Журнальное чтение;
- 4) Чтение брошюр;
- 5) Чтение листовок.

Также система постграмотного чтения включает в себя те разновидности, что выработаны новой системой аналоговых и цифровых средств трансляции информации:

- 1) Чтение экранное;
- 2) Чтение аудиальное цифровое;
- 3) Чтение сенсорное цифровое.

Чтение экранное в зависимости от способа взаимодействия с Интернетом делится на чтение текстов, находящихся на ресурсах сети Интернет (чтение «on-line»), и чтение текстов, скачанных из сети Интернет и сохраненных в памяти гаджета (чтение «off-line»).

Также экранное чтение делится в зависимости от того, осуществляется процесс чтения со стационарного персонального компьютера, или с мобильного устройства (гаджета). В первом случае говорят о компьютерном чтении, во втором случае – о мобильном чтении.

Наконец, система постграмотного чтения включает в себя разновидности чтения, определяемые функциональным назначением процессов восприятия и интерпретации считываемой информации. Вслед за существующей в социологии и истории чтения классификацией чтения мы выделяем чтение окказиональное, служебное и досуговое чтение. Чтение окказиональное – это чтение случайное, бесцельное. Чтение служебное – это чтение людей, служащих определенной

профессии: редакторов, корректоров, переводчиков, комментаторов, библиотекарей, педагогов, или чтение людей, получающих определенную профессию, то есть учебное чтение. Чтение досуговое осуществляется с целью организации досуга либо при помощи практики чтения, либо при помощи информации, полученной в процессе практики чтения, поэтому сюда входит чтение художественной и нехудожественной литературы.

Поскольку разновидности чтения, выделяемые по функциональному признаку, вбирают в себя все остальные морфологические признаки в качестве составляющих особенности этих разновидностей чтения, то мы осуществим анализ именно этих разновидностей чтения.

2.2.1.

Служебные практики учебного и профессионального чтения

Учебное чтение – это та практика чтения, которая практикуется с целью получения знаний, умений и навыков в процессе обучения. Агентами культурной практики учебного чтения в современной культуре являются и дети, и взрослые. На каждом из этапов обучения практика чтения имеет свое снаряжение, свое техническое оснащение, навыки и практические задачи. Мы остановимся на анализе этих моментов на примере культурной практики учебного чтения студентами-магистрантами.

XXI век – время тысячелетия Университетов и университетского образования. Традицией европейского университетского образования является трехступенчатая система высшего профессионального образования. При переходе

на Болонскую образовательную систему и в российские вузы также входит практика обучения не только специалистов и бакалавров, но и магистрантов, в том числе по гуманитарным и социально-политическим наукам, где доминирующим видом учебной деятельности на протяжении столетий оставалось чтение.

При формировании университетов в культуре Средних веков сложились три основные формы проведения учебных занятий: лекции (*lectio*), которые состояли в чтении и толковании, комментировании текстов Библии и Отцов Церкви ученым-схоластом совместно со студентами-школярами; семинары-диспуты (*disputatio*), которые происходили в виде обсуждения прочитанных текстов и предлагаемых ученым-схоластом и группой его последователей интерпретаций текста и его комментариев в дискуссии с другими схоластами и их учениками; наконец, высшей формой обучения являлось проповедование (*praedicatio*), когда бывший школяр должен был публично читать и разъяснять Священное Предание слушателям²⁸⁶.

На ранних стадиях возникновения при монастырях университетских кафедр было ограниченное количество христианских книг: читали в основном Библию и творения Отцов Церкви, чтение при монастырях было коллективным и медленным²⁸⁷. Читая ограниченное количество текстов, периодически повторяя, их заучивали наизусть. Текст Священного Предания входил в плоть, в мышечное усилие, затем в сознание. Устные Средневековые сообщества текста М. Маклюэн назвал коллективистскими сообществами с обостренным чувством приверженности коллективу. Чтение вслух было практикой не только заучивания священных текстов, но и контроля за точностью произнесения и толкования текста, одновременно способом борьбы с ересями, инакомыслием и искажением ортодоксальных текстов²⁸⁸. Чтение как коммуникация осуществляло связь между

²⁸⁶ См.: Амьесс Ж. Схоластическая модель чтения // История чтения в западном мире: от античности до наших дней. Москва, 2008. С.138-161.

²⁸⁷ См.: Паркс М. Читать, переписывать и толковать тексты: монастырские практики Раннего Средневековья. // История чтения в западном мире: от античности до наших дней. Москва, 2008.

²⁸⁸ Маклюэн М. Галактика Гутенберга/Гуттенберга: становление человека печатающего. Москва, 2005.

Священным Преданием и Священным Писанием и воспринимающим эти тексты адресатом, что требовало большой духовной работы, и в результате чтение воспринималось в VIII-X веках как путь к Спасению²⁸⁹.

В X-XII веках с автономизацией университетов от монастырей с появлением большего количества христианских текстов, чтение становится уединенным, появляется возможность читать каждому «про себя», медленно, не торопясь проговаривать – пережевывать текст. Книга понимается как пища духовная, а чтение становится чтением-созерцанием и чтением-медитированием, в процессе чтения про себя пережевывается не только текст, но и его смысл – отныне чтение становится герменевтической практикой индивидуального постижения смысла²⁹⁰.

В XII – XIV веках в связи с развитием университетской схоластики, ростом числа жанров, предлагаемых текстов и сборников цитат, потребностями организации эффективного для своего времени учебного процесса формируется новая схоластическая модель чтения. Наряду с религиозным и герменевтическим смыслом чтения, появляется собственно учебный. Под давлением необходимости прочитывать множество текстов техника учебного чтения становится быстрой вне зависимости от того, осуществляется чтение «вслух» или «про себя». В технике быстрого чтения наиболее эффективно осуществляется чтение-изучение, чтение-цитирование, чтение-комментирование, чтение-компилирование. Отныне школяры и схоласты читают не столько первоисточники, сколько так называемые «Цветы» – сборники цитат, «Суммы», Антологии, Лексиконы и Глоссарии. Скорость чтения, как и количество текстов, растет, а также совершенствуются и разнообразятся техники сокращения, выборки, цитирования, дробления текстов. Если в Раннем Средневековье монахи стремились выделить из сплошного текста римской латыни предложения, слова и предлоги, то есть, вычленив отдельные законченные мысли – предложения, то в Позднем Средневековье выделяют уже и

²⁸⁹ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. Санкт-Петербург, 2003.

²⁹⁰ Паркс М. Указ. соч.

абзацы, и разделы, создают предметные и алфавитные указатели, оглавления, списки цитат и другой книжный инструментарий, значительно облегчающий, оптимизирующий процесс учебного чтения²⁹¹.

В современности текстов для учебного чтения стало еще больше: учебники, учебные пособия, хрестоматии, антологии, методические указания, сборники заданий для активных форм обучения (кейсов), сборники статей, докладов, тезисов, научные монографии и научные журнальные публикации, труды классиков научной мысли, документы, обширная комментаторская литература и многое другое.

Но XXI век – не только время тысячелетия университетского образования, но и время кризиса чтения. Современное чтение активно трансформируется в связи с появлением таких технических средств хранения, передачи и обработки текстов, как компьютер и Интернет, становится, с точки зрения социологов (Н. Зоркая, Б. Дубин), все более фрагментированным и сегментированным, а с точки зрения развития технологий (Кастельс, Рейнгольд, Тоффлер, Эко) – электронным и мобильным.

Однако при всех технических новациях чтение остается в университетском гуманитарном образовании основным видом учебной деятельности, а в особенности самостоятельной работы студентов. Сегодня в университетах чтение является либо самостоятельным, либо подготовительным видом в таких видах самостоятельной работы студента магистратуры, как чтение, конспектирование, написание эссе, создание глоссария, создание библиографии, написание обзора статей, собственной статьи или тезисов, выполнение проекта, подготовка доклада, подготовка презентации. Удельный вес чтения в каждом из видов самостоятельной работы студентов различен, но присутствует всякий раз обязательно. Если мы имеем дело с чтением в качестве специального вида учебной деятельности, то его удельный вес – 100%, если чтение является

---

²⁹¹ Зенгер П. Чтение в позднем Средневековье // История чтения в западном мире: от античности до наших дней. Москва, 2008.

подготовительным видом деятельности, то его удельный вес – 50%, если чтение является составной частью оценочной деятельности – 25%, если чтение – часть какого-либо воспитательного процесса, то его удельный вес остается на уровне не менее 5%. Иными словами, у магистранта-гуманитария нет такого вида учебной деятельности, в который так или иначе не входило бы чтение (в случае письма, чтение является либо предпосылкой, либо необходимым элементом процесса, либо его следствием).

В свою очередь чтение имеет сложную коммуникативно-семиотическую структуру, исследованную Ю. Лотманом, У. Эко и многими другими приверженцами семиотической теории. Прежде всего, чтение – это коммуникация между неким отправителем послания-текста и его адресатом – получателем послания-текста. Однако в процесс коммуникации вступают не просто некие субъекты-оболочки, в коммуникацию вступают субъекты, обладающие определенным внутренним миром, коммуникативно-семиотическим опытом, индивидуальными способами понимания текста – то есть всем тем, что У. Эко называет «личными кодами и идеологическими пристрастиями»²⁹² отправителя и адресата. Соответственно этим кодам текст послания трансформируется в индивидуальный текст-выражение, а текст, воспринимаемый адресатом, также в индивидуальный, но уже другой – текст-сообщение. Кроме того, коммуникация между отправителем и адресатом происходит по определенному каналу трансляции послания-текста. Этот канал также придает тексту определенные оттенки коннотации. Соответственно, процесс чтения при таком непрямом пути кодирования и декодирования текста также становится сложнейшей семиотически-коммуникативной задачей, которую в жизни магистранта-гуманитария, даже при сформированных за годы обучения в школе и на бакалавриате навыках чтения, считать легким и незатруднительным процессом нельзя.

---

²⁹² См.: Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. Санкт-Петербург ; Москва, 2007.

Кроме того, мы должны сказать, что усложнились и стратегии современного учебного чтения. Современная педагогическая наука выделяет следующие: поиск полной информации, общее понимание информации, полное понимание информации, критическое понимание информации, уточнение (поиск части) информации, сравнение информации (выделение общих и особенных частей), контроль полученной информации, проверка источника информации, расширение информационного поля, интерпретация информации, комментирование информации²⁹³. Студенту-магистранту приходится все время выбирать, лавировать и соответствовать задаваемым учебным планом и рабочими программами курсов стратегиям, что также непросто.

Следующий важный момент состоит в том, что современное учебное чтение многоуровневое по глубине погружения в текст (поверхностное, глубокое и глубинное) и разнообразно по видам, среди которых принято выделять в качестве основных следующие: *поисковое/просмотровое* чтение, направленное на формирование представления об источнике информации; *ознакомительное* чтение, направленное на извлечение основной информации или выделение основного содержания текста; *изучающее* чтение, имеющее целью извлечение полной и точной информации с последующей интерпретацией содержания текста; *дополнительное, факультативное чтение*, например, художественного произведения в соответствии с личным интересом студента, формирующее широкий культурный контекст понимания и навыки кодирования и раскодирования текста-послания²⁹⁴.

Кроме того, всю совокупность студенческого чтения мы можем разделить на чтение аудиторное, в виде чтения и конспектирования лекций, а также в виде чтения и выполнения заданий-кейсов на практических и семинарских занятиях и домашнее обязательное, дополнительное и факультативное чтение.

²⁹³ См.: Сметанникова Н.Н. Значение чтения для решения задач образования (о роли и месте преподавателя в средней и высшей школе) // *Номо legens-2*. Москва, 2000. С. 150-156.

²⁹⁴ Мелентьева Ю.П. Понятие «культура чтения» в контексте русской культурной традиции. URL: rus.readorg.ru

При таком многообразии и сложности организации процессов учебного чтения в целом система чтения как культурной практики переживает в последнее время трансформации большого культурного и педагогического значения. Наряду с традиционными бумажными источниками чтения, дающими возможность уединенного, медленного чтения-изучения, чтения-созерцания и чтения-медитации, в учебный процесс все сильнее проникают источники электронного чтения. Это всевозможные электронные образовательные ресурсы, электронные библиотеки, электронные базы данных, электронные издательства, электронные журналы и т.д. В результате этого процесса активно формируется и отвоевывает себе значительную часть учебного чтения так называемое электронное чтение. Это чтение on-line, когда студенты-магистранты читают тексты, выведенные на экран компьютера из Интернета непосредственно в момент чтения, а также чтение off-line, когда с экрана монитора читаются заранее скачанные, найденные тексты. Еще более радикальным способом студенческого учебного чтения является так называемое мобильное чтение – чтение в режиме on-line с экрана мобильных средств связи, имеющих выход в сеть Интернет. В режиме учебного занятия on-line чтение является быстрым чтением, иногда при подготовке к ответу на вопрос письменного или устного задания, а часто и в процессе непосредственно выполнения учебного задания в учебной аудитории. В последнем случае чтение-изучение чисто по технологическим причинам превращается в поисково-просмотровое или ознакомительное чтение, что недостаточно для полноценного учебного процесса, тем более на ступени магистратуры. Несмотря на то, что данная разновидность чтения является с точки зрения технологически-цивилизационного подхода передовой, в университетской образовательной практике возникает настоятельная необходимость сформировать у технически хорошо оснащенных студентов-магистрантов гуманитарных и социально-политических наук потребность читать медленно, интерпретируя, вдумываясь в заложенные в тексте коды и выстраивая разные модели раскодирования читаемого текста, успешно преодолевая выявленные и

обоснованные трудности в нелегком, требующем серьезных душевных и интеллектуальных усилий процессе чтения.

Проблема мотивации учебного чтения может решаться при помощи различных педагогических приемов и методов. Однако в современных условиях представляется наиболее эффективным применение отвечающего жизненным ценностям студентов – современных индивидуалистов-потребителей – прагматического подхода в мотивации чтения. Читать нужно не просто ради чтения и знания, а ради достижения успеха, удовольствия, пользы, выгоды. Какой может быть прагматически понятая выгода от чтения²⁹⁵?

Прагматическим результатом чтения может быть написание статьи по материалам изученного курса и ее публикация, или подготовка аннотированной библиографии по определенным темам курса, или подготовка тезисов и доклада для итоговой по результатам большого курса студенческой конференции или конференции молодых ученых.

Между тем, написание самостоятельной статьи, или тезисов, или обзора статей включает в себя комплексную задачу чтения: чтения-отбора материала, чтения-ознакомления с содержанием статей, чтения- конспектирования, чтения-оценивания вычитанных идей, сравнения идей, найденных в разных текстах, интерпретации идей, формулирования и изложения собственных идей.

В процессе написания подобных работ студент, подобно писателю, осуществляет творчество, которое может быть описано как «перевод некоей внутренней книги, а чтение – как новый перевод в другую внутреннюю книгу... При переводе полярная противоположность письма и чтения исчезает»²⁹⁶.

Написание статьи, или библиографии, или доклада – это значимый результат учебной и научной деятельности молодого ученого-аспиранта, поскольку является публично предъявляемым этапом учебного и научного развития, подтверждающим статус магистранта, пополняющий список его

---

²⁹⁵ Сметанникова Н.Н. Указ. соч.

²⁹⁶ Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. Москва, 2001. С. 170.

публикаций, необходимый для получения повышенных, именных государственных или частных фондов стипендий, привлекающий внимание коллег, в том числе противоположного пола, кроме того, наличие публикаций делает магистранта активным участником жизни научного сообщества, расширяет возможности научной коммуникации как внутри страны, так и за рубежом, позволяет выстроить успешную траекторию собственного личностного и карьерного развития. Научное авторство, признание научного сообщества являются важными ступенями самореализации магистранта, и все это происходит в том случае, если мы выявили для магистранта необходимость внимательного чтения-изучения, приучили его читать, сформировали мотив и потребность в чтении.

Практика служебно-информационного чтения является достаточно сложной и специфичной для исследователя чтения. В практике служебного чтения читатель, как правило, имеет дело со специфическими способами передачи и получения информации: математические (и иные) таблицы, чертежи и макеты, географические (и иные) карты, графики и диаграммы, показания приборных табло, цветовые, графические или звуковые сигналы приборов, тексты бегущей строки, нотные тексты, тексты технических маркировок и инструкций, служебные указатели и навигационные знаки на производственной территории, компьютерные программы и иконы интерфейсов.

Практическая задача служебного чтения – выполнение производственных задач, требующих наличия и развития определенных навыков: концентрация внимания на считываемой информации, анализ и интерпретация этой информации, прогнозирование ситуации на основе считанной информации, выполнение определенных производственных действий на основе считывания, интерпретации информации и принятия на основе всего этого определенных решений.

Сверхзадача служебного чтения – самоудовлетворение и успех, перенос производственной ситуации на другой уровень, когда человек из исполнителя

определенных производственных обязанностей превращается в сознательного и активного участника производственного процесса – в чтении человек перестает быть винтиком. Умение читать чертежи или иконы интерфейсов – это повод для анализа производственной ситуации, ее интерпретации и самостоятельного принятия решений, все это создает возможности позиционирования сотрудника как эксперта и дает ему возможность активно организовывать и оценивать производственный процесс, участвовать в сознательном исполнении производственного задания.

Особый жанр служебного чтения – чтение бюрократическое. В практики такого чтения вовлечены чиновники. Такое чтение отличается, как и всякое другое служебное чтение, своим предметом – это законы, приказы, инструкции, служебные задания, планы, отчеты, сводки, служебные и аналитические записки, распоряжения, положения, программы, концепции, заявления, прошения и т.д.

Увлечение чтением служебных бумаг (планов, отчетов, служебных и аналитических записок), перерастание читателя в писателя и стремление к все нарастающему производству предметов бюрократического чтения через разрастание номенклатуры жанров и источников бюрократической документации для чтения показывает нам, что бюрократ – это человек с искаженной читательской установкой. Любовь к чтению перерастает в зависимость от документа, художественная литература замещается служебной документацией, установка на поиск смысла жизни в процессе чтения обращается на те предметы, читая которые невозможно эту установку реализовать; в результате потребность в нарастании предметов чтения приводит к прогрессирующему воспроизводству лишенных экзистенциальных смыслов текстов.

Процесс бюрократического чтения глубоко противоречив, поскольку, искренне стремясь к поиску решения тех или иных служебных задач в процессе чтения деловой документации, бюрократ все дальше и дальше уходит от решения задачи, погружаясь во все большее и большее количество документов.

Бюрократическое чтение, повторяющееся по служебной необходимости изо дня в день, ничему не учит своего адепта, он оказывается неспособным отделить сущность отслеживаемых им процессов от имитации. Практика бюрократического чтения по сути своей оказывается симулятивной, но наш симулянт искренне увлечен своей болезнью. Бюрократ, как и увлеченный читатель художественной фантастической литературы, читает деловую документацию с ощущением покорения космоса.

Специфика понимания практики профессионального чтения состоит в том, что под профессиональным чтением, как правило, подразумевается чтение тех читателей, кто связан с разного рода текстами и вынужден читать их по профессиональной необходимости – библиотекари, филологи, литературные критики, редакторы, обозреватели, копирайтеры, спичрайтеры, колумнисты, учителя. Это те профессиональные группы, для которых практики чтения являются неотъемлемой частью процесса труда. Поэтому особенно интересно выяснить, сохраняется ли в практиках чтения этих профессионалов-интеллектуалов только лишь прагматическая мотивация чтения, или же подключаются какие-то иные ценностные установки профессиональной группы, а также какова читательская идентификация этих профессионалов: «вынужденные читатели», «любители чтения», «читатели-дегустаторы», «читатели-гурманы» или что-то еще?

Исследованию профессионального чтения библиотекарей посвящены многие тома исследовательской литературы. Также пристально исследуется практика профессионального чтения учителей. Приведем данные, полученные в ходе одного из многочисленных исследований профессионального чтения учителей²⁹⁷. Основными институциями профессионального педагогического чтения являются библиотеки: школьные, муниципальные, домашние, для очень малого количества педагогов – электронные библиотеки. В большинстве случаев

---

²⁹⁷ Профессиональное и досуговое чтение учителей. URL: http://www.mubiblioteka.ru/professionalnoe_i_dosugovoe_chtenie_uchiteley/

учителя являются читателями двух библиотек: домашней и муниципальной. Около половины учителей предпочитают пользоваться школьной библиотекой, пользуются ей несколько раз в неделю. Основным мотивом посещения библиотеки является потребность в информации, но также удовлетворение интересов по увлечениям и в общении. С целью самообразования в библиотеку приходят 49%, для чтения художественной литературы – 22%, для удовлетворения интереса по увлечениям – 12%, для чтения периодики – 4%, для компьютерных услуг -1%, около 50% учителей отмечают наслаждение тишиной, которое дает им библиотека. Из периодики 96% учителей читает профессиональные журналы, 71% - профессиональные и иные, 29% - иные периодические издания. Тематические предпочтения учителей связаны с литературой и искусством – 69%, естественно-научной литературой – 37%, 17% – социально-экономической, 9% - медицинской и 4% - технической литературой. Жанровые предпочтения учителей остаются традиционными. Чаще всего по-прежнему читают классику (этот жанр выбрали 56% респондентов), исторический роман (39%), детектив (30%). На четвертом месте стоят любовные романы (27%). Далее следуют биографии великих людей, мемуары (13%), фантастика (10%). Современную литературу читают 66% респондентов, следят за новинками 17%²⁹⁸.

Чтение как публичная форма уединения, позволяющая не только повысить самообразование, насладиться вечными ценностями литературной классики, погрузиться в интимный мир художественного (досугового) чтения, является востребованной в повседневной деятельности читателей-учителей. Здесь мы видим, что профессиональное педагогическое чтение имеет тенденцию к перерастанию в чтение релаксационное, психотерапевтическое, досуговое. Чтение для учителя не только определенная часть профессиональной деятельности – подготовки к урокам, постановки и решения учебных задач, разработки презентационных материалов, но и огромная часть так называемого «профессионального досуга». Скорее всего, это происходит потому, что и досуг

²⁹⁸ Профессиональное и досуговое чтение учителей. URL: http://www.mubiblioteka.ru/professionalnoe_i_dosugovoe_chtenie_uchiteley/ Там же.

учителя является вынужденно профессионализированным и интеллектуализированным. Сами же учителя, по данным опросов, называют себя «искренними любителями чтения», которое является для них и работой, и досугом, и общением.

Профессиональное чтение редакторов – это профессиональный трудовой процесс, включающий в себя определенные трудовые навыки и инструменты.

Трудовые навыки чтения для редакторов, по мнению многочисленных учебников редакторского дела и статей, посвященных редакторскому чтению²⁹⁹, включают специфические операции.

Прежде всего, к навыкам редакторского чтения специалисты относят «редакторский анализ» – это «синтез специально-предметного, логического и лингвостилистического анализа» текста³⁰⁰.

Редакторский анализ развивается от общей оценки произведения до интеллектуальной реконструкции целостного авторского замысла и построения редакторской модели его оптимального воплощения.

Кроме того, редакторский анализ создает не только редакторскую модель целостного произведения, но постепенно он углубляется по уровням частей, разделов, глав и параграфов вплоть до отдельного абзаца и создает на основе опорных смысловых элементов текста, аналогичные модели анализируемых составных частей текста.

Редакторский анализ включает в себя не только вербальную, но и визуальную составляющую текста (таблицы, схемы, иллюстрации, графики и диаграммы). Редактор анализирует, насколько оправданы, необходимы, информативны, выразительны и уместны представленные визуальные материалы и насколько они логически увязаны с текстом, насколько эффектно они расположены и не затрудняют ли процесс восприятия вербальной информации.

---

²⁹⁹ Жарков И.А. Технология редакционно-издательского дела . URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook077/01/part-005.htm>

³⁰⁰ Там же.

Целевые ценностные установки редакторского профессионального чтения определяются должностными функциями редактора: главный редактор, выпускающий редактор, редактор определенного отдела (раздела) издания, редактор книжного издания. В современной культурной ситуации целе-ценностные установки редакторского чтения, как правило, связаны с ориентацией в ретроспективном, текущем и перспективном книгоиздательском или журнальном потоке и направлены на обеспечение максимальных продаж, во-вторых, целе-ценностные установки связаны с совершенством отдельно взятого редакторского продукта, в-третьих, с продвижением издательского продукта на книгоиздательском рынке.

Другой значимый профессиональный навык, востребованный и проявляющийся в редакторском чтении – это редакторская оценка. Редакторская оценка, как и редакторский анализ, осуществляется и в отношении всего произведения, и в отношении его частей. Редакторская оценка произведения основывается на определенной системе критериев качества произведения. И.А. Жарков приводит такой перечень критериев редакторской оценки: «Критерии оценки темы – актуальность, оригинальность, соответствие виду и типу издания, необходимость и целесообразность публикации; критерии оценки фактического материала – соответствие теме, достоверность, точность, новизна, научность, уместность, яркость, выразительность, наглядность, доступность; критерии оценки композиции – гармоничная целостность и системность; критерии оценки языка и стиля – точность словоупотребления, яркость, выразительность и др.»³⁰¹.

Третий профессиональный навык, на котором основывается профессиональное редакторское чтение – это совместное с автором перечтение находящегося в работе издания, творческий диалог редактора и автора с целью доведения рукописи до совершенства (в крайнем случае – оптимального состояния). В этом навыке важно и умение устанавливать диалогические отношения с автором и сохранять дистанцию по отношению к тексту.

---

³⁰¹ Жарков И.А. Технология редакционно-издательского дела URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook077/01/part-005.htm>.

Редакторское чтение в любой ситуации должно основываться на понимании того, что удовольствие писать – одно, а удовольствие редактировать – совсем другое. И редактор в этом диалоге не должен присваивать себе текст и занимать позицию автора. Позиция редактора – читательская, вне зависимости от того, как эмоционально он относится к редактируемому тексту.

Следующий профессиональный навык – разработка внетекстовых элементов издания. Как правило, работа над сопроводительными материалами издания происходит после этапа редакторской правки произведения. «Думая о том, как читатель будет работать с книгой, т. е. заботясь о том, чтобы функции книги были максимально реализованы, редактор намечает подготовку предметного указателя, указателя имен и др. При работе над произведением редактор стремится сделать оптимальным процесс его чтения, обеспечить правильное понимание, усвоение литературного материала. Во многих случаях он должен обеспечить возможность работать с книгой в процессе чтения, после чтения или использовать ее материал фрагментарно после чтения или тогда, когда сквозное сплошное чтение не предполагается»³⁰².

Наконец, важнейшим навыком редакторского чтения является прогнозирование рыночных перспектив издания на основе анализа ему подобных и выбор полиграфического исполнения и художественно-технического оформления издания. Этот навык редактор, как правило, реализует в процессе совместного чтения с художниками-графиками, дизайнерами, полиграфистами.

Таким образом, мы видим, что редакторское чтение на первых этапах является монологическим, аналитически-оценивающим, а на заключительных этапах работы становится диалогическим – с автором, художниками, дизайнерами и другими специалистами. Кроме того, на разных этапах работы профессионалы используют разнообразные техники редакторского чтения.

---

³⁰² Жарков И.А. Технология редакционно-издательского дела URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook077/01/part-005.htm>.

Приступая к работе с текстом, знакомясь с ним, редакторы используют просмотровое, ознакомительное чтение. Реконструируя авторский замысел и выстраивая собственную модель произведения, редакторы используют аналитическое, анализирующее, интерпретирующее чтение: беглый анализ текста и глубинный анализ текста. В процессе кропотливой работы над текстом подключаются такие техники, как сквозное чтение и фрагментарное, реверсивное (возвратное) уточняющее чтение. Наконец, редакторская оценка основывается на специфическом чтении – оценивании, сопровождающимся письмом-фиксацией оценки. Завершает редакторское чтение повторное контрольное или корректирующее чтение/письмо.

Говоря о редакторском снаряжении, отметим, что оно сильнейшим образом отличается в зависимости от сферы работы редактора. Например, в научном издательстве, в художественном журнале техническим инструментом редактора все еще остается карандаш. Причины этого не только в бедности издательств, но и в уважении к авторам, авторскому тексту и авторской воле, в заботе о здоровье редактора и его глаз. В крупных издательских домах, в газетном производстве, в индустрии глянцевого журнала техническим инструментом редактора являются компьютеры, оснащенные специальными редакторскими пакетами программ, электронная почта как средство общения с авторами, ICQ и Skype для оперативного общения с коллегами по цеху.

Идентичность, формируемая в процессе профессионального редакторского чтения, следующая: «идеальный читатель» – тот читатель, который проникает в замысел, помогает его идеальному осуществлению; кроме того, редактор – это первый читатель, тот, кто познакомился с книгой или статьей первым; он носитель и разносчик уникальной культурной информации, которую он затем распространяет в ближайшем культурном сообществе. Наконец, редактор осознает себя не только профессиональным читателем, но и скрытым, имплицитным автором. Не случайно имена многих редакторов также знамениты в культуре, как и тех авторов, которых они редактировали и публиковали. В истории редакторского чтения в художественно-публицистических журналах имя

А. Твардовского стоит рядом с именем А. Солженицына, Г. Бакланова с Вяч. Кондратьевым, В. Катаева – с именами открытых им В. Аксенова и В. Амлинского и других. Также не случайно, когда редакторами становятся успешные писатели, поэты, журналисты. Осуществляя редакторское чтение, они реализуют творческую, авторскую интенцию.

Чтение-комментирование известно в культуре, по крайней мере, с эпохи Средневековья, но оно оставалось на протяжении столетий элитарной практикой привилегированной латинской, а затем светской учености.

А. Рейтблат, исследуя особенности существования комментария в эпоху Интернета, исходит из того, что «комментарий – это профессиональное филологическое исследование, толкование, разъяснение какого-либо текста»³⁰³

Для того чтобы существовал комментарий как жанр филологического исследования, по мнению А. Рейтבלата, необходимо существование разделения труда между авторами, читателями, издателями, редакторами, а также чтобы был выделен корпус классических, то есть лучших, образцовых, наиболее значимых произведений. «Классическая словесность выступает основой ориентации для возникающей как самостоятельная сфера литературы, для ищущего социальной независимости и культурной авторитетности писателя, делается мерилем его собственной продукции, источником тем, правил построения текста, норм его восприятия, интерпретации и оценки»³⁰⁴.

По мнению А. Рейтבלата, функционирование комментатора связано с выработкой нормативного понимания текста и с трансляцией нормативно-образцового понимания текста в широкие читающие круги. Функции комментатора Рейтблат определяет как идеологическую и дидактическую. Также Рейтблат выделяет различные способы комментирования: фактологический, текстологический, контекстологический, этимологический, исторический, переводческий.

---

³⁰³ Рейтблат А. И. Комментарий в эпоху Интернета. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/re8.html>

³⁰⁴ Там же.

Говоря о комментарии в эпоху Интернета, А. Рейтблат имеет в виду опять же только профессиональное филологическое исследование и сожалеет о его не востребоваемости в силу ряда причин. Это «низкая значимость литературы вообще и классической в особенности», это «утрата авторитета социальных и культурных сил, которые ранее поддерживали нормативные трактовки (школа, государственное книгоиздание, культурная элита)», это «плюралистичность восприятия, готовность согласиться с одновременным существованием различных вариантов, разных интерпретаций» и это «новая мифологизация сознания» читателя возникающая под воздействием на читателей Интернета³⁰⁵. Соответственно, А. Рейтблат провозглашает кризис комментирования в Интернете как кризис профессиональной филологической деятельности, связанной также и с размываниями четких границ текста³⁰⁶.

Р. Барт пишет о кризисе комментирования в позднеклассической культуре и связывает его с проблемой существования в языке автора и критика. Поскольку тот и другой существуют в языке, одиноки и замкнуты в своих языковых сферах, то пробиться к комментируемому тексту критик может только желая этого текста и этого языка, но в своем желании критик остается нереализованным, и, каким бы ни было эротическое притяжение текста, между тем, по Р. Барту, критик – не читатель, любящий читать и влюбленный в читаемый текст, а писатель, который более всего любит писать свои критические сочинения и который влюблен не в исходный художественный текст, а в свое критическое сочинение. Отсюда кризис комментария связан, по Р. Барту, с необходимостью перемены объекта вожделения – им необходимо сделать язык художественного произведения, а не язык своего критического письма, но критик он еще и не писатель, и не ученый, поэтому данный ход ему не доступен. Он все время моделирует нечто новое, вместо того чтобы оставаться в пределах произведения³⁰⁷.

---

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Литература. Москва, 1994.

Как функцию читателя рассматривает комментирование М. Бланшо. Он говорит, что комментарий является посредником в извечной двойственности «литературы» и «жизни». Каждая книга, по мнению М. Бланшо, всего лишь комментарий к какой-либо другой книге. Комментарий – это не повтор книги, а встраивание ее в бесконечное движение человеческой мысли. Поэтому комментарий не является привилегией филолога, это процесс заполнения пустот недосказанности внимательным читателем, формирование пространства резонанса произведения³⁰⁸. Именно в этой возможности бесконечного комментария М. Бланшо видит разгадку безостановочности чтения: каждый прочитанный текст порождает комментарий как желание нового текста³⁰⁹.

В условиях современных цифровых коммуникаций «электронная переписка автора с читателями, которые превращаются в соавторов книги, не имеющей конца, перетекающей в их комментарии и дополнения, позволяет установить связь, которая прежде, при ограничениях, присущих печатному изданию, была затруднена»³¹⁰.

Чтение-комментирование в Интернете – один из самых распространенных видов чтения. Практически каждый материал, размещаемый на сайтах для чтения в Интернете, сопровождается опциями комментирования. Комментирование в Интернете утратило профессиональный статус, стало деятельностью каждого читателя. По количеству комментариев определяется востребованность текстов и включенность пользователя в Интернет–сообщество читателей.

2.2.2

Практика досугового информационно-дискурсивного чтения

---

³⁰⁸ Бланшо М. От Кафки к Кафке. Москва, 1998. С.176.

³⁰⁹ Там же. С.178.

³¹⁰ Шартье Р. Читатель в постоянно меняющемся мире. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/sh6.html>

Досуговое чтение мы определяем исходя из понимания того, что есть досуг. Если досуг – это (англ. leisure; нем. Freizeit) часть нерабочего времени, которая остается у человека после исполнения непреложных непроеизводственных обязанностей, то досуговое чтение – это тот способ проведения нерабочего времени, который реализуется человеком после того, как он исполнил все непреложные непроеизводственные обязанности: хозяйственные, общественные, семейные и т.д. Досуговое чтение – феномен, возникающий тогда, когда человек получает некое время и пространство свободы от окружающего социума и может, наконец-то, углубиться и в книгу, и в самого себя. Взять в руки книгу – означает обозначить границу, предел личного экзистенциального пространства-времени. В обществах и сообществах, строго нормирующих досуг и предписывающих коллективный труд и отдых, практика досугового чтения может оказаться запретной, выполняемой тайно. В других обществах и профессиональных сообществах, где трудовые/учебные процессы осуществляют интервенцию в свободное время, чтение как досуговая практика может вытесняться профессиональным или учебным чтением. Наконец, в третьих типах обществ, где за счет интенсификации трудовых процессов редуцируется свободное время и досуг, чтение может быть вытеснено деятельностью по обеспечению текущей жизнедеятельности, обслуживающим трудом и т.д.

Если же мы понимаем досуг в качестве совокупности практик, при реализации которых происходит удовлетворение физических, духовных и социальных потребностей людей в свободное время, тогда досуговое чтение – это одна из разновидностей досуговых практик, удовлетворяющих физические, духовные и социальные потребности человека. Время, затраченное на чтение – это так называемое время досуга или свободного времени. Функции досуговой практики чтения совпадают с функциями свободного времени: это отдых,

восстановление рабочей силы и духовной жизненной энергии. Чтение как разновидность досуговой практики служит как отдыху, так и развитию личности, удовлетворению потребности в развлечениях и общении.

Чтение как досуговая практика удовлетворяет личную физическую потребность в тишине, покое, уединении, спокойном и расслабленном положении тела и духовную потребность самопознания, самооценки, ценностной ориентации, самосовершенствования. Социальная потребность в чтении – это потребность приобщения к ценностям и практикам социума, его нормам и идеалам, а также к идентификации и индивидуализации в этом социуме. Формирование горизонта личных и общественных социальных ожиданий от общества и от самого себя является важной составной частью процесса чтения.

В любом случае, досуговое чтение – это такая культурная практика, в которую ее агенты вступают по собственному свободному выбору, а не по профессиональной обязанности или не в соответствии с учебной задачей. Это практика чтения, продиктованная свободным выбором читателя, который предпочел чтение другим видам досуга.

Практика досугового чтения является информационной, то есть выполняющей функцию получения дополнительной информации для успешного и комфортного существования в социуме. Информация, которая приобретается в досуговых практиках чтения, охватывает все сферы повседневности от тела, гигиены, здоровья, питания до новостей политики и экономики. В культуре Нового времени практика досугового чтения сложилась в совокупности книжного, газетного и журнального чтения. Б. Андерсон писал, что для немецкого бюргера чтение утренних газет в XIX веке было таким же обязательным ежедневным ритуалом, как и чашечка кофе. В современной России практика информационного досугового чтения также складывается из чтения газет и журналов как общего профиля, так и специализированных и из чтения специальной литературы. Как утверждают социологические опросы, «население России явно предпочитает местную прессу, как общественно-политическую, так и

развлекательную, рекламную и прочие»³¹¹. По данным журнала «Общественное мнение – 2011», ежедневно читают газеты 12% опрошенных, время от времени – 73 %, а никогда – 27% опрошенных Левада-Центром. Один раз в неделю читают журналы 24% респондентов по стране. «Увеличение общей читательской аудитории газет или журналов происходит в первую очередь за счет изданий, ориентированных на самого массовидного читателя, эксплуатирующих “низовые” страхи, стереотипы и комплексы»³¹² – это журналы-телегиды, журналы кроссвордов, женские тонкие журналы-заменители, дешевые рекламные издания.

Все это говорит о том, что информационное досуговое чтение выполняет вспомогательные функции: организацию досуговых практик, развитие специфического конструктивно-продуктивного воображения – декораторского, кулинарного, портновского, плотницкого и т.д.

Аналогично обстоит дело с досуговим книжным информационным чтением. Практически никогда не читают книги 45% опрошенных, ежедневно читают все те же 10%, два-три раза в неделю – 13%. На вопрос «покупаете ли Вы книги для себя (свой семьи)?» отрицательно ответили 62% опрошенных россиян.

Интернет как снаряжение для досуга, по данным Левада-Центра, в 2008 году использовало не более 15% россиян. Из них для досугового чтения использует Интернет только каждый десятый пользователь. На вопрос, как часто вы читает интернет-издания, в 2011 году отрицательно отвечает 75%, ежедневно читают 7%, несколько раз в неделю – 10% .

Вместе с тем снаряжение для практики досугового чтения достаточно сильно меняется в последние годы – все чаще наряду с традиционными бумажными изданиями: книгами, газетами и журналами – используются цифровые экранные и аудиокниги. В информационном досуговом чтении изначально не важна аураичность, уникальность текста и способ его передачи – книжный, газетный, журнальный или электронный. Вместе с тем на сегодня

³¹¹ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2008. С. 16.

³¹² Общественное мнение – 2011. Москва, 2012.

наиболее востребованными и растиражированными способами доставки рецептурной, вспомогательной информации являются гляцевые иллюстрированные журналы и специализированные интернет-сайты.

Цифровые экранные книги чаще всего называют электронными книгами. Сегодня эти специализированные гаджеты для чтения позволяют хранить тексты, их сортировать, редактировать. В электронной книге можно менять по своему усмотрению шрифт, кегль и даже цвет фона. Объем памяти электронных книжек позволяет на одном гаджете формировать объемную и дешевую мобильную персональную библиотеку. «Электронные книги позволяют реализовать целый ряд новых возможностей, которых лишены бумажные издания: перекрестные ссылки, контекстный поиск, обращение к словарям и справочникам»³¹³.

Как утверждает в своем интервью писатель Н. Дорошенко, «в первую очередь, электронная книга вберёт в себя всё чтиво, годящееся для разового использования. Детективы, беллетристику, гламурные романы, к которым возвращаться можно лишь не имея развитого художественного вкуса или по иным причинам. Электронные книги будут для читателя носителями разного рода информации, как книги-справочники и энциклопедии. Представьте себе, что весь Брокгауз и вся Британская энциклопедия у вас лежат на уголке письменного стола. Что в одном шкафу у вас поместились крупнейшие национальные библиотеки мира. И в метро вы входите с сотней томов. А уж в поезде или самолёте электронная книга, имеющая собственную подсветку, просто незаменима»³¹⁴».

У электронной книги, которую по достоинству оценили уже многие любители досугового чтения, есть ряд и других преимуществ. «Она намного вместительней печатной. Она сокращает время поиска информации, текст приобретает в веб-узле и сразу загружается. Электронная книга обеспечивает легкость аннотирования, позволяя добавлять собственные замечания, выделять

³¹³ Электронные книги возродят интерес к чтению. URL: <http://55study.ru/articles/2516.html>

³¹⁴Фантом книги: электронная книга все больше вытесняет традиционные печатные издания. URL: http://bookworms.ru/publ/prochie_materialy/fantom_knigi_ehlektronnaja_kniga_vsjo_bolshe_vytesnjaet_tradicionnye_pec_hatnye_izdaniya/6-1-0-93

текст и вносить комментарии, ссылки. Она более выгодна, чем печатная, что связано с отсутствием затрат на издание, невысокой стоимостью хранения и доставки. Электронные книги предоставляют дополнительные возможности получать вознаграждение автором малочитаемых, но востребованных узким кругом потребителей работ, отвергаемых издателями. Электронная книга спасает от вырубки множество деревьев. Чтение с экрана позволяет избавиться от нездорового для глаз сочетания черных букв и белого фона. В электронных изданиях больше простора для использования иллюстративного материала. Технические средства создают хорошие условия для повышения скорости чтения»³¹⁵. «Каждая книга, за которую платит деньги счастливый обладатель Rocketbook'a или другого ридера – это стопроцентное попадание во вкусы, предпочтения и пожелания. E-Reader просто не дает библиоману почувствовать “эффект разочарования”, ведь содержание книги всегда соответствует возлагающимся на нее надеждам»³¹⁶.

Как отмечают многие исследователи чтения, для российского человека глагол «”читать” чаще всего означает “читать художественную литературу”»³¹⁷. Поэтому практика досугового художественного чтения является квинтэссенцией практик чтения.

Однако в отличие от всех до этого рассмотренных информационных практик чтения, которые являются, главным образом, информационными по своим практическим задачам и развиваемым навыкам чтения, практика чтения художественной литературы является дискурсивной практикой. Дискурс мы в данном случае понимаем вслед за М. Фуко и тем, как его интерпретируют В. Волков и К. Хархордин. Они утверждают, что «Фуко интересуется дискурс, который надо рассматривать не как совокупность документов, а как деятельность, которая оставляет после себя монументы. Иными словами, ему неинтересно то,

³¹⁵ Мамонтова М.С. Традиционная или электронная: какую книгу читать? // Библиография. 2008. № 1. С. 28-31. URL: <http://www.nlg.ru/prof/reader/prozam/press/2008/mamontova.html>

³¹⁶ Ерошенко Е. Дополнительное чтение. URL: http://article.tech-labs.ru/52_31430.html

³¹⁷ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2008. С. 27.

как обычно рассматриваются тексты, – то есть только как носители некоей информации, как документы, отражающие некоторую другую реальность. Фуко интересуется не то, что дискурс отражает, *что* он говорит, а то, что дискурсивные практики делают, *как* они существуют»³¹⁸. Заметим, что понятия «документы» и «монументы» заимствованы Волковым и Хархординым у П. Бурдьё, из его размышлений о распределении художественных авторитетов в поле литературы. П. Бурдьё утверждает, что одни писатели становятся классиками благодаря «документам» – грантовым сертификатам, наградным листам фестивалей и премий, перечням самых популярных писателей, а другие благодаря «монументам» – собственным сочинениям, экранизациям своих книг, статуям и бюстам героев и персонажей, самих писателей и т.д. (Одесса – город памятников Остапу Бендеру и Кисе Воробьянинову, «Двенадцатому стулу» и т.д.) Исходя из преобразующего понимания дискурса, мы рассматриваем читаемый текст не только как носитель информации, но как событие внутренней духовной жизни человека, произведенное текстом при помощи слов. Дискурсивная практика понимается нами вслед за М. Фуко как «дискурсивное действие, делание чего-либо при помощи слов. Это обращение к текстам и словам не для того, чтобы почерпнуть из них информацию (отнестись к ним как к документальным свидетельствам какого-либо события), а обращение с ними как с событием, с некоей реальностью»³¹⁹. Соответственно, когда мы анализируем практику художественного чтения как дискурсивную практику, мы должны проанализировать не только то, что чтение различных текстов становится событием жизни читателя, но и то, каким образом текст существует как монумент, как памятник данному событию.

На наш взгляд, именно специфика монумента отличает чтение книжное, бумажное от чтения электронного. В первом случае книга становится действительным материальным монументом, запечатлевшим факт прочтения. Книга приобретает материальные следы взаимодействия с читателем: заломы

³¹⁸ Волков В., Хархордин О. Теория практик. Санкт-Петербург, 2008. С.161.

³¹⁹ Там же. С. 161.

страниц, отпечатки пальцев, следы пометок и заметок на полях, подчеркиваний, засушенные цветы, билеты, использующиеся вместо закладок. Электронная книга таких следов не сохраняет и не позволяет. Единственный материальный след от прочтения книги на ридере – это строка заглавия в меню и указание на объем памяти, занимаемый данной книгой. С другой стороны, книга, осевшая на ридере или стоящая на полке в домашней библиотеке – это памятник факту прочтения и духовного события, произошедшего с читателем.

Чтение художественной литературы вбирает в себя как наиболее характерные и устойчивые, так и наиболее инновационные и обновленные черты. Прежде всего, это особенности, связанные с досуговостью. Если чтение кулинарных книг или журналов по садоводству напрямую способствует совершенствованию техники приготовления пищи или выращивания агрокультур, то чтение художественной литературы, являющееся абсолютно необходимым актом для поддержания здоровья психики, нуждается сегодня в дополнительной легитимации, ибо не имеет прямого и очевидного результата в виде улучшения параметров здоровья или качества жизни. Поэтому досуговое чтение художественной литературы вытесняется в такие временные и пространственные зоны, как дорога и путешествие, пляжный или оздоровительный отдых, спа-процедуры и медитативные практики.

Следующей особенностью досугового чтения художественной литературы является специфический коммуникативный аспект. С одной стороны, читатель общается с автором текстом, дает ему жизнь и воскрешает героев произведения и их перипетии, а с другой стороны, всю жизнь читает текст только про себя, выбирает страницы только про себя, переводит эти страницы на понятный для себя язык, то есть осуществляет не столько коммуникацию внешнюю, сколько склонен к автокоммуникации.

В процессе чтения читатель вступает в сложную систему общения, которая включает в себя как реальных субъектов общения: писателей, художников-оформителей, редакторов, переводчиков и издателей, так и квазисубъектов

художественного общения: героев и персонажей литературного произведения. Кроме того, всякое художественное общение, и в том числе и чтение – это и общение с самим собой.

В узком смысле слова под досуговым чтением понимают только чтение художественной литературы, причем чтение, дающее отдых и развлечения, то есть чтение беллетристики, массовой, жанровой литературы. В широком смысле слова досуговое чтение – это чтение художественной литературы (или художественной литературы и нон-фикшн), это не только отдых и развлечение, но и большая внутренняя духовно-душевная экзистенциальная работа: выбор предмета чтения, переживание экзистенциальной ситуации чтения, выход за пределы повседневности в сферу художественной реальности и со-бытие с ней, а также возвращение в жизненную реальность другим человеком, обогащенным прожитым в художественной реальности экзистенциальным опытом. Досуговое чтение относится к активным видам досуговой деятельности, поскольку читатель проявляет себя как активный, творческий, свободный субъект, формирующий в процессе чтения свою социальность, идентичность и индивидуальность.

Если мы понимаем досуг как время для свободной самореализации, это означает, что досуговое чтение мы понимаем как свободное пространство самореализации деятельности читательского воображения и фантазии. В процессе сопереживания героям произведений, читатель получает возможность прожить множество жизней героев и персонажей литературных произведений, испытать те коллизии и страсти, которые были пережиты в заданных художественным произведением обстоятельствах, обогатить свой жизненный опыт опытом других, литературных авторов, героев и персонажей, сформировать новое представление о действительности, осуществить его «перезагрузку».

Говоря о мотивации досугового чтения, Дубин и Зоркая замечают, что «в чтении даже самых образованных и продвинутых читательских групп сегодня отчетливы ориентации на пассивно-адаптивный тип культурного поведения и потребления, отсутствие аналитического интереса к окружающей современности

во всех ее противоречивых чертах, склонность к развлечению и эскапизму, усреднение вкусов»³²⁰.

Досуговое чтение сложилось в качестве престижно-элитарной практики еще в культуре средних веков. Жанровая структура досугового чтения сложилась тогда же – священные тексты, светская литература, эпосы. В современной культуре наиболее читаемыми жанрами художественной литературы на всех типах носителей являются любовные романы, отечественные детективы и книги для детей, детская литература – по 11-12% опрошенных. Меньше всего читателей – по 1% у романов для девочек, переводной современной литературы, мемуаров, книг на иностранных языках.³²¹

На вопрос «читаете ли Вы, хотя бы иногда, книги или литературные журналы на электронных носителях? Если да, то какие виды электронных носителей вы для этого используете?» ответ «не читаю книги/литературные журналы на электронных носителях» дали 83% опрошенных. Среди оставшихся 17% читают художественную литературу на компьютере/ноутбуке 13%, на мобильном телефоне – 5%, на e-book – 2%, на цифровом плеере, на КПК, на смартфоне, на i-pod/i-Pad – по 1% респондентов.

Аналогичным образом распределились ответы и на вопрос о том, «скачиваете ли Вы книги из Интернета, и если да, то примерно сколько книг Вы скачали за последние 6 месяцев?» Отрицательно ответили на этот вопрос 84% опрошенных, что на 5% меньше, чем в 2009. Из тех же, кто скачивает книги из Интернета, наибольшая частота – более 15 книг в месяц – у 2% ответивших, наименьшая – 1-2 книги в месяц – у 6% опрошенных³²².

Кроме того, как утверждают исследователи, чтение книг в электронном виде не отменяет последующей покупки той же книги в бумажном формате.

³²⁰ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение в России в 2008 году. Тенденции и проблемы. Москва, 2008. С. 29.

³²¹ Общественное Мнение - 2011. Москва, 2012. С. 256.

³²² Там же. С.258.

Ученые называют, по крайней мере, «три причины, по которым люди платят за те книги, содержание, которых им хорошо известно»³²³.

Первая заключается в том, что, книги сохраняют свою притягательность достаточно долгое время, причем наращивают ее с годами, переходя в разряд редких книг, раритетных изданий, антиквариата.

Вторая причина – интерес коллекционера, основанный на радости обладания редкой книгой, книгой интересной судьбы, книгой-автографом, книгой, изданной малым тиражем и т.д.

Наконец, третий повод купить книгу – ритуальный, означающий приобщенность к книжной культуре чтения, к культурной элите, к передовому читающему сообществу.

Однако книга в электронном формате имеет и негативные стороны. «Создатели электронной книги стремятся воспроизвести обычную книгу. Решающее значение имеет одинаковость копирования информации. Благодаря этому переход от чтения традиционной книги к электронной происходит легко, но не наоборот. Мультимедийные эффекты в электронном тексте влияют на образное, зрительное и слуховое восприятие; в этом ракурсе находит объяснение и модный вопрос о зомбирующем влиянии экранов. При работе с компьютером появляется дополнительная смысловая нагрузка – управление самим техническим устройством. Длительная работа с экраном приводит к ухудшению зрения. Электронная книга открыта для самопроизвольного изменения текста, в том числе классического. Текст в компьютере легко стирается, что может губительно повлиять на традиционное уважение к книге. Усложняется проблема интеллектуальной собственности. Традиционные бесплатные услуги библиотек также подвергаются сомнению: с внедрением электронных книг происходит интеллектуальная переработка информации, следовательно, возникает добавочная

---

³²³ Ерошенко Е. Указ. соч.

стоимость. С другой стороны, читатель начинает обходиться без посредника – библиотекаря или библиографа»³²⁴.

Таким образом, мы видим, что практики досугового чтения весьма многообразны не только по целям, но и по средствам своего осуществления. Сравним коротко культурные практики книжного чтения, экранного чтения и аудиочтения.

В качестве снаряжения традиционного книжного чтения выступает прежде всего книга, книжный шкаф, в котором книги хранятся, бюро, пюпитр, или «вращающийся письменный стол», колесо, на которое кладется книга для чтения стоя, или кресло или диван, лежанка или кровать для чтения лежа³²⁵, или «стул для петушиных боев»³²⁶, где располагается читатель, чтобы читать сидя, нож для разрезания страниц книги, лупа, монокль, пенсне или очки для того, чтобы лучше видеть текст книги, а также освещение в виде свечи или лампы для того, чтобы создать условия для чтения в темное время суток.

К операциональным навыкам традиционного книжного чтения относятся, прежде всего, технические навыки чтения – умение выразительно прочитывать слова и текст без искажений, пропусков и замен в определенном темпе, а также смысловые навыки чтения – умение адекватно понимать и интерпретировать прочитанные тексты. Кроме того, книжное чтение нуждается в таких культурных навыках чтения, как знание и умение открыть книгу с нужной стороны, найти название и оглавление, знание и умение, в какую сторону нужно листать и читать книгу, например, Библию или Коран. В любой книге нужно уметь аккуратно делать полезные закладки и пометки так, чтобы не испортить книгу. В мультилингвистичном мире важно умение определить, на каком языке написана книга, соотнести уровень владения языком и возможности прочтения и интерпретации текста.

---

³²⁴ Мамонтова М.С. Традиционная или электронная: какую книгу читать? // Библиография. 2008. № 1. С. 28-31.
URL: <http://www.nlr.ru/prof/reader/prozam/press/2008/mamontova.html>

³²⁵ Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008. С. 185.

³²⁶ Там же. С.160.

К ценностям, которые формируются в практике книжного чтения, относится, прежде всего, грамотность: умение ясно излагать мысли на письме и умение вычитывать мысли из рукописного или печатного текста. К ценностям книжной культуры относится собственно книжность – умение читать книги, навык интерпретировать книжный текст, а также возможность владеть книгой как предметом, умение ценить книгу не только как предмет или источник полезной информации, но и как некую духовно-экзистенциальную ценность³²⁷. Другой ценностью практики книжного чтения является начитанность как характеристика читателя – человека, который прочел много книг и может свободно ориентироваться в мире книг, изложенных в них идей и сюжетов. Также ценностью практики книжного чтения является авторство книги, поскольку автор обладает властью над текстом, героями, сюжетом и читателями³²⁸.

Социокультурная идентичность читателя в процессе культурной практики книжного чтения традиционно позволяла осознавать себя читающему человеку как представителю грамотных людей, образованных слоев общества, обладающих временем и другими средствами для интеллектуального развития и досуга.

Сравним практику книжного чтения с культурной практикой экранного чтения. Снаряжением экранного чтения является какой-либо цифровой электронный гаджет, на котором сохранен текст для чтения³²⁹. Это может быть электронная книга или экран стационарного персонального компьютера или смартфона. Обязательным элементом цифрового снаряжения для экранного чтения являются карта памяти, на которой хранятся тексты читаемых книг, сетевой шнур для зарядки электронного устройства, а также устройства для подключения к сети Интернет или к персональному компьютеру для поиска, скачивания и сохранения текстов электронных библиотек. Также требуется

---

³²⁷ Лихачев Д.С. Книжное чтение и почитание книжное // Лихачев Д.С. Раздумья. Москва, 1991. С. 315.

³²⁸ Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php

³²⁹ Шартье Р. Книга уходит из нашей жизни? Читатели и чтение в эпоху электронных текстов. URL: <http://inauka.ru/analysis/article86905?subhtml>

регистрация, пароль и логин для доступа к электронным библиотекам, таким как Litress.ru.

Соответственно используемому снаряжению, другими становятся операциональные навыки в практике экранного чтения³³⁰, к традиционным техническим и смысловым навыкам чтения добавляются навыки медийно-информационной грамотности. Она подразумевает умение включить гаджет, запустить соответствующие программы загрузки текстов, навык войти в меню и выбрать текст для чтения, открыть текст, листать в нем цифровые страницы, сохранять в памяти гаджета место окончания чтения, выделять понравившийся фрагмент, а также навыки покупки и скачивания электронного текста, навыки пользования электронными книжными магазинами или электронными библиотеками, навык осмысленного отбора текста в сети Интернет и навык критической оценки информации, получаемой из различных источников.

Другими в практике экранного чтения становятся и ценности. Главной ценностью является теперь медийно-информационная грамотность – уверенный навык пользования различными коммуникативными и информационными ресурсами, в том числе цифровыми. Другой важной ценностью становится финансовая состоятельность, поскольку электронные гаджеты для чтения являются дополнительными электронными устройствами, требующими отдельных расходов на их приобретение и поддержание. Кроме того, значимой ценностью становится мобильность читателя, то есть возможность и способность читать не в специально отведенном месте и в специально отведенное время, а читать «на ходу», в любую свободную минуту, где бы это ни случилось: в общественном транспорте или в личном, во время учебы, работы или путешествия, наедине с самим собой или наедине со всеми в толпе³³¹. В культурной практике экранного чтения сохраняется ценность начитанности,

³³⁰ Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php

³³¹ Самохина М.М. О реальном месте чтения в жизни современного молодого человека. URL: <http://vmo.rgub.ru/research/articles/samokhina.php>

поскольку платное скачивание текстов или платное пользование электронными библиотеками требует от читателя свободной ориентации в мире книг и авторов, новинок и классики и предварительного отбора того, что электронный читатель хочет прочитать на определенном ресурсе в Интернете, в электронной библиотеке или приобрести в электронном магазине³³².

Социокультурная идентичность читателя в экранном чтении также становится другой. Теперь читатель относит себя не только к образованному сословию, но к слою мультимедийно грамотных пользователей и экономически успешных работников, мобильных и стремящихся к сохранению интеллектуального развития и интеллектуального досуга в условиях тотальной занятости.

Другим вариантом современной мобильной практики чтения является практика аудиочтения³³³. Соответственно все более распространенным снаряжением для досугового чтения становится аудиокнига. «Спрос на аудиокниги возник в конце 1980-х гг. На сегодняшний день объем западного рынка аудиокниг составляет более 20% рынка бумажных книг. В России аудиокниги также получили значительное распространение. По данным компании "СиДиКом", аудитория аудиокниг выглядит следующим образом: 86% – мужчины, 14% – женщины. 77% прослушивают аудиокниги дома, 38% – на работе; 41% – в машине; 12% – при занятиях спортом; 34% – в городском транспорте. 81% покупателей книг – люди в возрасте от 18 до 36 лет. Репертуар аудиокниг – в основном классика, проза и поэзия, познавательные и учебные произведения. Существует серия двуязычных книг.

Практика аудиочтения отличается и от практики чтения бумажной книги, и от практики экранного чтения, прежде всего, в используемом снаряжении. Это цифровой гаджет для воспроизводства аудиофайлов, им может быть и мобильный аудиоплеер, и стационарная аудиосистема, но, как правило, и то и другое

---

³³² Карьер Ж. К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! Санкт-Петербург, 2010.

³³³ Мелентьева Ю.П. Аудиочтение: исторические истоки и современная ситуация // Научные и технические библиотеки. 2008. № 9. С. 45-50. URL: <http://www.nlr.ru/prof/reader/prozam/press/2008/melentjeva1.html>

дополняется наушниками для персонального прослушивания аудиофайлов, картой памяти, для сохранения аудиокниг в памяти гаджета, сетевой шнур для поддержания работоспособности гаджета и соединение с сетью Интернет для получения доступа к Интернет-библиотекам или Интернет-магазинам с аудиокнигами.

Ю.П. Мелентьева утверждает: аудиокнига не вытесняет, а дополняет бумажную. Она является аналогией радиоспектаклей, устных выступлений, домашнего чтения вслух. «Аудиокнига, – отмечает Ю.П. Мелентьева, – это пример того, что развитие техники не отдаляет, а приближает нас к истинной культуре. Звучащее и письменное слово связаны гораздо сильнее, чем мы привыкли думать. Человек, который часто слушает книги, привыкает думать о прочитанном и все равно возвращается к бумажному тексту»³³⁴.

Между тем, на вопрос Левада-Центра в 2011 году, «Знаете ли Вы о существовании аудиокниг. Если да, то пользуетесь ли Вы ими?», положительный ответ дали только 6% опрошенных, 20% выразили готовность пользоваться в будущем, сообщили, что не пользуются и не собираются пользоваться – 34%, 30% заявили, что не знаю, о чем идет речь, наконец, 10% опрошенных россиян затруднились ответить³³⁵.

Технические операциональные навыки аудиочтения существенно отличаются от навыков книжного или экранного чтения. Их характеризует способность сохранения прослушанного текста в памяти слушателя, его смысловой интерпретации и внутреннего интонирования прослушанного текста. Общие навыки в практике аудиочтения, как и в экранном чтении, основываются на медийно-информационной грамотности: умении пользоваться аналоговыми и цифровыми источниками аудиотекстов, умением сознательно отбирать аудиотексты для прослушивания по содержательным и техническим параметрам, умением анализировать и интерпретировать, критически оценивать тексты.

---

³³⁴ Мелентьева Ю.П. Аудиочтение: исторические истоки и современная ситуация // Науч. и техн. б-ки. 2008. № 9. С. 45-50. URL: <http://www.nlr.ru/prof/reader/prozam/press/2008/melentjeva1.html>

³³⁵ Общественное Мнение – 2011. Москва, 2012. С.257.

Формируемые в культурной практике аудиочтения ценности отличаются, с одной стороны, мобильностью и уединенностью в толпе, а с другой стороны, компенсацией ограничений по зрению и по слуху. Практика аудиочтения возвращает читателю с ограниченными возможностями многообразный звучащий мир культуры: в частности, мир аудиочтения и мир изучения иностранных языков.

Читательские идентичности в культурной практике аудиочтения преобразуются. Читатель с ограниченными возможностями по слуху и зрению начинает ощущать себя современным, технически продвинутым пользователем мультимедийных цифровых гаджетов. Читатель, тотально занятый в процессах производства и воспроизводства и не имеющий отдельного времени для досуга, начинает ощущать себя продвинутым пользователем, эффективно использующим время и умеющим создать интеллектуальный досуг.

Сравнив практики книжного, экранного и аудиочтения, мы видим, что во всех разновидностях практик чтения при всех изменениях снаряжения и операциональных навыков основополагающей и константной ценностью является ценность произведения, понимаемая как некоторый содержательно неповторимый, уникальный текст, нуждающийся в осознании и интерпретации, а также ценность приобщенности к культуре чтения – начитанности.

Методология практик позволила связать технологию с возникающими ментальными различиями и тенденциями усложнения социального. Сравнительный анализ показал, что в процессе осуществления каждой практики при использовании особого снаряжения формируется иной тип социокультурной идентичности читателя. В практике традиционного книжного чтения – это идентичность образованного, грамотного книжочера. В практике экранного чтения складывается идентичность мобильного, технически обеспеченного, «продвинутого» интеллектуала, читающего с экрана гаджета. В практике аудиочтения – это идентичность обособившегося в толпе мобильного и независимого адепта аудиочтения.

Осуществив анализ особенностей культурных практик чтения в эпоху постграмотности, мы можем сделать ряд выводов.

Все практики чтения мы вслед за М. Фуко называем информационными и дискурсивными. К снаряжению практик чтения относятся традиционные бумажные книги, газеты и журналы, электронные книги и аудиокниги, а также электронные сайты журналов, страницы Социальной сети, сетевые дневники – блоги, т.е. сетевые и несетевые гипертексты.

Навыки, которые вырабатываются в практиках чтения, закрепляются и совершенствуются по мере их использования. В практиках чтения формируются и совершенствуются навыки отбора, критической оценки, интерпретации текстов, а также мультимедийные информационные компетенции, такие как: умение распознавать тексты разной природы, комбинировать их в мультимедийном суперхайвее и т.д. В практиках чтения формируются навыки организации досуга на основе полученной в процессе чтения информации: планирования, финансирования и осуществления досуговых практики. В процессе практики чтения художественной литературы формируется навык смыслового кодирования и де-кодирования считываемой информации, переживания смысла произведения как события внутреннего мира личности читателя, переосмысление ценности книги как монумента духовным событиям чтения.

Практические задачи чтения: получение новой информации, осуществление профессиональных операций, организация досуга и развлечений оказывается неизбежно связанным с расширением возможностей личности, совершенствованием личности, в пределе – освоением новых экзистенциальных ценностей.

Внутреннее содержание культурных практик постграмотного чтения определяется ценностями, формирующимися в процессе освоения современных текстов, идентичностями, которые формируются у читателей, многообразием форм самоопределения личности, осуществляемого читателями в процессе чтения, множественностью форм художественного общения, осуществляемого

между автором – текстом – читателем в постграмотном чтении, а также спецификой авторской интонации в современных произведениях интернет-литературы.

Также выявлено, что в современных практиках чтения разные техники и способы чтения не противоречат друг другу, а сосуществуют по принципу дополнительности и образуют подвижную, сложную и развивающуюся систему чтения. Современная система чтения как система практик вбирает в себя все возможные исторические модификации чтения: грамотное и мультимедийно грамотное чтение, а также все синхронно существующие варианты чтения (книжное чтение, экранное чтение и аудиочтение). Социальный эффект, который производит данное разнообразие состоит в дополнительной стратификации общества по уровню владения информационно-медийной грамотностью. Возникают группы, состоящие из людей, владеющих всеми исторически сложившимися типами грамотности и чтения, и группы, где люди владеют только традиционной грамотностью.

Таким образом, методология исследования практик позволяет объяснить чтение как сложноорганизованную систему, особым образом выполняющую социально-организующую функцию культуры.

2.3.

Социально-организующая функция культурных практик постграмотного чтения

Данный раздел решает задачу анализа *социально-организующей функции практик* постграмотного чтения: преобразования ценностей, изменения идентичностей и порождения многообразия способов самоопределения, формирования множественности форм общения, создания новых институций в современной культуре. Концептуально он опирается, с одной стороны, на представление о *социально-организующей* (формирующей «социальность» во всех ее аспектах) *функции культуры* и, соответственно, чтения как феномена культуры, а с другой – на *«раскрывающую» функцию практик* (П. Бурдье), их способность проявить то, что побуждает читателя читать, каким образом формируется читательская идентичность, каким образом разные субъектности вступают в диалог друг с другом в процессе чтения, как трансформируется читательское сообщество. Основным методом является сравнительный анализ современных практик чтения с традиционными практиками чтения классической литературы и женских журналов. Практики чтения и их социально-организующая функция анализируются в исторической ретроспективе от чтения произведений классической литературы XIX века к чтению новых мультимедийных текстов современной культуры: блоги, социальные сети и другое.

2.3.1.

Новые ценности, формируемые чтением полиморфных текстов

Когда современные европейские ученые рассуждают о становлении постграмотности и полиморфных текстов в современной культуре, они указывают, что в становлении этих основ социально-коммуникативной системы современного чтения решающую роль сыграли два факта: один, лежащий в сфере

научной теории – это учение о деконструкции Жака Деррида, и другой – из сферы социальной практики – это феминизм и феминистские практики письма и чтения, идеологом которых выступила Ю. Кристева. И Деррида, и Кристева выступили с критикой не только языковых оппозиций в культуре и властных отношений, которые диктует язык, но и с критикой логоцентризма, являющегося одним из наиболее ярких воплощений патриархатного мироустройства. Наиболее важным результатом феминистской критики стало признание других форм языка помимо вербального, а также рождение полиморфных текстов, созданных на основе смешения разных языков культуры³³⁶. Эти метаморфозы, как мы наблюдаем, изменили не только мир чтения, но и представления о ценностях, воплощенных в современных полиморфных, постграмотных текстах.

Весь неофеминизм середины XX века исходил из признания патриархатной структуры западного общества и его критики. Критика традиционного западного мышления в феминистском структурализме осуществлялась через выявление наиболее характерных для него бинарных оппозиций и их анализа с точки зрения иерархической структуры каждой из них. Это обстоятельство фиксировали все структуралисты, но особенно подчеркивал Ж. Бодрийяр: процесс обозначения указанных оппозиций мышления переходит в процесс дискриминации терминов и в установление иерархических отношений внутри каждой пары. И Деррида, и Бодрийяр при этом исходили из факта, давно подмеченного лингвистами. Например, в оппозиции «мужчина – женщина» немаркированной категорией обычно бывает мужчина, а в оппозиции «взрослый – ребенок» – взрослый. Это правило действует и при соотнесении разных социальных идентичностей: представителям «высшей», немаркированной категории приписывается большая степень свободы и индивидуальной вариабельности поведения»³³⁷.

Осмысляя сложившуюся социальную практику, «Деррида решительно выступил против односторонней оценки положительного термина в паре и

³³⁶ Kress G., Leite-Garcia R., Theo van Leeuwen. Discourse Semiotics // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London, 1997. Vol. 1. P. 257-291.

³³⁷ Некрасов С.Н., Возилкин И.В. Жизненные сценарии женщин и сексуальность. Свердловск, 1991. С. 19.

выдвинул принцип деконструкции пар в качестве средства разоблачения неравенства понятий, на которых построены вся европейская культура, западное мышление и либералистская политическая система. Он настаивает на поиске общей нейтральной, хотя и скрытой предпосылки терминов, задающей тип социального господства и подчинения. Особо отметим, что подчинение реализуется посредством языкового господства, то есть вместо традиционных представлений о языковых выражениях власти («дискурсии власти») обнаруживается новое поле идей, позволяющих увидеть власть языка («власть дискурсии»)»³³⁸.

Об условности деления людей на два пола при помощи средств языка писали также Ж. Делез и Ф. Гваттари, рассуждая об условности желаний и сексуальности, и призывали к уничтожению основной оппозиции «мужской – женский» путем перехода к «молекулярному распределению» полов среди индивидов»³³⁹. Ж. Бодрийяр предлагал другую стратегию деконструкции гендерных оппозиций в понятиях соблазн и обольщение. «В терминах игры, вызова, агонистических дуальных отношений и стратегии видимостей: в терминах обольщения и соблазнительной обратимости взамен структуры и различительных оппозиций, — ...женское уже не противостоит мужскому, но соблазняет его»³⁴⁰.

Все эти стратегии предлагали «десексуализацию» общества в качестве ведущего условия ликвидации социального угнетения, поскольку самыми ранними формами угнетения они рассматривают угнетение женщины мужчиной и ребенка его родителями. Эти формы, по мнению исследователей, сохраняются и проявляются на протяжении всей истории европейской культуры вплоть до наших дней, когда современность находится под гнетом «великого прошлого» и «традиции»³⁴¹. Одним из проявлений мужского доминирования явилось отрицание в западной культуре эмоционального «женского» языка и «женских» текстов.

³³⁸ Некрасов С.Н., Возилкин И.В. Указ. соч. С.19.

³³⁹ См.: Делез Ж, Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

³⁴⁰ См.: Бодрийяр Ж. Соблазн. Москва, 2000. С.35.

³⁴¹ См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч.

Начавшаяся во Франции работами Юлии Кристевой, Люси Иригарэ, Элен Сиксу борьба за «женский» язык средствами психоаналитической лингвистики была борьбой женщин-интеллектуалок с властью мужчин и «мужского» эксплицитного высказывания за права имплицитного поэтического, мистического, магического, безумного и сакрального языка. Конструируя новый языковой порядок, французские феминистки пытались создать новые «контр-модели», «контр-общества» и «контр-власти», осуществить ритуальную культурно-лингвистическую инверсию, при которой сами языковые дискурсивные процедуры и формулы становились практиками властного языкового сопротивления и организации нового смыслового порядка: давать ребенку фамилию матери, мужу брать фамилию супруги, вести финансовые и наследственные дела от имени матери и т.д.

Пафос концепции «женского языка», развиваемой классиками французского постструктуралистского феминизма, состоял в том, чтобы освободить женщину от объектности, сложившейся в мужской патриархатной культуре. «Женщины остаются объектами восприятия и интерпретации, источником производства метафор и образов, необходимых для производства дискурса, пригодных для произношения, но отделенных от позиции производящих субъектов. Говорить же как женщина, по словам Иригарэ, – значит отрицать монологизм дискурсивной доминации»³⁴².

С точки зрения французского постструктурализма, язык потому не выражает реальный мир, хотя имеет к этому интенцию, поскольку его возможности ограничены мужскими, рационалистичными моделями языка. «Язык, который рассматривает себя как полностью переводимый, способный к формализации в терминах логики в форме аксиом, дедукций, заключений, теорем, стремящийся свести множество значений к одному, ... сведен к

---

³⁴² Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. Санкт-Петербург, 2007. С. 139.

манипулирующему контролю “знающего субъекта” и является языком, лишенным всякой игры и удовольствий»³⁴³.

Между тем, утверждают классики феминистского постструктурализма, языковая реальность конструируется всеми говорящими, пишущими, читающими субъектами, и потому имеет право быть признанной полисубъектностью языка, и в том числе право на женский способ высказывания, речи и письма.

В 70-е годы XX века Юлия Кристева развила теорию женских способов означивания мира, названных ею семиотическими, в отличие от символических, производимых специфической мужской либидозной энергией³⁴⁴. Интертекстуальность современного человека, по мнению Кристевой, происходит из того, что каждый из отдельно взятых мужчин или женщин является миру как самостоятельный текст. Ю. Кристева трактует образованный взаимодействием мужской и женской энергии мир как интертекст. Интертекстом является создаваемая мужчиной и женщиной семья, интертекстуальное взаимодействие порождает определенный дизайн интерьера в том доме, где эта семья проживает, генетическим интертекстом является уникальный генетический код ребенка, становящийся во взаимопроникновении материнских и отцовских генов, и т. д. Мужское и женское как два различных текста составляют две стороны единого знако- и смыслообразующего процесса.

Для Кристевой женское осмысление мира является самым способом существования языка – интуитивным, основанным на темпо-ритмических интонационных движениях, подавленным и скрытым, имплицитным, но доступным как для авторов-женщин, так и для авторов-мужчин³⁴⁵.

В теории женского «означивания» Ю. Кристевой подсознание воплощается во внутренней речи, а потому структуры подсознания тождественны структурам языка. Процесс соотнесения предмета со своим знаком и значением становится

³⁴³ Там же. С.140.

³⁴⁴ Кристева Ю. Изоляция, идентичность, опасность, культура // Вестник Европы. 2005. № 15. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/kri26.html>

³⁴⁵ Кристева Ю. Полилог. Киев, 2004. С.21.

процессом, регулируемым не деятельностью сознания, а на основе ритмической структуры высказывания – особого «семиотического ритма», который регулируется бессознательными импульсами и ограничивается жесткими рамками, традиционной логикой констант и пределов. Поскольку сам процесс смысло- и знакопорождения у Кристевой оказывается ритмической пульсацией, «означиванием», то результатом его является застывающая в «стазах» энергия либидо, которая отныне представляет собой «неэкспрессивную целостность, конструируемую этими импульсами в некую постоянную мобильность, одновременно подвижную и регламентируемую»³⁴⁶.

Как пишет И. Ильин, «из всех постструктуралистов Кристева предприняла попытку дальше всех заглянуть «по ту сторону» языка – выявить тот “до-вербальный” уровень существования человека, где безраздельно господствует царство бессознательного, и вскрыть его механику, понять те процессы, которые в нем происходят»³⁴⁷.

«Означивание», понимаемое как пульсация смысла, проступающего в предмете, ведет к тому, что смысл овеществляется, а живой, пульсирующий ритм наделяет предмет и знак характером живой плоти. Текст становится в этом случае «эротическим телом», в котором господствует энергия либидо. Поскольку смысл не предзадан предмету заранее, не существует «вне и до» процесса «означивания», то соотношение означаемого и означающего проходит каждый раз свое становление заново и каждый субъект высказывания формирует свой собственный язык и свою собственную логику высказывания и смысла. Как пишет Ю. Кристева, «единственная позитивность, приемлемая в современную эпоху – это увеличение количества языков, логик, различных сил воздействия»³⁴⁸.

Теория двух типов означения (символического и семиотического) и придания миру смысла позволяет Ю. Кристевой полностью порвать с упованием на биологические основания человеческой субъективности. В этой теории

³⁴⁶ Кристева Ю. Указ. соч. С.23.

³⁴⁷ Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва, 1996. С.133.

³⁴⁸ Кристева Ю. Указ.соч.

женское отождествляется с иррациональным (хотя женское не относится лишь к женщине), пралогическим. Иррациональное становится, таким образом, привилегированным компонентом языка, его праэлементом. Ю. Кристева формулирует свой проект освобождения подавленного аспекта языка так: «Переоценка различия, в особенности сексуального различия; признание и исследование бессознательного; переоткрытие тела; принятие во внимание социальной и исторической ситуации; внимание к перспективе изменения работы над языком и литературными формами; изобретение новых ценностей (другой чувственности, другой любви, другой этики)³⁴⁹».

Способом воссоздания целостности индивида Ю. Кристева называет символическую функцию воображения, которая сама есть не что иное, как фикция, но она позволяет субъекту осознать свою воображаемую причастность некоей социальной общности, найти общие символы и ритуалы, в которых воображаемая общность закрепляется, осознается и становится. Таким образом, в философии феминистского постструктурализма Ю. Кристевой обосновывается необходимость воображаемого женского сообщества как способа становления идентичности субъекта, в процессе взаимодействия с которым происходит становление женщины женщиной, а мужчины – мужчиной, когда один идентифицирует предлагаемые сообществом смыслы как «более свои», а другой отрицает как «скорее чужие».

Принятие феминистским постструктурализмом как реализма, так и деконструкционного письма, собственного женского письма и женского языка составляет современную практику постфеминизма, находит яркое воплощение в жизни воображаемых сообществ читательниц и создательниц женских глянцевого журналов.

Одним из наиболее полных воплощений концепции женского языка и женского письма, не-сетевых полиморфных гипертекстов является глянцевого женский журнал. Сам журнал, как предмет страсти и соблазна, предмет желаний,

---

³⁴⁹Некрасов С.Н., Возилкин И.В. Указ.соч. С.31.

является тем текстом, который выполняет функции сексуального аттрактора, несет в себе «эрос текста», в то же время он осуществляет деконструкцию культурных языковых оппозиций, преодолевает различия между противоположностями, а также создает текст журнала, синтетическим образом смешивая вербальный и визуальный языки.

Женские модные журналы в смысле преодоления бинарных оппозиций культуры оказываются гораздо демократичнее своих мужских аналогов. Для женских журналов в паре «Запад – Восток», «Европа – Азия» равны оба члена оппозиции, поскольку европейская мода все чаще предлагает белой женщине игру в Восток, а женщинам развивающихся стран – традиционный европейский стиль. Так журнал ELLE на своих соседних страницах сначала предлагает коллекцию под названием «Принцесса Нури», а затем «Англомания»³⁵⁰. В таком же ключе женские журналы рассматривают оппозицию «взрослый – ребенок», «мужское – женское». Так журнал *Cosmopolitan* предлагает не противопоставлять члены оппозиции, а искать один в другом, в частности мужское в женском: «Мужчина в тебе. Найти и полюбить» или «Мое мужское Я (Как у мужчин = все не как у людей?)»³⁵¹.

Примеры такой деконструкции понятий можно найти во множестве и в современных fashion-изданиях, к примеру, *Vogue*. Рекламируя свободный унисекс-стиль женской одежды, журнал проводит деконструкцию таких традиционно мужских патриархальных понятий, воплощающих мужественность, силу и властность, как «охотники» и «рыбаки». В рубрике «Выбор *Vogue*» в качестве охотников рассматриваются женщины. Женщинам – охотникам предлагаются «замша и кожа, мех и вельвет – главные трофеи этого сезона. Дизайнеры пробуждают в нас охотничьи инстинкты, и мы готовы пуститься на поиски модных вещей»³⁵².

³⁵⁰ Принцесса Нури, Англомания // ELLE. 2002. № 9. С. 301-315.

³⁵¹ Мое мужское Я (Как у мужчин = все не как у людей?) // *Cosmopolitan*. 2004. № 5. С.148-151.

³⁵² Выбор *Vogue*. Охотники. // *Vogue*. 2005. № 2. С.41.

Такие деконструкционные действия модного журнала остаются, как правило, не замеченными обывателями, но тем не менее они осуществляют смену властных коннотаций в приведенных выше понятиях. Отныне женщины становятся охотниками за мужчинами и за женским счастьем, и это они становятся рыбаками, каждый из которых мечтает о «золотой рыбке» и исполнении всех желаний. Мужчины в такой языковой ситуации становятся выслеживаемыми и преследуемыми жертвами – дичью, более или менее богатыми трофеями, большим или маленьким, удачным или не очень уловом.

Таким образом, полиморфные постграмотные тексты женских гляцевых журналов, осуществляя практику деконструкции бинарных оппозиций в культуре (мужское – женское, вербальное – визуальное, монохромное – полихромное, мономорфное – полиморфное), преодолевают привычную традиционную систему патриархатных ценностей (монологизма, вербального языка и рациональности) и прививают новые ценности: эмансипации, полиморфности и интертекстуальности.

2.3.2.

Идентичности, формируемые в процессе постграмотного чтения

Социокультурные информационные общности, в процессе жизни которых формируется определенная коллективная идентичность, привлекают внимание ученых от М. Маклюэна и до наших дней. В настоящее время в связи с

усложнением социальной реальности, развитием информационного потребительского общества и социокультурных коммуникаций происходит усложнение механизмов социализации и социальной идентификации. В жизни социума происходит постоянный процесс формирования многообразных социокультурных общностей, объединенных способом получения, обработки и передачи информации. Это общности людей, возникающие вокруг современных медиа: сообщество читателей прессы, радиослушателей, телезрителей, Интернет-сообщество.

Рассмотрим, каким образом и почему наряду с сообществами любителей книг и телезрителей возникают Интернет-сообщества читателей блогов, друзей в Социальных сетях, участников форумов, посмотрим на эти установленные социологические факты с культурологической точки зрения, и в частности, сделаем это с опорой на теорию «текучей современности» З. Баумана. Здесь, как представляется, можно обнаружить несколько решающих доводов, для объяснения того, почему для конструирования собственной идентичности современные молодые люди постоянно находятся в виртуальной реальности Интернета.

Классическое книжное чтение – одна из наиболее важных примет старого, фордистского мира. Этот мир, по З. Бауману, был «миром авторитетов: лидеров, знающих все лучше остальных, и учителей, указывающих вам, как лучше делать то, что вы делаете»³⁵³. Этот мир авторитетов, учительства и наставничества мы могли бы назвать миром классической книжной культуры и культуры чтения, где в сфере литературы авторитет принадлежал автору-писателю, а наставничество и учительство и одновременно ученичество осуществлялось в форме чтения – интерсубъективного ментального взаимодействия посредством художественного текста, через который авторы-писатели сообщали о том, как они считали, надо жить, а читатели вычитывали эти наставления и поучения, откуда в классическом русском реализме XIX века даже возникло представление о том, что «книга – это

---

³⁵³ Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург, 2008. С. 71.

учебник жизни». Все это укладывалось в просветительскую парадигму существования литературы и чтения.

Классическая литература отличалась наставительно-монологическим характером повествования, и первый, кто рискнул разрушить эту традицию в русской литературе – основоположник идеологического, полифонического, экзистенциального романа Ф.М. Достоевский – оказывается и основоположником русской модернистской литературы, и одним из немногих писателей XIX века, «современным» и читаемым в наши дни.

Перечисляя отличительные черты современности, З.Бауман отмечает, что «современность заменяет гетерономное определение социального положения обязательным самоопределением»³⁵⁴. Одним из первых литературных произведений, воплотившим эту социальную коллизию, был роман Ф.М. Достоевского «Идиот», а героем, который одним из первых попробовал осуществить самоопределение хотя бы и в рамках заданного социального положения, был князь Мышкин. Несмотря на то, что, по словам З.Баумана, необходимость самоопределения вместо занятия определенного социального положения, «разделяет соседние поколения людей так же, как различные категории личностей в течение одного исторического периода»³⁵⁵, интерес к чтению, перечтению и современным формам визуализации чтения – экранизациям романов Ф.М. Достоевского и в первую очередь, «Идиота» – сохраняется. Очевидно, что первый опыт социального самоопределения предшественников является для наших современников хотя и утратившим операциональную актуальность, но сохранившим важность и интересность духовно-содержательной стороны дела.

Актуальность произведений Ф.М. Достоевского для мира современного чтения подчеркивает, что если в монологической книжной культуре писатель авторитетно повествовал о том, как протекает жизнь и какие способы

---

³⁵⁴ Бауман З. Указ.соч. С. 39.

³⁵⁵ Там же. С.40 .

самоопределения и самоидентификации возможны, то с определенного момента в истории литературы и чтения читатели стали отдавать предпочтение чтению не монолога авторитета о том, как нужно жить, а чтению-пониманию и чтению-проживанию полифонического многообразия проявлений жизни в одной и той же жизненной ситуации, рассматривать, визуально воспринимать примеры решения жизненных проблем в современном «текущем» мире, анализировать допущенные ошибки и отмечать положительные и полезные примеры и действия.

Такой интерес к полифоническому, свободному повествованию, по мнению З. Баумана, определяется характером стоящих перед современным человеком жизненных проблем – «природа их такова, что они могут быть решены только самим человеком, вопрошающие нуждаются (или думают, что нуждаются) в примере, как другие люди решают подобные проблемы»³⁵⁶ и они хотят, чтобы этот пример был наглядным. Нужно отметить, что эти идеи З.Баумана очень близки объяснительным идеям М.М. Бахтина, который связывал полифоническую форму романов Ф.М. Достоевского с «динамическим» характером социальной реальности конца XIX века. Процессы преодоления устоявшихся форм существования старого мира классической культуры глубинным образом затронули способы существования авторитетов: полифонический взамен монологического.

В XX веке возникают новые средства и возможности трансляции социального опыта. Одним из важнейших средств идентификации в информационной культуре потребительского общества являются глянцевые журналы, вокруг которых формируются воображаемые читательские сообщества. Они отличаются тем, что получают информацию традиционным образом, однако в процессе чтения конструируют социальную идентичность новыми модернизационными способами.

Читатели глянцевого журнала – это специфическое сообщество, члены которого – действующие индивиды – живут в мире повседневности, но

---

³⁵⁶ Бауман З. Указ. соч. С.73.

воспринимают ее сквозь призму журнального хронотопа и особого «глянцево-гламурного» сознания, действенным образом участвуют в становлении модернизационных способов идентичности.

Современные глянцевые журналы предлагают три формы коллективного самоопределения читателей. Первой формой принято считать социализацию³⁵⁷. В процессе чтения и разглядывания глянцевых журналов действующий индивид принимает формы и стандарты функционирования социальной системы. Сообщество читателей осваивает предлагаемый журналами язык и новый властный дискурс языка, непосредственно в языковой деятельности забывает былые ценности и перекодирует жизненные смыслы. В процессе социализации индивид воспринимает журнальную информацию как истину и руководствуется ею на практике в своей реальной жизни. Но сам характер информации принципиально нов – это не столько вербальный текст, сколько гламурные фото. Вместе с обновлением тезауруса языка происходит деконструкция обыденного языкового образа мира. Посредством гламурных фотофактов социальная реальность лишается характерных для нее визуальных оппозиций и принимает дискурсивно-идиллический облик. В результате происходит радикальная трансформация не только способа речевого высказывания и построения языковой картины мира, но и трансформация визуальной картины мира, что приводит к существенной модернизации сознания в целом. Изменение типа мировосприятия, предлагаемого журналами, от восприятия логоцентрического, формирующего приверженность коллективу к визуальному типу восприятия, формирующему установку на индивидуализм и личное достижение, от патриархально-сакрального к визуально-цивилизованному, происходит в процессе бессознательного перехода от чтения к разглядыванию журналов. Степень совершенства своего жизненного мира и организации своей повседневности такой член читательского сообщества оценивает путем сравнения повседневной реальности и ее гламурного визуализированного идеала.

---

³⁵⁷ Трубина Е. Г. Идентичность персональная // Современный философский словарь. Москва, 2004. С. 254-261.

Социализация личности в данном случае является условием адаптации к процессуально-изменчивым условиям бытия общества и трансформациям прежде всего в способах передачи социокультурной информации; здесь личность осваивает новые способы получения социально-значимой информации, ее интерпретации и перевода с уровня знания на уровень действия. Идентификация происходит в спектре от патриархально логоцентрической до цивилизационно-визуальной личности.

Ценностный сдвиг, происходящий при этом, достаточно ощутим: в логоцентрической культуре наглядно-иллюстративный способ получения информации объявляется наименее значимым, вспомогательным, вторичным, так как обращается к дологическим конкретно-чувственным формам освоения реальности, а потому признается атрибутом становящегося детского сознания, поэтому в советской культуре иллюстрированные журналы издаются или для детей («Веселые картинки», «Мурзилка», «Пионер», Костер»), или для «загнивающего Запада» («Советский Союз» или «Советская женщина»). В цивилизационно-визуальной культуре, наоборот, вторичным является вербальный, рациональный способ передачи социальной информации. Журнальные сообщения сочетают наглядные визуальные факты реальности с комментариями, в результате чего языковое высказывание принимает форму реплики, становится пралогическим «женским» письмом.

С другой стороны, сообщество читателей в процессе чтения не только осваивает способ трансляции социокультурной информации, язык и идеи журналов, но и находит в этих изданиях способы и формы культурной репрезентации своих предрассудков, верований, представлений, идей и идеологий, мифов, определяющих социальное поведение.

Современные гляцевые журналы осуществляют эту миссию посредством сочетания вербальных текстов, воплощенных в мужском эксплицитном языке и полиморфных текстов, созданных при помощи женских языковых средств (вербальных и визуальных, тактильно-сенсорных). Все это материализует метафоры Ю. Кристевой и Р. Барта «текста как эротического тела», когда текст

строится по законам соблазна, реализует принцип эротики текста и притягивает к себе читателей.

Глянцевые журналы формируют вокруг себя воображаемые сообщества людей, обладающих вариативным бессознательным, и каждой из общностей они позволяют воплотить свое бессознательное на до-рефлексивном, доязыковом, пралогическом уровне изобразительно-выразительного и вербального воплощения. Каждое из воображаемых сообществ формирует свой язык, через особо активных читателей формируя содержательное наполнение журнала, участвуя в формировании спроса на определенные разделы и рубрики, выбирая определенные акции журнала для участия в их реализации, вступая в корреспондентское сотрудничество с журналом. Такой способ социального взаимодействия с журналом и построения коллективной идентичности на основе воплощения коллективного бессознательного читателей мы называем самореализацией читателей.

Наконец, третья форма предлагаемой журналами идентификации читателей – это конструирование социальности. Внутри воображаемого сообщества оно происходит в процессе едино-противоречивого взаимодействия между «Я» и «НЕ-Я» индивида. Реализуя мироустроительные проекты в хронотопе глянцевого журнала, его создатели и читатели решают одновременно обе взаимосвязанные задачи: они утверждают свое коллективное и индивидуальное «Я», отрицают «НЕ-Я» и в то же самое время проектируют свое «не только Я».

Хронотоп глянцевого журнала позволяет читателям прийти к самоидентификации как раз в точке радикального несовпадения личностного «Я» с самим собой. Потому что между «Я» и «НЕ-Я» индивида и читательского сообщества располагается журнал как знаково-символический ресурс культуры, где мир одновременно представлен и как в газете (событие и дата), и как в романе (полифоническое повествование – *Life Still & Life Story*), в котором действующий индивид дан себе не в собственной телесной обусловленности, а в надличностной ценностно-смысловой значимости. Перекрестный хронотоп глянцевого журнала позволяет читателям понять и обрести себя через столкновение с текстами,

созданными другими авторами (писателями, журналистами, специалистами-консультантами) и самим собой (письма читателей), что создает ситуацию гипертекста. В журнальном тексте, объединяющем газетный и романский хронотоп, читатели и читательское сообщество в целом и индивидуализируются, находят свою особость и необычность, и идентифицируются, то есть обнаруживают себя как субъекта социального действия.

Следовательно, хронотоп глянцевого журнала, в котором находят отражение все три типа личностного самоопределения человека позволяет одним читателям адаптироваться к изменяющимся социальным условиям трансляции социокультурной информации – осуществить процесс социализации или ресоциализации, другим читателям позволяет достичь самореализации в разнообразных творческих стремлениях, воплощающих коллективное бессознательное современного человека; наконец, третьим позволяет осуществить процесс конструирования личности, обрести ценностную социальную устойчивость в ситуации децентрированной субъективности между «Я» и «не только Я» личности.

Все это радикальным образом отличается от традиционных способов идентификации читательского сообщества в рамках логоцентрической культуры и преимущественно художественно-публицистических и общественно-просветительских журналов, где главными механизмами идентификации была социализация через слово, журнал эксплицировал идеи в сознание, социальность конструировалась в форме взаимодействия целостно-монолитных едино-непротиворечивых личностей.

Как пишет З. Бауман, современная ситуация делает индивидуализацию неизбежной «судьбой, а не предметом выбора»³⁵⁸. Поэтому современный человек вынужден обращаться к тем средствам идентификации и индивидуализации, которые гарантируют ему наиболее простой и быстрый, то есть эффективный способ выполнения этих процедур. В ситуации мобильного Интернет-чтения –

---

³⁵⁸Бауман З. Указ. соч. С. 41.

это, безусловно, социальные сети, сами имеющие ориентацию на определенные наиболее предпочтительные способы идентификации. Например, «Одноклассники.ru» ориентированы прежде всего на идентификацию через членство в социальных группах, объединяющих учащихся или выпускников определенных образовательных учреждений; «В контакте» – наиболее востребованная молодежная социальная сеть, где есть объединения и по принципу образования, и по принципу хобби, и по признаку профессии и т.д., и где участник может идентифицироваться как член сразу нескольких виртуальных социальных общностей; «Facebook» – международная социальная сеть интеллектуалов, где также разнообразны группы и общности, но это наиболее простой в техническом отношении путь в престижное интеллектуальное сообщество и т.д. Активное общение в социальных сетях делает человека включенным и деятельным участником той или иной авторитетной для него социальной общности. Поэтому постоянное присутствие в социальных сетях становится для многих насущной жизненной потребностью, которую тем легче осуществить, чем более «продвинутым» гаджетом с прямым выходом в социальные сети пользуется человек. Прямой доступ к социальным сетям реализуется человеком в процессе мобильного чтения. Несмотря на специфическую технику чтения с гаджета, мобильное чтение в социальных сетях, а также оставленные там «посты» и «комменты», размещенные заметки, оценки, фотографии и карты являются не только средством самоидентификации, но и средством индивидуализации человека.

Индивидуализация человека, по словам З. Баумана, является очень сложной задачей: «в отсутствие высшего ведомства...вопрос целей снова становится открытым и обречен быть причиной бесконечных мучений и источником значительных сомнений, подрывая уверенность в себе и порождая нервирующее чувство неослабленной нерешительности и, следовательно, состояние постоянной тревоги»³⁵⁹. Незнание жизненных целей и попытки определить их могли бы стать

---

³⁵⁹ Бауман З. Указ. соч. С. 68.

решающим поводом к чтению художественной литературы, если бы цели можно было копировать, заимствовать, ставить их в общем виде как это было в истории культуры: «прожить долгую жизнь», «вырастить детей и построить дом», «совершить подвиг», «служить Богу» и т.д. Современные читатели для решения задачи идентификации идут в Социальные сети, которые предлагают для выполнения этой задачи простые алгоритмизированные действия: выбор имени (ника), выбор визуального образа (аватара), краткое самописание, постановка индивидуальных целей на определенный период времени, формирование индивидуальных предпочтений, выработка уникально-личностных индивидуальных ценностей и т.д. является

Однако, как пишет З. Бауман, для успешной индивидуализации в условиях «текучей» современности люди «сначала должны понять, что, собственно, могут делать, затем довести эту способность до совершенства и выбирать цели, к которым эта способность может быть применена наиболее эффективно, чтобы в результате получить наибольшее мыслимое удовлетворение. Именно человек приручает неожиданное, делая его развлечением»³⁶⁰. В такой ситуации проба самого себя не может быть мысленной, она должна всякий раз быть деятельностной. Чтение будет деятельностью выбора только в том случае, если человек действительно умеет читать, выполнять все интеллектуальные процедуры, предполагаемые мобильным чтением в социальных сетях, и делать это наилучшим образом. В таком случае мы получаем ситуацию массового и постоянного активного чтения-присутствия в социальном сообществе, чтения, которое постоянно должно подтверждаться действиями в виде сетевых оценок – «лайков», комментариев – «комментов», сообщений – «постов», и их перепубликаций – «перепостов».

Однако независимо от того, что читает современный человек: полифоническую классику, гляцевые журналы или информацию в социальных

---

³⁶⁰ Там же. С.70.

Сетях – чтение остается в условиях «текущей современности» основной практикой самоопределения и индивидуализации личности.

2.3.3.

Множественность форм художественного общения в современном постграмотном чтении

Современное чтение – это не только разные цели, техники и читательские идентичности, формируемые в процессе чтения, но и разные формы художественного общения, становящиеся в процессе непосредственного взаимодействия читателя с классическим, модернистским или современным мультимедийным текстом. Рассмотрим последовательно, как изменяется форма художественного общения в зависимости от потребностей читателя в самоопределении.

Одной из примет наставительного общения в классическом книжном чтении является попытка писателей стать наставниками не только в литературе, но и в жизни. Как пишет Е. К. Созина, Н. Г. Чернышевский на полном серьезе вынес в заглавие своего романа вопрос «Что делать?»: «Он действительно рассчитывал, что сумеет одним романом дать исчерпывающий набор ответов»³⁶¹. Как пишет другая исследовательница творчества Н.Г. Чернышевского И. Паперно, рецептурность и легкость воплощения рецептов в жизнь молодого провинциального разночинного интеллигента сделали этот роман культовым среди молодежи конца XIX века, а автора наделили авторитетом, сравнимым с

---

³⁶¹ Созина Е.К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург, 2001. С.295.

авторитетом духовника или монарха, что и стало причиной преследования писателя со стороны властей и заточения его в Петропавловскую крепость³⁶².

Наставительно-монологический характер повествования можно также рассмотреть на примере других романов авторов натуральной школы – «Кто виноват?» А.И. Герцена и «Обыкновенной истории» А. Гончарова. Монологизм данных произведений состоит, по мнению В.М. Маркович, в том, что «предметы изображения не обладают независимым, завершенным “в себе” художественным бытием. <...>Поэтому здесь не может сложиться всецело саморазвивающийся художественный мир, в котором растворилось бы авторское “я”, составляющее его скрытую подоснову. Прямая авторская активность (аналитическая, публицистическая, лирическая) все время нарушает жизнеподобную самодостаточность этого мира, вырываясь за его пределы, превращаясь в особую, свободную стихию, обладающую по отношению к нему всеми признаками “внеаходимости”»³⁶³. Как стремится показать в своем исследовании художественного сознания А. Герцена Е. К. Созина, «эта “прямая авторская активность” выражает себя не только в многообразных воплощениях в тексте авторской позиции, но и в формулировке в самом нарративе развернутой системы мотивировок, благодаря которым создается “искусственное правдоподобие” повествования»³⁶⁴.

Как пишет исследователь автобиографических текстов русской прозы Н.А. Николина, в структуру любых текстов всегда входит адресат, который может быть представлен и «конкретным биографическим реципиентом, соотносящимся с конкретным автором, и абстрактным образом читателя – современником или чаще – потомком, и неким имплицитным читателем, образ которого создается по мере развертывания текста»³⁶⁵. Наличие адресата предполагает в автобиографической прозе обязательное прямое или косвенное обращение к нему.

³⁶² См.: Паперно И. Н.Г. Чернышевский – человек эпохи реализма. Москва, 1996.

³⁶³ Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30-50-е годы). Ленинград, 1982. С. 108.

³⁶⁴ Созина Е.К. Указ. соч. С. 296.

³⁶⁵ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. Москва, 2002. С. 158.

В романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» это не только внутритекстовые обращения, но и вынесенный в заглавие вопрос. Однако, как делает вывод Е.К. Созина, «на предложенный автором вопрос может быть столько ответов, что тем самым становится под сомнение правомерность самого вопроса». И этот текст, и текст романа Н. Г. Чернышевского с заглавным вопросом «Что делать?», по мнению Е.К. Созиной, свидетельствуют о некоей «”несознательности”», “нерефлексивности” их, о неосознаваемом культурой отсутствии промежутка между сознанием и жизнью – их *a priori* подразумеваемого дуализма, или дистанционности»³⁶⁶.

Процессы преодоления устоявшихся форм существования старого мира классической культуры глубинным образом затронули не только способы существования авторитетов (полифонический взамен монологического), но и формы художественного общения. Классическое художественное чтение – это квазиобщение, которое расширяет мир квазиперсонажей, по словам М. С. Кагана³⁶⁷. Преимущество художественного чтения перед чтением других источников информации состоит в том, что это художественное общение. Художественное общение устанавливает долговременные диалогические отношения, формирует устойчивые литературные интересы и вкус. Одновременно художественное чтение не способствует установлению и постоянному обновлению мимолетных, но разнообразных социальных знакомств и отношений, как того требует «текучая» и «легкая» современность.

Более динамичной и открытой актуальным социальным проблемам современности формой художественного общения является чтение массовой литературы. Сюжеты, язык и форма произведений массовой литературы постоянно трансформируются, удерживая внимание читающей публики. Массовая литература повествует в жанровой прозе о жизни «наших современников», «наших соседей». Она дает образцы поведения в различных жизненных ситуациях. Массовая литература вырабатывает поведенческие модели,

³⁶⁶ Созина Е.К. Указ. соч. С. 295.

³⁶⁷ Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. Москва, 1988. С.244.

которым можно следовать, а можно ими пренебрегать или над ними можно посмеяться. Поведенческие модели массовой литературы обладают силой примера, а не авторитета.

Большое количество современных авторитетных литературоведов пишут, что родоначальником и ярким примером нового типа художественного диалога в массовой русской литературе XX века может быть назван С. Довлатов и его «новая автобиографическая проза»³⁶⁸. Идею рассматривать С. Довлатова в качестве автора массовой литературы, читаемого и любимого широкой публикой как в России, так и за рубежом, принадлежит А. Генису. И идея эта касается не только социологии чтения рассказов и повестей С. Довлатова, но прежде всего эстетики и поэтики его текстов, как раз позволяющих отнести его произведения к массовой литературе, а характер внутритекстового диалога к новому типу диалога, отличающего массовую литературу от классической.

Отличает прозу С. Довлатова удивительная художественная интонация. Это интонация доверительного рассказа (доверительность как черта постмодернистской прозы отмечена М. Липовецким), отшлифованного многими проговариваниями сначала в устной форме, а затем закреплённой в форме письменной. Особенность такой работы над формой отмечали многие современники и соучастники довлатовской творческой кухни, такие как А. Генис, И. Бродский и другие

Помимо рассказовости, это интонация, закреплённая в определенном ритме, когда отдельная фраза следует за ритмом поэтическим, в то же время ритм целостного текста преодолевает стихотворную ритмичность отдельной фразы. По словам А. Гениса, И. Бродский прямо утверждал, что довлатовские рассказы «написаны как стихотворения», но сам он сомневался в этом и утверждал обратное: «Скорее его рассказы появились на обратном пути от стихов к прозе. Поэзия сгущает реальность, отчего та начинает жить по своим законам, отменяющим пространство и время, структуру и иерархию. Информационная

---

³⁶⁸ Липовецкий М. Паралогии: трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. Москва, 2008. С.24.

среда уплотняется до состояния сверхпроводимости, при котором все соединяется со всем. В таком состоянии ничего не может быть случайным. Тут не может быть ошибки. Бессмысленно спрашивать, правильно ли выбрано слово. Если оно сказано, значит – верно. Довлатов не сгущал, а разрежал реальность. Лишнее в его рассказах соединяется с необходимым, как две стороны одного листа»³⁶⁹.

Интонация мягкого юмора, выявляющего и констатирующего ситуацию абсурдности бытия, в довлатовской прозе выстраивалась благодаря «взрывному сопряжению абсолютной убедительности и самодостаточности присутствия смысла и неизменной и неизбежной иллюзорности, фиктивности и абсурдности его реализации»³⁷⁰. «Смешное Сергей не выдумывал, а находил. Он обладал удивительным слухом и различал юмор отнюдь не там, где его принято искать»³⁷¹. Прежде всего, он смеялся над собой – героем рассказов и повестей, над тем, в какие ситуации попадал как герой и как «псевдо-героически» находил из них выход.

Интонация Довлатова, и на этом сходятся многие литературоведы, это интонация как раз лишенная претензии, «сословной спеси» и нравоучительности классического автора, она воплощала ситуацию самобичевания, намеренного поиска и выявления парадокса в собственном жизненном опыте. По наблюдению А. Гениса, ситуация парадокса в рассказах и повестях С. Довлатова «включала всех и исключала только одного – автора»³⁷². Вот это растворение автора в доверительном и демократичном по форме обращении к читателю тексте было сознательно искомой авторской позицией писателя по отношению к своему читателю. Кроме того, А. Генис отметил, что «Сергей любил жить среди своих героев, чтобы смотреть на них не сверху, а прямо, желательно — в лицо. Камерность нравилась Довлатову, ибо она позволяла автору смешаться с

³⁶⁹ Генис А. Довлатов и его окрестности // Иностранная литература. 1998. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/6/genis.html>

³⁷⁰³⁷⁰ Липовецкий М. Указ. соч. С. 277.

³⁷¹ Генис А. Довлатов и его окрестности // Иностранная литература. 1998. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/genis.html

³⁷² Генис А. Довлатов и его окрестности // Иностранная литература. 1998. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/6/genis.html>

персонажами... Сергей тщательно следил за тем, чтобы не стать выше читателя. Как никто другой, он понимал выигрышность такой позиции»³⁷³. В свою очередь М. Липовецкий подчеркивает, что С. Довлатов тщательно выстраивает интонацию «своего парня», соседа, старого знакомого для чего «использует собственную биографию в качестве материала для многовариантного литературного текста»³⁷⁴. Все это сделало Сергея Довлатова тем автором, о котором мы можем с уверенностью утверждать, что он показал пример новых взаимоотношений между автором и читателем и новой формы художественного диалога в чтении массовой литературы.

Вместе с тем, переход от наследования «социального положения» к «самоидентификации» и «социальному конструированию» требует от нашего современника вынужденного «присоединения» к тем социальным группам, в которых он намерен состоять, «и членство должно постоянно возобновляться, подтверждаться и проверяться в повседневном поведении»³⁷⁵. Потому чтение становится особенно востребованной практикой для социальных групп занятых самоопределением и в тех формах и сферах, где можно получить информацию об актуально существующих авторитетных социальных группах и их характеристиках. В этом случае чтение оказывается востребованным не только в художественном, книжном, пусть даже и «массовом» варианте, а в его мобильном варианте, когда предметом чтения становятся не художественные тексты, а тексты, размещаемые в социальных сетях, сетевые дневники – блоги, дискуссионные интернет-форумы.

В качестве репрезентативного примера одной из самых интересных для исследования форм современного художественного общения мы приведем блог известного писателя и медиаперсоны Татьяны Толстой.

Когда Татьяна Толстая завела свой блог в Живом Журнале в 2007 году (<http://tanyant.livejournal.com>), она так и заявляла свои намерения: «Сразу

³⁷³ Генис А. Довлатов и его окрестности // Иностранная литература. 1998. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novy_mi/1998/7/genis.html

³⁷⁴ Липовецкий М. Указ. соч. С.358.

³⁷⁵ Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург, 2008. С.40.

разочарую тех, кто рассчитывает почитать: я не буду вести дневник. <...> Я буду отвечать на некоторые вопросы приличных людей, а сама высказываться вряд ли буду. Этой потребности у меня нет. Приличные люди, обращайтесь с вопросами сюда»³⁷⁶.

Писательница Татьяна Толстая одной из первых российских интеллектуалов пришла в ЖЖ, стала очень популярным блогером-«тысячником», собирающим более тысячи читателей своих «постов» и регулярно ведет сетевой дневник до сих пор.

Популярность блога Татьяны Толстой в Сети определяется не только тем интересом, который порождает ее персона в реальной жизни, и ее многочисленные провокативные публичные высказывания, но и удачной авторской манерой общения собственно с сетевой читательской аудиторией³⁷⁷.

По своему сетевому речевому поведению Татьяна Толстая принадлежит к легко узнаваемому типу блогеров, так называемым «созерцателям-интеллигентам»³⁷⁸. Блоги таких авторов приближены к традиционной дневниковой практике письма о личном как об общественно важном.

Так, на реплику одного из собеседников о том, что в «Школе злословия» получилась замечательная серия передач с ЖЖ-тысячниками, Татьяна Толстая ответила так: «В ШЗ не было серии передач с ЖЖ-тысячниками. В ШЗ мы приглашаем тех людей, которые нам почему-либо интересны. У некоторых из них, действительно, есть ЖЖ. Еще у них есть: компьютер, мясорубка, швейная машинка, пылесос, соковыжималка, электробритва, стиральная машина, посудомойная машина, телевизор, холодильник (у некоторых два), блендер, миксер, айпод, видеоаппаратура, наушники, куча проводов со штекерами. Более подробный список тоже представляет интерес»³⁷⁹. Такой ответ характеризует

³⁷⁶ [Блог Т. Толстой]. URL: <http://tanyant.livejournal.com/983.html>

³⁷⁷ См.: Иванов В.Е. (2000) интернетИнтернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. 2000. № 2.

³⁷⁸ См.: Колесова Д.В. Речевой портрет блогера // Интернет-пространство: речевой портрет пользователя. Санкт-Петербург, 2012. С. 55-110.

³⁷⁹ [Блог Т. Толстой]. URL: <http://tanyant.livejournal.com/983.html>

блоггершу как персону с неординарной логикой, писателя, уверенно владеющего классическими приемами создания комического, и автора, относящегося к блогам как к чему-то само собою разумеющемуся, тому, что, как правило, имеет каждый приличный человек.

Блоги Татьяны Толстой структурно неоднотипны. Как автор она играет разными текстами – вербальными и визуальными. Достаточно часто Т. Толстая вывешивает фотографии в качестве провокативного высказывания, цель которого не столько высказаться, сколько завязать дискуссию, обсуждение среди читателей. Одним из самых ярких примеров типичных «женских» текстов явился пост «Скоро лето» 04.03.2008 – пляжное фото с надписью³⁸⁰. Этот пост выявил многоуровневость диалога, который ведет с читателями автор. Кто-то из читателей принял данное фото за фото самой Т. Толстой и спрашивал о том, где и когда она его сделала, какую книжку Мураками читала, советовал не портить собрание сочинений непристойными фото и т.д. Другие стали обсуждать проблемы наступающего лета: жара, пыль, обмороки. Третьи тут же обратились к обсуждению фитнеса и диет в нашей жизни. Все это показало, что современные читатели замечательно прочитывают содержание и вербальных и визуальных текстов и что в каждом случае каждый читает про себя и про свое любимое, независимо от того, про что пишет писатель. И только лишь немногие поняли данное фото как маску, за которой Т. Толстая скрылась, чтобы наблюдать за читательскими реакциями. Также по принципу фотопровокации построены многие посты 2008года: серия постов «Руины», «Найдите 10 отличий», «Еще раз о красоте» и другие. Объем текста, как правило, оптимален для чтения с экрана компьютера – вмещается в один или два экрана («скрина»).

Ранние посты затем писательница собрала в 2010 году в книгу. Ее анонс также был вывешен в виде поста с обещанием сувенира первому, нашедшему в

---

³⁸⁰ [Блог Т. Толстой]. URL: <http://tanyant.livejournal.com/8057.html>

книге опечатку³⁸¹. Это тоже игра с читателем на выигрыш, продвигающая и сам сетевой дневник, и новую книгу автора, и собственную персону как таковую.

Образ Татьяны Толстой как автора блога формируется на пересечении автокоммуникации и публичности, а потому в каждом посте выдерживается определенная дозировка автобиографичности и литературности. Нужно отметить, что степень литературности постов менялась на протяжении ведения блога. Если изначально блог существовал как непосредственный диалог читателей и писателя, где читатели задавали вопросы, а Татьяна Толстая на самые интересные старалась отвечать, то постепенно доля литературности значительно увеличилась. Сетевой дневник Татьяны Толстой позволяет писательнице поддерживать внимание к своему творчеству и своей персоне, публикуя живые отклики на события текущего дня, рецепты якобы только что приготовленного торта, забавные истории из жизни домочадцев, комические случаи из собственного зарубежного шопинга, путевые заметки и разнообразные эстетические впечатления. Посты 2014 года – сплошь новеллы, не привязанные к событиям актуальной общественной жизни.

Для своего сетевого дневника Татьяна Толстая избрала близкую ей литературную модель оформления текста постов. Каждый пост – это короткая новелла. Это, с одной стороны, позволяет сохранить в интернет-текстах свойственную автору ироническую манеру литературного письма, а с другой стороны, создавать и поддерживать ровный эмоциональный контакт с разношерстной и пестрой Интернет-аудиторией. Аппеляция к чувству юмора читателей показывает доверительную и дружескую манеру обращения к читателям. Диалог из окололитературного и общекультурного превратился в художественный посредством художественного текста.

На примере блога Т. Толстой мы видим, что блог позволяет выработать новую интерактивную модель общения между автором и читателями, сформировать из читателей авторского блога сообщество читателей

---

³⁸¹ [Блог Т. Толстой]. URL: <http://tanyant.livejournal.com/113932.html>

определенного писателя, свободно обсуждающего его сетевые и не-сетевые тексты³⁸².

Мобильное чтение – это новый постграмотный тип чтения – это чтение-присутствие в социальных сетях – это постоянное и сиюминутное интернет-общение с реальными людьми, поддержка и разделение их мнений и забот, постоянное обращение к жизненным примерам: куда пойти развлечься, где отдохнуть, куда пойти на совместное мероприятие со своей социальной группой, что можно посетить по Сети, с кем обменяться своим мнением – все это создает для виртуального участника группы иллюзию реальной включенности в многообразные и эффективные социальные связи и отношения.

Находясь постоянно в раздвоенном состоянии одновременного бытия в социальном и виртуальном мире, современный человек, по мнению З. Баумана, предпочитает закрывать глаза на специфические сложности окружающей его реальности, и сохранять всеми силами свою безмятежность. Понимание ситуации раздвоенности современного бытия является травматичным, в то время как неведение является успокоительным. Отсюда главная поведенческая установка «текучей» современности – «не беспокоить»³⁸³ и не беспокоиться. Современные читатели отказываются от тех процедур художественного общения, которые приводили бы к осознанию усложнившейся картины бытия. Современные читатели отказываются от традиционных в классической культуре процедур художественного общения, когда воображаемое общение с героем произведения оказывается диалогическим актом самопознания – сосредоточенного и уединенного классического чтения «про себя». Современные читатели предпочитают новые практики чтения-виртуального общения, из которых уходит самопознание, как самопроблематизация и самовопрошание, но утверждается чтение «про других», и утверждается виртуальная социальная общность с «другими».

³⁸² См.: Иванов В.Е. (2000) интернетИнтернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. 2000. № 2.

³⁸³ Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург, 2008. С. 50.

Следовательно, классическое чтение мы можем назвать «чтением для себя», «чтением про себя», и «общением через текст с самим собой», а современное мобильное чтение в социальных сетях мы называем «чтением для других», «чтением про других», и «общением через текст с «другими».

Мобильное чтение интернет-текстов из социальных Сетей, виртуальных сетевых дневников – блогов, переписки и полемики на форумах – это виртуальное общение с виртуальными собеседниками, которые принципиально остаются анонимными, закрытыми «никами» и «аватарами», но индексирующими социальные общности, идентификация с которыми для интернет-читателя является социально значимой и необходимой. Идентифицируясь именно с ними, интернет-читатель получает причастность к определенной социальной группе, защищенность и пищу для ума. Он познает в этом общении других, и формирует свое социальное «Я», которое репрезентирует посредством «ника», «аватара» и «комментария» о Другом.

Таким образом, мы видим, что современный читатель волен выбирать произведение для чтения в зависимости от формы художественного общения: чтение-наставление и чтение-ученичество в процессе чтения классической литературы и чтение-общение с соседями и друзьями при чтении массовой литературы и чтение-приобщение к своей социальной группе в современном мобильном сетевом взаимодействии. Каждый раз читатель выбирает то или иное произведение и форму общения в зависимости от задач самоопределения, стоящих перед личностью читателя в современной культуре.

2.3.4.

Институты постграмотного чтения: «библиотеки для других» и «библиотеки для себя»

Авторитетные социологи культуры Л. Гудков и Б. Дубин, анализируя институции традиционного книжного чтения, предлагали рассматривать библиотеки в качестве институций, организующих вокруг себя жизненный мир чтения и среди них выделять библиотеки «для себя» и «для других»³⁸⁴. Рассмотрим последовательно оба способа организации жизненного мира чтения и попробуем в результате сопоставления выявить функциональные и ценностные различия институций чтения в книжную эпоху и в эпоху постграмотности.

В качестве библиотеки «для других» рассмотрим публичную массовую библиотеку советско-российского образца и электронную Интернет-библиотеку эпохи постграмотности.

Советские библиотеки в силу их структуры и организации работы были нацелены на «репродукцию коллективных значений и ценностей», осуществляли «массовизацию сознания» и воспроизводили определенный культурный антропологический тип – «советского человека». Советские библиотеки, являлись одновременно и пропагандистскими, и просветительскими учреждениями и «не могли реализовывать другие, потенциально возможные и нужные функции, присущие современным обществам, – в первую очередь, обеспечение свободного доступа к групповому многообразию культур, к оригинальным текстам»³⁸⁵. Эти же системные недостатки унаследовали оставшиеся от советской власти публичные массовые библиотеки современности. Б. Дубин и Л. Гудков ссылаются на Петера Карштедта, утверждающего, что «любая публичная библиотека воплощает дух сообщества, чьи ценностно-нормативные образцы комплектуются в книжном собрании того или иного объема, заданного устройства, функциональной направленности, уровня доступности. В структуре библиотек,

---

³⁸⁴ Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С.166–202. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=249

³⁸⁵ Там же.

составе библиотечных фондов и правилах их подбора, системе каталогов и картотек представлена воображаемая схема взаимодействия между обобщенным комплектатором и типовыми абонентами. Поэтому библиотеки «для других» и их «состояние для нас» выступает своеобразным, но очень точным индикатором положения интеллектуального и образованного сообщества»³⁸⁶.

По оценкам отечественных социологов, в современной России «функции общедоступной библиотеки, вне желания ее работников, сузились до первоначальной социализации, а ее адресат – до контингента школьников или взрослых людей, близких к ним по месту в социуме»³⁸⁷. То есть библиотеки сегодня работают для тех, кто нуждается в доступе к большим объемам учебной и специализированной информации, концентрация которой достигается только лишь в условиях долголетнего пополнения специализированных книжных фондов в библиотеках. Современная российская массовая библиотека обслуживает интересы детей от 0 до 6 лет и школьников, а также представителей старших возрастных групп от 60 и старше и городских люмпен-пролетариев. Это обусловлено устаревшей структурой фондов, традиционными формами деятельности, территориальным расположением по микрорайонам и сложным материально-техническим состоянием большинства муниципальных и сельских библиотек.

Библиотеки «для других» сегодня, «как и в 1970–1980-е гг. обслуживают лишь “социально бедных” – тех, кто не имеет других ресурсов и источников получения новой или специализированной литературы (все равно какого рода – самиздата или технической литературы)»³⁸⁸.

В эпоху постграмотности не только отечественные, но и зарубежные исследователи обнаруживают кризис бумажного библиотечного чтения, это происходит потому, что традиционным библиотекам активно формируется

---

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Там же.

электронная альтернатива в виде электронных интернет-библиотек «для других» и персональных библиотек-читалок-ридеров «для себя». Современные библиотеки стали электронными, цифровыми, сохраняющими как текстовые файлы, так и аудиокниги. Интернет-библиотеки вступают в конкуренцию с традиционными хранилищами бумажной книжной продукции.

Именно Интернет-библиотеки изначально существовали в публичном Интернет-пространстве в качестве книжных собраний, к которым у пользователя через систему закладок существовал прямой доступ, и они рассматривались как частные, личные, свои. Однако постепенно вольные организации электронного книгообмена стали превращаться в бюрократически статусные, коммерческие инстанции электронного обмена текстов. По аналогии с традиционными бумажными текстовыми собраниями, электронные собрания документов также получили названия библиотек, а на их специфический характер бытования стало указывать определение – электронная библиотека.

Как пишет Коре Юхан Мьер, первые русские электронные библиотеки существовали, продолжая в электронной среде традиции самиздата, «где пользователи одновременно и читатели, и библиотекари — в противоположность традиционной библиотеке с ее порядком, отбором и строгой каталогизацией. В отличие от нее, самиздат “предполагает добровольность участия тех, кто пополняет хранилище текстов, — то есть читатели одновременно являются библиотекарями”»³⁸⁹.

В этом свободном и доверительном обмене литературными текстами и состояла самиздатовская сущность русского Интернета 1990-х гг. Другим проявлением самиздатовской сущности ранних электронных библиотек была безвозмездность обмена текстами, осуществлявшаяся по принципу «множество — множеству», распространение текстов не было еще ограничено жесткими представлениями об авторском праве и погоней за прибылью. Западные исследователи видели в этом «продолжение борьбы за интеллектуальную свободу

---

³⁸⁹ Кузнецов С. Ощупывая слона: Заметки по истории русского Интернета. Москва, 2004. С.11.

в новых условиях капитализма»³⁹⁰. В 1990–2000 годы русские Интернет-библиотеки, по оценкам специалистов, смогли «реализовать хакерский идеал свободной информации — в противоположность “западному” Интернету, где авторское право и коммерческие интересы жестко ограничили сферу онлайн-публикаций и креативного производства в целом. Распространение онлайн-библиотек в России — это результат специфического отношения к собственности (особенно интеллектуальной), которое глубоко укоренено в русской культуре, склонной пренебрегать частными интересами ради общего дела»³⁹¹.

Многие исследователи, и в том числе Мьер, вслед за Алексеем Юрчаком, называют российскую Интернет-культуру, включая российские Интернет-библиотеки 1990–2000-х годов, «параллельной культурой», поскольку вся их деятельность была основана на принципе «личной невовлеченности в официальную сферу»³⁹², но в 2004 году в «Закон об авторском и смежных правах» впервые были внесены поправки об интеллектуальной собственности в сфере электронного документооборота, и соответственно этот документ стал все сильнее с каждым годом регламентировать существование Интернет-библиотек.

Интернет-библиотеки как институции чтения из собраний «для себя», реализующих идеал интернета «публичное как свое», постепенно превратились в институции, в которых реализуется принцип «единый – множеству», то есть «публичное как частное (чужое)». Осталось на сегодня совсем не много Интернет-библиотек, пространство которых читатель по-прежнему может чувствовать своим (Мошков, Гумер и т.д.), т.е. де-коммерциализированным, деидеологизированным и де-бюрократизированным, т.е. внеинституциональным.

Библиотеки «для себя» мы рассматриваем как общее понятие, объединяющее все возможные формы существования частной, приватной библиотеки. К таким библиотекам на сегодня можно отнести домашние собрания

³⁹⁰ Schmidt H. «Holy Cow» and «Eternal Flame»: Russian OnlineOn-line Libraries // Kultura. 2009. № 1. P. 5. Mode of access: http://www.kultura-rus.de/kultura_dokumente/ausgaben/englisch/kultura_1_2009_EN.pdf

³⁹¹ Там же.

³⁹² Yurchak A. The Cynical Reason of Late Socialism: Power, Pre- tense, and the Anekdot // Public Culture. 1997. Vol. 9. № 2. P. 163.

книг и писем, журналов и газет, энциклопедий и справочников; домашние стационарные частные библиотеки и частные мобильные библиотеки; цифровые аудиобиблиотеки для MP3–players, частные коллекции цифровых книг для чтения при помощи E-Readers, коллекции электронных цифровых книг в различных форматах записи для чтения со смартфонов, I-Pod и I-Pad.

Библиотеки «для себя», по мнению Л. Гудкова и Б. Дубина, «являются показателем внутреннего социального развития, эмансипации или увеличения рамок автономии (социальной, групповой или личностной), усложнения структуры общества, его функциональной дифференциации»³⁹³. Наличие частных библиотек рассматривается социологами культуры как мощный семейный и личный культурный ресурс (капитал), означающий готовность к получению высшего образования, занятиям исследовательской деятельностью, формированию модернистских и авангардных установок и поведенческих модусов, всесторонней социокультурной активности. Не случайно наиболее образованная и обеспеченная часть молодого и среднего возраста населения, стремящаяся наиболее полно воплотить идеалы мобильности, индивидуализма и достижения, перешла от собирания громоздких книжных собраний к компактным и мобильным цифровым персональным библиотекам на гаджетах.

Таким образом, становится заметно, что библиотеки «для других» – это библиотеки, которые формируются по принципу монологизма. Он заключается в следующем: один источник – многим читателям, где особенно ценны принципы массового и коллективистского сознания: каждому читателю – единые идеалы и ценности, один литературный канон. Библиотеки «для себя» формируются по принципу избирательности и индивидуализма, полезности и интересности, они аккумулируют интеллектуальный капитал и становятся ресурсом для

---

³⁹³ Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // Новое литературное обозрение. 2005. №74. С.166–202. URL: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=249

саморазвития личности, вне зависимости от того в традиционной книжной или цифровой форме они существуют.

Библиотеки «для других» и библиотеки «для себя» как институции книжного чтения и постграмотного также имеют черты сходства и различия. Главными отличительными чертами библиотек в системе традиционного чтения является ее стационарный и определенный, ограниченный по объему фондов книгохранения характер. Институции постграмотного чтения, к которым относятся «библиотеки для себя» на электронных гаджетах, являются мобильными, компактными и неограниченными по объему памяти при условии пользования облачными системами хранения информации или набору средств электронной памяти.

Выводы по второй главе:

Таким образом, в процессе рассмотрения культурных практик чтения в эпоху постграмотности создана эмпирическая модель функционирования системы культурных практик чтения. Составными частями данной модели являются описание социокультурного фона, морфологических особенностей и социально-организующего функционирования практик чтения.

По результатам анализа практик чтения на фоне современной российской культуры, сделаны следующие выводы. Социокультурным фоном практик чтения является контекст современной культуры информационного и потребительского общества, вызвавший к действию целый ряд факторов, значительно усложнивших условия функционирования современных практик чтения. Чтение рассмотрено на фоне разнообразия досуговых культурных практик в современной России. Усложнение культурного фона чтения приводит к тому, что чтению приходится конкурировать с одними досуговыми практиками (просмотром телепередач), развиваться параллельно с другими (креативным трудом, общением и развлечением с использованием компьютерной техники), поддерживать и быть поддержанным третьими – (путешествиями и их описаниями).

На основании языковых систем, средств трансляции языковой информации и функционального назначения процессов восприятия и интерпретации считываемой информации, осуществлено морфологическое структурирование разновидностей чтения. Дана сравнительная характеристика функционально-обусловленного чтения: окказионального, служебного и досугового чтения. В методологии анализа чтения как практики в эпоху постграмотности проанализированы такие атрибуты практики окказионального, служебного и досугового чтения, как *снаряжение, практические задачи, программы и навыки читателя*, что характеризует культуру данных видов практик чтения; выявлено *радикальное изменение снаряжения (в том числе программ) для чтения, морфологическое многообразие (полиморфизм) текстов для чтения и разнообразие и усложнение, комбинаторный характер навыков* чтения современных читателей.

Выявлено, что сущность трансформации культурных практик чтения, в эпоху постграмотности состоит в следующем: переход от чтения как духовной работы считывания и интерпретации текстов к чтению-наслаждению, переход от преимущественно книжного, газетного и журнального чтения к чтению экранному и мобильному.

Второй составной частью эмпирической модели постграмотного чтения является выявление изменений социально-организующих функций чтения. Они связаны, прежде всего, с общими изменениями в системе культуры, такими, как переход к «текучей современности», мультимедийно-информационному и потребительскому обществу. В связи с переходом к электронному и мобильному чтению при помощи гаджетов происходит трансформация социально-организующей функции чтения в таких аспектах как коммуникативный, аксиологический, идентифицирующий и институализирующий. Внутри традиционных практик чтения прорастают новые элементы, характеризующие уже постграмотное чтение. Сущность трансформации социально-организующей функции чтения состоит в переходе от задач социального продвижения к социальному самоопределению, от образования к креативному труду и/или развлечению, от устойчивых идентичностей к ускользающим и постоянно

конструируемым, от патриархатных ценностей логоцентризма к полиморфизму. В культурной практике постграмотного чтения выявлен онтологический сдвиг, состоящий в изменении способов существования читателя и его взаимодействия с текстом.

Таким образом, в современном постграмотном чтении происходит преодоление логоцентризма патриархатной классической системы ценностей, конструируется виртуальная мультиидентичность, осуществляется постоянно верифицируемое и подтверждаемое в авторитетных сообществах в социальных сетях самоопределение, возникают новые институции чтения – электронные «библиотеки “для себя”», «читатель» все более сближается по своему функционированию с «автором», «комментатором», «коллекционером», «библиотекарем».

ГЛАВА 3. МАНИФЕСТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ПОСТГРАМОТНОГО ЧТЕНИЯ

Данный раздел раскрывает особенности объектно-объективной, предметной модальности современной культуры чтения во всем *многообразии манифестаций* постграмотного чтения мультимедийных сетевых и полиморфных не-сетевых гипертекстов.

Как мы помним из теоретико-методологического обоснования нашего подхода, П. Бурдые предлагает рассматривать не только агентов и адептов практики и борьбу, происходящую в поле чтения между ними, но и так называемые «манифестации»³⁹⁴. Под «манифестациями» мы понимаем тексты, в которых проявляются позиции агентов и адептов чтения в поле чтения.

Для представителей традиционного бумажного чтения манифестацией нового типа постграмотного чтения будут служить несетевые полиморфные гипертексты. В новых социокультурных условиях, когда произведения покидают музеи, кинотеатры и библиотеки, мы можем обнаружить примеры такого чтения, обратившись не только к произведениям У. Эко или Б. Акунина, но и к аудиовизуальным перформансам К. Водички, или визуальным поэмам Э. Каса.

Для представителей нового «виртуального» читателя манифестациями его новой социокультурной позиции будут ставшие привычными, хабиитуализированные в его чтении Интернет-тексты: тексты сообщений социальных сетей, тексты сетевых дневников – блогов – или Интернет-сайты журналов и газет, издательств, рекламные сообщения и т.д.

Из всех возможных читательских позиций в поле постграмотного чтения мы остановимся только на этих двух, типологически важных для нашего исследования, и, соответственно, рассмотрим манифестации, показывающие

---

³⁹⁴ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. Москва ; Санкт-Петербург, 2005. С.392.

особенности позиции данных читателей, занимаемых ими в поле современного чтения.

3.1.

Манифестации постграмотного чтения сетевых полиморфных гипертекстов

3.1.1.

Женское чтение в социальных сетях

Один из факторов, радикально трансформировавших современную социокультурную ситуацию чтения – это доминирование нового субъекта чтения – женщины, предъявляющей к читаемым текстам, их языку и способам взаимодействия автора и читателя и текстам новые специфические требования.

Проблема женского чтения как проблема философии языка впервые была сформулирована в философии французского феминистского постструктурализма такими выдающимися французскими философами как Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Делез, Р. Гваттари, Ю. Кристева, М. Фуко.

Развитие теории женского языка, женского письма и женского чтения далее было продолжено феминистской психоаналитической лингвистикой и феминистской критикой в лице Л. Иригарэ, Ю. Кристевой, Э. Сиксу, Ш. Фельман и других.

Рефлексируя собственную практику чтения, Э. Сиксу фиксирует важнейшие для нее способы выбора тех текстов, которые входят в ее круг чтения. «Тексты, зовущие меня, разноголосы, но есть между ними и нечто общее, одна мелодия,

один тон, на который я настроена, и в этом весь секрет»³⁹⁵. Делая выбор текстов для чтения, Э. Сиксу опирается не на доводы разума, а на единство интонационного тона внутреннего мира своей личности и интонационного тона произведения. Обосновывая свой читательский выбор Э. Сиксу говорит: «Писатели, которых я люблю, не поднимаются, а спускаются, они – исследователи глубин. <...> все, кого я упомянула, кого я люблю, упрямо пишут об этой истине-на-глубине, вкладывая в ее поиски невероятный труд; они сражаются со стихиями, с властями и с началами, с неисчислимыми внутренними и внешними врагами. Внешние – это сплетни и шумо-производящие машины, мешающие нам слышать голос истины. Внутренние враги... это наши страхи, то, из чего мы сделаны: наша слабость»³⁹⁶. В процессе чтения Э. Сиксу ищет в читаемых текстах силу, которая компенсирует женские слабости; об этой силе и этих слабостях знают только женщины, поэтому Э. Сиксу предпочитает читать тексты, написанные женщинами и для женщин.

Люси Иригарэ, анализируя женское письмо и женское искусство, задается вопросами о том, почему искусство, созданное женщинами, «воплощает скорбь, страдание, взвинченность, и уродство, а не счастье, удовольствие, праздность, негу? Почему женское искусство, как правило, выставляет на всеобщее обозрение муки и измученность»? Ответ на эти вопросы Л. Иригарэ видит в потребности отчуждения/вытеснения женской травмы: «Преодолеть себя, высказать публично индивидуальные и коллективные беды – одно это уже дает терапевтический эффект, высвобождает тело и предоставляет возможность начать новый отсчет времени»³⁹⁷. Исповедальность женского чтения, приобретение опыта прочитывания и проговаривания глубоко личного и вытесняемого в обычных практиках общения содержания мысли с неизбежностью вызывает потребность в чтении текстов, созданных женщинами, имеющими сходный жизненный опыт,

³⁹⁵ Сиксу Э. Три ступени на лестнице литературного творчества // Гендерные исследования. 2003. № 9. С. 3.

³⁹⁶ Сиксу Э. Три ступени на лестнице литературного творчества // Гендерные исследования. 2003. № 9. С. 5.

³⁹⁷ Иригарэ Л. Как нам создавать свою красоту // Гендерная теория и искусство: Антология 1970-2000. Москва, 2005. С.418.

обладающими «женской», прощающей точкой зрения на проблемы, и наделяющих читательниц возможностью обсуждения своих личных бед.

Люси Иригарэ подвергает жесткой критике мужское письмо и предлагаемые для женского чтения тексты, написанные мужчинами: «Мы, женщины, до сих пор заключены в чуждые для нас формы... Может быть, разрушая стены, навязанных нам форм, разрывая оковы, мы обнаружим то, что в нас осталось от плоти. Как мне представляется – именно в цвете сохраняется жизнь – жизнь вне готовых форм, вне истин и верований, вне испытанных радостей и перенесенных страданий»³⁹⁸. Женское чтение, таким образом, у Л. Иригарэ связано с поиском новых форм культурной презентации – новых форм бытия и новых форм представленности в этом бытии. Одной из таких новых форм социальности, соотношения пола и гендера, образования и воспитания является, на наш взгляд, Интернет, и достаточно интересно посмотреть, как «женское чтение» использует возможности новой социальности вне пола и только лишь с гендером. А с другой стороны, когда Л. Иригарэ утверждает, что «наше творчество требуется и современному миру, серому, абстрактному, расколотому. И даже если этот мир отказывается признавать, что наше творчество ему необходимо, мы, женщины и матери, должны сделать свой вклад, помочь жизни не только природной, но и духовной. В этом смысле красота наших творений, оставаясь природной, поможет переходу от природы к духу»³⁹⁹, то разнообразные проявления этого творчества мы можем видеть в разнообразных мультимедийных текстах современной электронной культуры, в их богатом декорировании, в текстах, существующих в сочетании вербальности и визуальности, женского авторства и женского чтения.

Феминистская критика в лице Ш. Фельман, возвращаясь к традиционному пониманию женского чтения как чтения женщинами, делает достаточно радикальные выводы о процессе чтения исходя из традиционных

---

³⁹⁸ Там же. С. 419.

³⁹⁹ Там же. С. 421.

социологических понятий. Один из главных вопросов, который задает Ш. Фельман – это вопрос о том, чего желает женщина и чего желает читающая женщина? Ш. Фельман утверждает, что для ответа на первый вопрос нужно дать ответ на вопрос о сущности женщины, о том, кто она есть, кем она является. Размышляя над этими вопросами, она утверждает, что З. Фрейд, отвечая на них, однозначно отождествлял женщину с материнством, а, значит, не только не различал пол и гендер, но и отождествлял сексуальность и репродуктивность. Именно репродуктивность отличает, по З. Фрейду, как утверждает Ш. Фельман, женщину от девочки и женщину от мужчины. Кроме того, анализируя различия мужской и женской репродуктивности, Ш. Фельман утверждает, что в мужской сексуальности и репродуктивности Фрейд видит активное, творческое, порождающее, иницирующее начало, а в женской сексуальности и репродуктивности – пассивное, исполнительское начало. Соответственно Ш. Фельман утверждает, что сущность женщины и женского желания З. Фрейд патриархально видит в том, чтобы женщине быть дочерью, женой и матерью, то есть женщина якобы всегда желает того, чего желает мужчина. Сама же Ш. Фельман утверждает возможность непатриархального, феминистского взгляда на женщину. Женщина есть то, что она есть, и она желает быть такой, какова она есть. Женская сексуальность не есть то же самое, что и женская репродуктивность. Отождествлять женщину и материнство, тем более, определять женщину и ее желание через материнство – патриархальный, фрейдистский подход, который Ш. Фельман подвергает решительной критике⁴⁰⁰.

Автономность женского субъекта и женского желания приводит, по мнению Ш. Фельман, к автономности женщины как субъекта культуры, в том числе в качестве субъекта чтения. Как субъект чтения женщина вольна самостоятельно выбирать предмет чтения, самостоятельно воспринимать и интерпретировать текст.

---

⁴⁰⁰ *Felman Sh. What Does a Woman Want? // The claims of literature: a Shoshana Felman reader. New York, 2007. P. 208.*

Как пишет Ю. Кристева, Ш. Фельман утверждает женскую сущность в «неразделимом единстве жизни-взгляда-речи» (indivisible unity of life-look-speech)⁴⁰¹. В искусстве это воплощается в «триединстве жизни–видения–значения» (life – vision – meaning)⁴⁰². Вопрос о подлинности в искусстве состоит в том, что если подлинное содержание истории травматично и свидетели истинно происшедших событий утратили дар речи, то может ли искусство показывать и обсуждать травматические события с их свидетелями и участниками и показывать и говорить о них другим? Ю. Кристева утверждает, что Ш. Фельман обнаруживает возможность демонстрации и обсуждения вытесняемого сознанием травматического содержания женской истории (not history, but herstory) только в рефлексирующем и условном искусстве. Женская травматическая история может существовать на пересечении автобиографического повествования через переводчика, пересказывая свою травматичную историю на другой язык, снимая травму и травмирующее воздействие высказывания и наделяя каждую ситуацию экзистенциальным смыслом. Только такое экзистенциально-женское искусство, по мнению Ю. Кристевой, способно воскресить для современной культуры Библейские послания и спасти культуру. Если искусство хочет открывать истины, оно должно быть «женским»⁴⁰³.

Женское чтение – это процесс, сущностью которого является деконструкция бинарных оппозиций: в этом процессе снимается не только противостояние оппозиций, характеризующих особенности художественной коммуникации – автора и читателя, читателя и героя, героя и персонажа, разглядывания и обдумывания, вербального и визуального, листания и слушания, оценки и ценности, подлинности и истинности, но и оппозиции, на которых строится сама художественная реальность: культура/природа, пространство/время,

---

⁴⁰¹ *Kristeva J. For Shoshanna Felman: Truth and Art // The claims of literature: a Shoshana Felman reader. New York, 2007. P. 315-316.*

⁴⁰² Там же. P. 316.

⁴⁰³ Там же. P. 318.

мужское/женское, взрослое/детское, жизнь/смысл, прекрасное/безобразное, реальное/воображаемое.

Если Э. Сиксу утверждает, что женское чтение деконструирует фундаментальные оппозиции классической культуры, в том числе, разрушением доминанты рациональности, разумности, и обвиняет логоцентризм в утверждении фаллократизма, то Л. Иригарэ предлагает один из рецептов преодоления логоцентризма – использование колорита, иллюстраций, других невербальных средств выразительности. Она считает, что визуальные эффекты служат разрушению монополии слова и разума, создают многообразные полифонические и полиморфные каналы трансляции социокультурной информации. Женское чтение, которое на практике соединяет не только чтение-размышление, но и чтение-иллюстрирование, чтение-раскрашивание, а также чтение-листание, чтение-разглядывание иллюстраций, фотографий, цветных вкладок и т.д., чтение-дегустирование запахов и т.д., тем самым разрушает привычную патриархатную модель работы ума и чтения.

Соединение чтения с процессами, доставляющими наслаждение, воплощающими женскую природу – чувственного наслаждения информацией от различных каналов восприятия – не только зрения, но и обоняния, слуха, осязания – все это предуготовило восприятие чтения в современных техниках, когда чтение включено составной частью в процессы взаимодействия информационного суперхайвея и его читателей.

В качестве культурной практики чтение в социальных сетях характеризуется определенным *снаряжением* – цифровым гаджетом с мобильным доступом в систему Интернет и к социальным сетям; наличием *агентов* сетевого мобильного чтения – членов сетевого сообщества, которые размещают на своих страницах оригинальные тексты или ссылки на понравившиеся им тексты, прочитанные в Интернете, наличием *адептов* – тех, кто осуществляет чтение, ориентируясь на тексты и ссылки своих друзей по сообществу. Также для культурной практики характерна своеобразная *идентичность* читателя – она конструируется через

сознательное членство и присутствие в определенном сетевом сообществе, вхождение в одну из групп этого сообщества, а главное для читателя – чтение текстов, рекомендованных определенным сообществом или группой.

Проблемы обоснования моральных норм и нравственных ценностей начинаются тогда, когда мы пытаемся определить, какими специфическими *ценностями* характеризуется практика сетевого интернет-чтения.

Любая разновидность чтения имеет сложно-организованную многоуровневую социокультурную коммуникационную структуру. Исходным является коммуникативный уровень: автор – текст – читатель. Каждый элемент этой коммуникативной системы функционирует как часть системы нравственной культуры читающего индивида и может выступать в качестве морального авторитета, предъявляющего общественные требования к читателю. Авторитетной инстанцией морального обоснования может быть и автор, и текст, и читатель. Однако модерность характеризуется тем, что автор стал «безответственным» (М.Фуко), а читатель «больным» (М.Бланшо). В такой ситуации именно текст присваивает себе обладание собственным уникальным языком, множественными смыслами и становится центром общественной дискуссии, независимо от воли автора, поскольку с неизбежностью порождает спектр мнений читателей и комментаторов о своем содержании и смысле.

Моральные нормы и нравственные ценности в Сетевом сообществе конструируются непосредственно в самой практике чтения самими агентами и адептами чтения как единственными авторитетными моральными инстанциями в социальном сообществе в Сети. Посмотрим, как коммуникативная система и процедуры определяют моральные требования и нравственные нормы в процессе чтения.

Процесс чтения, как известно, начинается с выбора предмета чтения – того или иного текста из всей совокупности находящихся в Сети текстов. Чтение текстов рекомендованных сетевым сообществом основывается на моральной ценности *доверия*: когда читатель доверяет своим друзьям первоначальную и

компетентную оценку совокупности текстов, функционирующих в сети, и рекомендательный отбор, или выбор текстов для чтения.

Между тем процедура отбора строится не только на доверии как внутренней нравственной ценности каждого читающего, так и на ценности *ответственности* рекомендующего перед своей социальной группой или социальным сообществом. Моральная норма ответственности проявляется в процессе поиска в Сети того, что интересно для социальной группы: либо, воплощает ценности, разделяемые группой, либо, наоборот, опровергает эти ценности и может служить текстом-провокацией для дискуссии в рамках сообщества. Ответственность в данном случае является и моральным требованием сообщества к своему агенту, продвигающему практику чтения, и в то же время нравственной ценностью для того агента, кто принимает эту нравственную ценность для себя.

Для практики чтения ситуация выбора текста является экзистенциальной ситуацией надления текста жизнью и смыслом (Ж.П. Сартр) – извлечение текста из «потенциального бытия» к «бытию актуальному», перевод его из состояния – возможного для прочтения в состояние читаемое – актуализируемое и обсуждаемое и комментируемое. Соответственно, когда читатель передоверяет своим друзьям процедуру выбора – он перераспределяет в их пользу собственную *свободу выбирать* и актуализировать в процессе чтения, вызывать к жизни только лишь определенные тексты из всего потенциального множества.

Читатель, который читает текст в Сети, обладает еще одной разновидностью свободы – свободой интерпретации, а главное, *свободой комментария*. Если в традиционном чтении комментатор – это специалист, эксперт, квалифицированное инобытие читающей публики (А. Рейтблат), то в Сетевом чтении каждый читатель становится комментатором, именно комментарий утверждает факт чтения (М. Бланшо) и является способом защиты от обвинений в том, что «не прочел». Комментарий сокращает дистанцию общения не только между друзьями, свободно обменивающимися мнениями по поводу текста, но и между читателем и автором текста, создает пространство *свободного комментирующего общения* между автором – рекомендателем –

читателем. Более того, по новейшему законодательству, прочтение страницы личного сетевого дневника – блога – тремя тысячами читателей наделяет этот блог статусом «средства массовой информации».

Свобода комментирования даже среди друзей не является абсолютной, она ограничена теми внешними для морали ценностными установками, которые являются не обсуждаемыми, но подразумеваемыми в определенной группе или сообществе друзей. Это могут быть политические ценностные ориентации, эстетические, правовые и другие. Современный пользователь зависит от своей референтной группы также как первобытный охотник, и также стремится к положительной оценке своей дружеской группой в социальных сетях, поэтому дает комментарий в надежде на поддержку и Like со стороны членов своей группы. Добровольное принятие моральной нормы в качестве нравственной ценности членами этой группы приводит к ее консолидации и солидаризации на основании общих ценностных установок. Социальная группа Friends превращается в группу единомышленников. Разница в ценностных ориентациях, проявляющаяся в несогласии с другими членами группы по особо острым политическим вопросам, приводит к исключению из Friends.

В результате в пространстве Интернета мы обнаруживаем сразу несколько авторитетных инстанций, формирующих моральные требования к читателю.

Первая инстанция – это консолидирующееся вокруг артикулируемых или подразумеваемых коллективных ценностей сообщества. Эта инстанция постоянно требует от читателя подтверждения своего участия в жизни группы и отклика на самые разные инициативы и предложения.

Вторая инстанция – от которой казалось бы, читатель освобождается, когда начинает общаться в виртуальном пространстве Социальных Сетей, нормируемых особыми сетевыми правилами и особой этикой информационного общения, - это общество в целом, - которое не оставляет индивида и в Сети со своими универсальными требованиями моральной максимы – «избегать причинять другому зло», и «никогда не использовать другого в качестве средства – всегда только в качестве цели».

Третья авторитетная инстанция – это текст, который предъявляет требования по своему де-кодированию, интерпретации и дальнейшей рекомендации – перепосте.

В результате читатель для которого исходными нравственными нормами общения в рамках Сетевого сообщества является доверие, свобода и ответственность, попадает в ситуацию двойного или даже тройного морального требования: со стороны общества в целом, со стороны участников социальной сети и со стороны своей группы или групп в социальных сетях, но также, возможно, что он попадает в ситуацию и противоречивых моральных требований, когда моральные нормы общества не совпадают с ценностями соц. Сети или с ценностями группы.

Поэтому в Сети также как и в реальной жизни каждый участник вынужден не только следовать моральной норме, но тот факт, что сетевое межличностное общение посредством чтения оказывается многомерным и многоуровневым заставляет каждого самостоятельно и свободно конструировать моральную норму для себя самого из тех наборов требований, которые предъявляются к индивиду на разных уровнях общения. Таким образом, сетевое чтение все время остается в поле морального выбора и моральной ответственности: что за текст читатель читает, кто этот текст рекомендовал, какие ценности и смыслы транслирует этот текст.

Практика чтения позволяет осуществить рефлекссию системы моральных требований, предъявляемых посредством текста обществом к индивиду, и одновременно осознать спектр нравственных обязательств, принимаемых на себя читателем, выработать язык для осуществления общественной дискуссии (язык произведения и язык комментария) и обозначить проблемы, которые назрели для того, чтобы их обсуждать.

С возникновением Сети Интернет пространством общественной дискуссии стали социальные Сети и те тексты, которые распространяются «друзьями» в Сетях. Факт вхождения в определенную группу определяет и набор текстов, который читают «друзья», и представления о моральных нормах и нравственных

ценностях, которые разделяются в данной группе. Если в религиозной культуре моральные требования обосновываются обращением к Богу и его авторитету, в классической светской культуре – авторитетом Человека, то в современной сетевой культуре – авторитетом группы, в которую входят друзья.

Культурные практики сетевого чтения актуализируют этическую проблематику и предлагают новые пути решения проблемы обоснования морального требования и выработки нравственных принципов. Чтение в сетевых сообществах, основанное на кооперации в сфере отбора, интерпретации и обсуждения текстов опровергает главный тезис, навязываемого современной властью «вынужденного индивидуализм». В качестве культурной практики чтение в социальных сетях характеризуется определенным *снаряжением* – цифровым гаджетом с мобильным доступом в систему Интернет и к социальным сетям; наличием *агентов* сетевого мобильного чтения – членов сетевого сообщества, которые размещают на своих страницах оригинальные тексты или ссылки на понравившиеся им тексты, прочитанные в Интернете, наличием *адептов* – тех, кто осуществляет чтение, ориентируясь на тексты и ссылки своих друзей по сообществу. Также для культурной практики характерна своеобразная *идентичность* читателя – она конструируется через сознательное членство и присутствие в определенном сетевом сообществе, вхождение в одну из групп этого сообщества, а главное для читателя – чтение текстов, рекомендованных определенным сообществом или группой.

Проблемы обоснования моральных норм и нравственных ценностей начинаются тогда, когда мы пытаемся определить, какими специфическими *ценностями* характеризуется практика сетевого интернет-чтения.

Любая разновидность чтения имеет сложно-организованную многоуровневую социокультурную коммуникационную структуру. Исходным является коммуникативный уровень: автор – текст – читатель. Каждый элемент этой коммуникативной системы функционирует как часть системы нравственной культуры читающего индивида и может выступать в качестве морального авторитета, предъявляющего общественные требования к читателю.

Авторитетной инстанцией морального обоснования может быть и автор, и текст, и читатель. Однако модернность характеризуется тем, что автор стал «безответственным» (М.Фуко), а читатель «больным» (М.Бланшо). В такой ситуации именно текст присваивает себе обладание собственным уникальным языком, множественными смыслами и становится центром общественной дискуссии, независимо от воли автора, поскольку с неизбежностью порождает спектр мнений читателей и комментаторов о своем содержании и смысле.

Моральные нормы и нравственные ценности в Сетевом сообществе конструируются непосредственно в самой практике чтения самими агентами и адептами чтения как единственными авторитетными моральными инстанциями в социальном сообществе в Сети. Посмотрим, как коммуникативная система и процедуры определяют моральные требования и нравственные нормы в процессе чтения.

Процесс чтения, как известно, начинается с выбора предмета чтения – того или иного текста из всей совокупности находящихся в Сети текстов. Чтение текстов рекомендованных сетевым сообществом основывается на моральной ценности *доверия*: когда читатель доверяет своим друзьям первоначальную и компетентную оценку совокупности текстов, функционирующих в сети, и рекомендательный отбор, или выбор текстов для чтения.

Между тем процедура отбора строится не только на доверии как внутренней нравственной ценности каждого читающего, так и на ценности *ответственности* рекомендующего перед своей социальной группой или социальным сообществом. Моральная норма ответственности проявляется в процессе поиска в Сети того, что интересно для социальной группы: либо, воплощает ценности, разделяемые группой, либо, наоборот, опровергает эти ценности и может служить текстом-провокацией для дискуссии в рамках сообщества. Ответственность в данном случае является и моральным требованием сообщества к своему агенту, продвигающему практику чтения, и в то же время нравственной ценностью для того агента, кто принимает эту нравственную ценность для себя.

Для практики чтения ситуация выбора текста является экзистенциальной ситуацией надления текста жизнью и смыслом (Ж.П. Сартр) – извлечение текста из «потенциального бытия» к «бытию актуальному», перевод его из состояния – возможного для прочтения в состояние читаемое – актуализируемое и обсуждаемое и комментируемое. Соответственно, когда читатель передоверяет своим друзьям процедуру выбора – он перераспределяет в их пользу собственную *свободу выбирать* и актуализировать в процессе чтения, вызывать к жизни только лишь определенные тексты из всего потенциального множества.

Читатель, который читает текст в Сети, обладает еще одной разновидностью свободы – свободой интерпретации, а главное, *свободой комментария*. Если в традиционном чтении комментатор – это специалист, эксперт, квалифицированное инобытие читающей публики (А. Рейтблат), то в Сетевом чтении каждый читатель становится комментатором, именно комментарий утверждает факт чтения (М. Бланшо) и является способом защиты от обвинений в том, что «не прочел». Комментарий сокращает дистанцию общения не только между друзьями, свободно обменивающимися мнениями по поводу текста, но и между читателем и автором текста, создает пространство *свободного комментирующего общения* между автором – рекоммендателем – читателем. Более того, по новейшему законодательству, прочтение страницы личного сетевого дневника – блога – тремя тысячами читателей наделяет этот блог статусом «средства массовой информации».

Свобода комментирования даже среди друзей не является абсолютной, она ограничена теми внешними для морали ценностными установками, которые являются не обсуждаемыми, но подразумеваемыми в определенной группе или сообществе друзей. Это могут быть политические ценностные ориентации, эстетические, правовые и другие. Современный пользователь зависит от своей референтной группы также как первобытный охотник, и также стремится к положительной оценке своей дружеской группой в социальных сетях, поэтому дает комментарий в надежде на поддержку и Like со стороны членов своей группы. Добровольное принятие моральной нормы в качестве нравственной

ценности членами этой группы приводит к ее консолидации и солидаризации на основании общих ценностных установок. Социальная группа Friends превращается в группу единомышленников. Разница в ценностных ориентациях, проявляющаяся в несогласии с другими членами группы по особо острым политическим вопросам, приводит к исключению из Friends.

В результате в пространстве Интернета мы обнаруживаем сразу несколько авторитетных инстанций, формирующих моральные требования к читателю.

Первая инстанция – это консолидирующееся вокруг артикулируемых или подразумеваемых коллективных ценностей сообщества. Эта инстанция постоянно требует от читателя подтверждения своего участия в жизни группы и отклика на самые разные инициативы и предложения.

Вторая инстанция – от которой казалось бы, читатель освобождается, когда начинает общаться в виртуальном пространстве Социальных Сетей, нормируемых особыми сетевыми правилами и особой этикой информационного общения, - это общество в целом, - которое не оставляет индивида и в Сети со своими универсальными требованиями моральной максимы – «избегать причинять другому зло», и «никогда не использовать другого в качестве средства – всегда только в качестве цели».

Третья авторитетная инстанция – это текст, который предъявляет требования по своему де-кодированию, интерпретации и дальнейшей рекомендации – перепосте.

В результате читатель для которого исходными нравственными нормами общения в рамках Сетевого сообщества является доверие, свобода и ответственность, попадает в ситуацию двойного или даже тройного морального требования: со стороны общества в целом, со стороны участников социальной сети и со стороны своей группы или групп в социальных сетях, но также, возможно, что он попадает в ситуацию и противоречивых моральных требований, когда моральные нормы общества не совпадают с ценностями соц. Сети или с ценностями группы.

Поэтому в Сети также как и в реальной жизни каждый участник вынужден не только следовать моральной норме, но тот факт, что сетевое межличностное общение посредством чтения оказывается многомерным и многоуровневым заставляет каждого самостоятельно и свободно конструировать моральную норму для себя самого из тех наборов требований, которые предъявляются к индивиду на разных уровнях общения. Таким образом, сетевое чтение все время остается в поле морального выбора и моральной ответственности: что за текст читатель читает, кто этот текст рекомендовал, какие ценности и смыслы транслирует этот текст.

Практика чтения позволяет осуществить рефлексию системы моральных требований, предъявляемых посредством текста обществом к индивиду, и одновременно осознать спектр нравственных обязательств, принимаемых на себя читателем, выработать язык для осуществления общественной дискуссии (язык произведения и язык комментария) и обозначить проблемы, которые назрели для того, чтобы их обсуждать.

С возникновением Сети Интернет пространством общественной дискуссии стали социальные Сети и те тексты, которые распространяются «друзьями» в Сетях. Факт вхождения в определенную группу определяет и набор текстов, который читают «друзья», и представления о моральных нормах и нравственных ценностях, которые разделяются в данной группе. Если в религиозной культуре моральные требования обосновываются обращением к Богу и его авторитету, в классической светской культуре – авторитетом Человека, то в современной сетевой культуре – авторитетом группы, в которую входят друзья.

Культурные практики сетевого чтения актуализируют этическую проблематику и предлагают новые пути решения проблемы обоснования морального требования и выработки нравственных принципов. Чтение в сетевых сообществах основано на кооперации в сфере отбора, интерпретации и обсуждения текстов.

Не случайно женское чтение как феминистская практика преодоления оппозиций становится доминирующей практикой среди практик мужского или

детского чтения и в том числе в сфере Интернета, где, как провозгласил феминистский портал, «равенство в Интернете уже наступило»⁴⁰⁴. В Интернете женщины создают разнообразные площадки для чтения – женские сайты, форумы, женские блоги и женские посты в социальных сетях⁴⁰⁵. Далее мы проанализируем, о чем пишут и читают женщины в социальных сетях в России и есть ли какая-либо специфика в тех текстах, которые создают там и читают женщины.

Женские страницы в социальных сетях, таких как Odnoklassniki.ru, Vkontakte.ru, Facebook.ru, Professionaly.ru, отличаются, во-первых, характером текстов. Это мультимедийные гипертексты, включающие достаточно краткие вербальные тексты, ритмичные и энергичные, содержащие отсылки к другим текстам. Главное отличие женских записей в социальных сетях состоит в том, что они могут содержать только визуальный текст: фотографии, видеозаписи, рисунки. Они могут быть оформлены в «женских» жанрах – «линейки», «медали», «сердечки», «открытки».

Во-вторых, женское чтение в сетях отличается характером ссылок. Как правило, они делаются не только на хранилище информационных файлов, таких как статьи в сетевых газетах и журналах, новости, прогноз погоды, курс валют, но, главным образом, это ссылки на интерактивные сервисы, такие как свадебный калькулятор, счетчик калорий, словарь иностранных слов, конкурсы среди пользователей, обучающие программы, а также полезные консультации специалистов: детский врач, диетолог, семейный психолог, стилист, косметолог, бухгалтер, юрист и другие.

В-третьих, женские записи в социальных сетях носят разнонаправленный характер: это и презентация личных (семейных) достижений, и презентация социальной активности и успешности, и продвижение бизнес-проектов, и

---

⁴⁰⁴ Смирнова О.В. Феминизация Интернета: тенденции и прогнозы // Медиаскоп. 2009. Вып. №1. URL:<http://www.mediascope.ru/node/271>

⁴⁰⁵ См.: Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону, 2012.

формирование индивидуального имиджа для профессионального окружения, и, реже, обсуждение личных проблем, обращение за советом, просьбы о помощи.

В-четвертых, женские записи в социальных сетях имеют ярко выраженную направленность на интерактивное взаимодействие, не только на прочтение, но и на одобрение, поддерживающий идею комментарий, положительную оценку «Мне нравится».

Обязательной составной частью женских записей в социальных сетях является наличие публичных обсуждений личных (семейных) проблем или достижений. Социальная значимость публичного обсуждения традиционных «женских» тем, проблем и бед состоит в том, что личная тема оказывается общей, проблема находит решение в общей дискуссии. В тяжелой жизненной ситуации женщина, поднявшая тему, получает советы, а также действенную помощь от читательниц. Социальные сети становятся новой формой женской солидарности – взаимной психотерапии и взаимной помощи.

Популярным женским чтением в социальных сетях являются разделы блогов, например, такие как belonika.livejournal.com, t-yumasheva.livejournal.com, hakamada-irina.livejournal.com, evelinakhromtchenko.com. Каждый женский сетевой дневник не похож на другой. Это разнообразие делает их привлекательными для читательниц. Сетевой дневник Эвелины Хромченко использует доминанту визуальности, это фото-видео-дневник не только эксперта в мире моды, но дневник мировой индустрии красоты в целом. Сетевой дневник Татьяны Юмашевой – это личный дневник политической истории страны во времена правления Б.Н. Ельцина глазами близкого к президенту человека, а потому эмоционально окрашенный и пристрастный, включающий личные записи, фотографии из домашнего фотоархива, гиперссылки на архивные газетные статьи и книги. Это один из немногих примеров политической истории, написанной женщиной. Сетевой дневник Вероники Белоцерковской соединяет личный дневник с элементами художественного воображения (словесного и графического) и публичного продвижения личных бизнес-проектов. Ирина

Хакамада в своих записях более разнообразна: это и политические прогнозы, и отзывы на просмотренные фильмы и спектакли, и некролог любимой актрисе, и продвижение собственного бренда и заметки про стиль и про спорт, и многое другое, о чем размышляет активный общественный деятель.

Какими бы разными ни были женские сетевые дневники, все они представляют собой пространство личного высказывания, сделать которое в публичной сфере невозможно, поскольку они представляют особый женский взгляд на события личной и общественной истории. Женское сетевое чтение формирует особый женский язык, на котором существуют женские истории. Женский язык сетевых текстов отличается как эмоциональной окрашенностью, ритмической сложностью, так и насыщенной визуальностью, то есть триединством жизни–взгляда–речи, внутренним полиморфизмом. Читателями сетевых женских историй выступают как женщины, так и мужчины. Сетевые дневники популярных женщин-блогеров пользуются большим интересом читателей, которые не только читают тексты, но и просматривают фотографии и видеоролики, рисунки и открытки, комментируют медийные тексты, задают вопросы авторам дневников и вступают в полемику с ними. Тем самым в практике чтения блогов устраняется дистанция между автором и читателем, между словом устным и письменным, между текстом вербальным и визуальным, между мужской историей повседневности (history) и женской историей тех же самых событий (herstory).

В итоге мы видим, что женские записи и женское чтение в социальных сетях в Интернете воплощают все основные идеи феминистской литературной критики: они являются сложными полиморфными гипертекстами. Они создают пространство женской исповеди, дают женщинам язык для рассказа своей истории и для ее комментария. Кроме того, женские порталы служат утверждению не только женской природы, но и женской социальности. Уделяя огромное внимание организации женского общения, женские страницы в социальных сетях дают своим читательницам не только информацию, но и психологическую разгрузку, полезные советы и отдых. Женское чтение в

социальных сетях – это надежный механизм организации общения, компенсации недостатков общения в реальной жизни и развития женской социальности и солидарности.

3.1.2.

Специфика интонации в полиморфных и гипертекстуальных интернет-текстах

Облик современной культуры во многом определяется виртуальными технологиями создания духовного, культурного пространства. Нас интересует, каким образом виртуальные технологии создания интернет-текстов определяют качества последних, возможно ли применительно к текстам, создаваемым и существующим в Интернете, говорить об авторской неповторимой интонации, которая есть эмоционально-ценностное напряжение, характеризующее качество бытия произведения.

К интернет-литературе мы относим тексты, которые размещаются в интернете и чья специфика обусловлена электронной формой их существования; сюда не относятся тексты, где интернет или другие виртуальные миры являются сюжетом. Проблема существования интонации в произведениях интернет-литературы содержит в себе три аспекта: пути и средства физического контакта интернет-произведения с реципиентом-читателем и коммуникативная интонация; дополнительные художественно-экзистенциальные возможности, которые приобретает литература благодаря электронной форме размещения и интонации художественной формы; авторство и авторская интонация.

Коммуникативная интонация интернет-текстов возникает непосредственно в процессе сообщения некоторой информации от экрана к реципиенту. Ее своеобразие определяется тем, что оптимальным форматом существования интернет-текста при его размещении на сайте становится пространство, обозримое при одном нажатии клавиши или клике мышью (принцип экономии усилий), то есть одна экранная страница, или еще эффективнее – один баннер. Следовательно, размеры художественного произведения, его внешние параметры, нацеленные на художественную коммуникацию, определяются не авторскими индивидуальными представлениями, возможностями и способностями, а техническими характеристиками монитора и мыши, программного обеспечения. Авторское мастерство, индивидуальность выявляются в том, насколько писатель способен информационно уплотнить художественное пространство, организовать в структуре своего текста при помощи гиперссылок бескрайние и бесконечные «смысловые тоннели», путешествуя по которым интернет-читатель сам насыщал бы этот метрически экономный, минимальный по объему текст новыми интертекстуальными смыслами. Коммуникативная интонация произведения интернет-литературы вырастает из напряжения между минимальным объемом и насыщенностью произведения гиперссылками, а также между вербальностью выразительных средств и живописностью организующего художественного приема: писатель должен уподобиться художнику, который все возможные смыслы заключает в пределы одного холста, дизайнеру, организующему информационное сообщение в единстве визуального и вербального текстов. Интернет-текст литературного произведения приобретает не только словесно-визуальное, но и декоративно-визуальное измерение, из мономорфного становится полиморфным, требующим соответственной грамотности не только от читателя, но и от автора, размещающего текст в Интернете.

Интонационная специфика художественной формы в произведениях интернет-литературы определяется интерактивностью - зависимостью произведения от читательской творческой активности, в результате которой происходит сюжетное становление интернет-произведения. Интерактивность

Интернет-литературы состоит в возможности читателя самому выбирать в месте экзистенциальной развилки дальнейший сюжетный ход: следить за жизнью одного героя или другого, закончить сюжетную линию или продолжить, в одних художественных обстоятельствах или других и так далее до бесконечности. В результате воплощается «идея книги, повествующей не просто одну историю, а целый океан историй»⁴⁰⁶. В качестве репрезентативного примера манифестации современного постграмотного чтения мы приведем блог известного уральского писателя, драматурга, режиссера и педагога Н. Коляды.

Блоги (сетевые дневники или журналы событий) являются значимой частью сетературы. Они несут в себе черты традиционного дневника: фиксация событий, их оценка, комментарии по поводу определенных событий и высказываний. В то же время блоги отличаются динамичностью, интерактивностью и креативностью, чертами, возникающими в сетевой среде. Наряду с этим, в сетевых дневниках изменяются конфигурации диалогических отношений между автором и читателем гипертекстов. Как пишет А. Гаджиев, для блогов характерны «равные возможности для всех субъектов, размытость границ между автором и читателем, ... актуальность самого процесса диалога, а не результата»⁴⁰⁷.

В сетевых дневниках процесс литературного творчества концентрируется на конструировании сетевого образа автора или «авторской маски»: событий его жизни, которые становятся знаковыми и значащими для его сообщества, а также на конструировании гипертекста из размышлений автора-персонажа, скачанных им материалов о себе и событиях своей жизни, избранных текстов, фото и видеоиллюстраций, составляющих контент авторской повседневности.

Автор блога, конструируя «авторскую маску» и свою виртуальную личность, предстает «и как автономный персонаж» – «автор» и как «способ выстраивания образа автора» – авторский дискурс. Через своего персонажа – «авторскую маску» автор получает возможность «свободно, минуя «внутреннюю

⁴⁰⁶ Делез Ж. Логика смысла. Москва, 1995. С.6-66.

⁴⁰⁷ Гаджиев А. Сетература: история, типология и поэтика русской сетевой литературы. Тезисы : тезисы лекций в Бакинском Славянском университете. Баку, 2012. С. 11.

цензуру», выразить свой внутренний мир, без всяких ограничений реализовать свои ощущения и взгляд на мир, создать свой образ и миф о себе, непосредственно контактировать с аудиторией⁴⁰⁸.

Дневниковая приватно/публичная, реально/виртуальная объективация авторского «Я» становится актом утверждения внутреннего мира виртуальной личности, насыщения этого мира определенным гипертекстом, контентом, а также способом фиксации определенных устойчивых временных состояний в процессе создания блогов, размеченных определенным временем создания блоговой записи и в конечном счете способом познания созданной «авторской маски» для себя и для других.

Блог Н. Коляды – это сложно организованный сетевой полиморфный гипертекст, который сочетает лирические записки, мечты, воспоминания, размышления, благодарности, соболезнования автора, фотоотчеты о гастрольных или фестивальных поездках самого Н. Коляды и его театра, выдержки из рецензий критиков, видеозаписи фрагментов спектаклей, гиперссылки на публикации о театре Н. Коляды, анонсы его спектаклей в различных городах России и Европы, и многое другое.

Гипертекстом сетевой дневник писателя становится тогда, когда не только фиксирует события жизни Н. Коляды и его театра, истории персонажей его пьес и спектаклей, но обращается к историям жизни и творчества любимых драматургов режиссера: В. Шекспира, А. Чехова, Т. Уильямса и других; когда творчество самого Н. Коляды и его театра помещается в контекст новостных лент сегодняшнего дня и статей из энциклопедий по Всемирной истории. Сетевой дневник Н. Коляды полон перекрестных ссылок с городскими новостными порталами, ссылок на записи фрагментов спектаклей и сцен из жизни театра на ресурсе You Tube, гиперссылок на различные литературные сайты и энциклопедии, библиотеки.

---

⁴⁰⁸ Гаджиев А. Указ. соч. С.19.

В своем блоге Н. Коляда общается со своими читателями таким образом, что блог интересен и наивному читателю, и любителю творчества Н. Коляды, и специалисту-искусствоведу. Материалы блога Н. Коляды обновляются неоднократно за день, и каждому читателю позволяют ощутить живую жизнь творческой лаборатории большого художника, пережить ощущение совместного проживания судьбы тех проектов, реализацией которых занят Н. Коляда и переживание за судьбу которых художник делает общим со своими читателями. Вовлекая читателей блога в переживание замысла, значимости и сложностей реализации проектов, Н. Коляда вовлекает читателей в орбиту жизни своего театра, позволяет им идентифицироваться как знатокам творчества Н. Коляды, и добрым друзьям его театра.

На примере блога Н. Коляды мы видим, что, блог – это такой текст, записи которого читатель может читать в произвольном избирательном порядке, так что сами читатели придумывают развитие сюжета, добирают и присылают на сайт эпизоды, развитие которых придумывают другие читатели и так до бесконечности. Текст блога развивается гиперссылками, герои множатся, принцип полифонизма реализуется буквально как принцип множества авторских голосов в одном произведении.

Полифоническая интерактивность интернет-литературы делает ее привлекательной и для автора, и для читателя. Такое свойство текстов дает авторам возможность реализовать идею разнонаправленного движения сюжета, которую в книжной литературе пытались воплотить такие писатели, как Борхес «Сад расходящихся тропок», Кортасар «Игра в классики», Павич «Хазарский словарь», Галковский «Бесконечный тупик». Полифонизм и интерактивность интернет-литературы позволяют преодолеть, с одной стороны, кризис авторства, захвативший книжную литературу, когда художник впадает в бесконечность цитации и не может из нее выбраться, а с другой стороны, кризис диалогизма, когда автор не может сказать своего слова и не может надеяться быть услышанным, так как каждый вычитывает из его текста только свое. В традиционной книжной культуре каждый из субъектов традиционного

художественного общения пребывает в своем изолированном внутренне монолитном пространстве, отгороженном от пространства другого системой непроницаемых перегородок, происходит разрушение коммуникативных связей.

Интерактивность и гипертекстуальности как способ существования интернет-литературы дают возможность описать все логически возможные варианты развития сюжета и пройти все возможные варианты решения ситуации экзистенциального выбора, сделав ситуацию открытой и актуальной для каждого читателя, поскольку он сам выбирает сюжет (пост), задает параметры языка (выбирает фототекст, видеотекст, или традиционный вербальный текст) в виртуальном мире. Время в интернет-литературе не нужно оборачивать вспять, чтобы встать на точку зрения Другого, как вынужден был делать в «Расемоне» Акиро Куросава. Интернет позволяет читателю одновременно следить за записями, которые автор делает on-line в реальном времени и за теми записями, которые были сделаны на протяжении истории ведения блога. Это привлекает в интернет-литературу не только дилетантов и графоманов, но и писателей, смело экспериментирующих с художественной формой, таких как Б. Акунин или Т. Толстая.

Множественность авторов, полифонизм и интерактивность интернет-литературы актуализируют вопрос о том, возможны ли авторские интонации в интернет-литературе? Интернет-среда являет на сегодня наглядный пример бескрайнего демократизма, где открывать свои сайты и размещать на них какие угодно тексты, независимо от их реального качества может любой: авторитетный, институализированный писатель или критик (Проханов или Курицын), графоман, критик-самоучка и т.д., поскольку такие публикации не проходят редактирования и критики. Однако проблема состоит в другом: как сделать публикацию заметно в интернет-пространстве, если ее автор не является известным, а сама публикация не институализирована и не отрекламирована. Для институализации в рамках интернет-литературы существуют сайты интернет-критики, интернет-архив, форумы литературной «тусовки», которые решают поставленные проблемы.

Самодетельная интернет-критика должна выполнять не только функции раскрутки тех или иных авторов, но и иерархизации литературного интернет-пространства, обозначая, где верх и низ, где литература достойная прочтения и существования, а где – чистое графоманство. Другая грань проблемы авторской интонации – проблема собственности на произведения в пространстве, где нет границ «своего» и «чужого», где коллективные любительские переводы иностранной литературы оказываются лучше официально-признанных и имеющих книжную версию.

Таким образом, мы видим, что авторская уникальная интонация остается атрибутом книжной литературы, где автор единственен. Интернет-литература вводит нас непосредственно в текст, бесконечно длящийся, наполненный системой перекрестных ссылок, пишущийся разными авторами с разных сюжетных сторон. Он может быть просчитан как выборка по ключевым словам, по темам, по авторам. В конечном счете, вся интернет-литература есть единый текст, существующий по единым интернет-законам, который пишут все пользователи, но никто из них не является автором в том смысле, как он понимался в традиционной книжной культуре.

3.2.

Манифестации постграмотного чтения не-сетевых полиморфных гипертекстов

3.2.1.

Постграмотное чтение полиморфного текста в Арт-проекте Кшиштофа Водички: *Projekcja Weteranow Wojennych* (Krakow, 2013)

Другим ярким примером постграмотного чтения является арт-проект Кшиштофа Водички «Проекция “Ветераны войны”». На примере этого проекта мы можем рассмотреть не только вопрос о своеобразии художественной практики постграмотного чтения, но и о том, что собственно делает этот проект художественным, в чем состоит сущность современной художественности как сущностного признака, отличительной особенности современных художественных текстов.

Первое, что определяет поиск так называемой художественности (то есть, сущности современного искусства, которая делает современные продукты художественной деятельности произведениями искусства), это сложившееся в российской эстетической интеллектуальной традиции противопоставление классического искусства и современных арт-практик как искусства и неискусства. По мнению одного из ведущих российских теоретиков современного искусства В.В. Бычкова, искусство закончилось вместе с концом классической культуры, то есть в конце XIX века, и все, что создано в сфере искусства с тех пор, безусловно, является продуктом художественной деятельности или деятельности в сфере искусства, но не является искусством по существу, а является арт-практикой, арт-объектом, арт-проектом, артефактом, но не произведением искусства. Главной причиной, по которой В.В.Бычков отказывает актуальному искусству в его художественности, является отсутствие в таком искусстве ценностного Абсолюта и ценностного измерения. Согласиться с такой точкой зрения не представляется возможным.

Второе, что, помимо принципиального отказа современным арт-практикам в статусе искусства, проблематизирует поиск сущности современного искусства, это возникновение новой социокультурной ситуации постграмотности, в которой происходит пересмотр традиционной художественно-коммуникативной системы: автор – произведение – читатель. В ситуации постграмотности автор растворяется в языке и дискурсе, мультимедийный гипертекст (вне зависимости от его сетевой или несетевой природы) становится доминирующим типом востребованных текстов в культуре, читатель принимает на себя функции автора, комментатора,

редактора и издателя, становится всеми теми, кто конструирует и рецензирует текст.

Третье, что определяет интерес к проблеме художественности – это социальная и экономическая ценность создаваемых художественных продуктов в культуре потребительского общества, поскольку они, как и все другие предметы потребления, важны для потребителя своими статусно-престижными свойствами. Их способность утверждать высокий социальный статус потребителей достаточно часто в сознании обывателя связана с ценой, которую заплатили за тот или иной художественный продукт. Вместе с тем, актуальные произведения социальной направленности достаточно часто являются принципиально некоммерческими произведениями искусства и не предназначены для продажи. Потребитель в современном обществе сторонится бесплатного художественного продукта в открытых публичных пространствах как «бесплатного сыра в мышеловке» или «черт ладана».

Между тем проблема современной художественности – это не только академическая проблема категориального аппарата современной эстетики, который позволил бы на адекватном современном арт-практикам языке делать научные описания и прогнозировать тенденции художественного развития, но прежде всего проблема актуального искусства, которое постоянно находится в поиске новых и действенных художественных приемов вовлечения, удержания и программирования внимания реципиентов к своим проектам.

Проблема современной художественности, таким образом, это проблема научной категории, художественной творческой деятельности и художественного восприятия.

Соответственно, ученые-философы пытаются разрешить эту проблему на уровне выведения категорий. Художники пытаются определить, что такое современная художественность непосредственно в процессе арт-практики.

Такие художники, как К. Водичка, который является профессором Центра передовых визуальных технологий в Массачусетском технологическом институте, а также профессором искусства, дизайна и социальных сетей в Высшей школе

дизайна в Гарварде, сочетают поиск художественности в арт-практике с преподаванием основ теории художественности практикам искусства и дизайна.

В качестве одного из участников 19 Международного Конгресса по эстетике в Кракове, Кшиштоф Водичка прочел доклад с мультимедийной презентацией о своем творчестве и представил проект *Projekcja Weteranow Wojennyach*, который явился квинтэссенцией поиска современной художественности практикующим теоретиком актуального искусства.

Проект К. Водички был представлен на Главной Торговой площади польского города Кракова. По технике исполнения это был видео-арт проект, но сам К. Водичко назвал свой проект *text-and-sound show* (текст-и-звук шоу) и в этом принципиальное художественное своеобразие проекта. По своей природе данный проект соединил художественную выразительность графически-визуальной, музыкально-звуковой и свето-проекционной природы, то есть проект был сделан на основе мультимедийного и полиморфного текста.

Как и другие проекты этого автора, данный был включен в насыщенное городское пространство, становясь тем самым несетевым художественным гипертекстом, которые определяют тренд развития современной художественности и современного постграмотного чтения. Как утверждает один из теоретиков современного искусства, проект приобретает свою художественность только в том случае, если возникает контрапункт между проектом, его содержанием и формой и тем множественным контекстом, в котором он осуществляется⁴⁰⁹.

Городское пространство, в котором проецировался проект «Ветераны войны» само является многообразно и многоуровнево смыслонасыщенным гипертекстом, что придает гипертекстуальность проекту К.Водички тоже.

Прежде всего, Главная Торговая площадь Кракова – это пространство, насыщенное историческим контекстом. Эта площадь сформировалась в XIV – XVI веках и была свидетелем всех значительных исторических событий в

---

⁴⁰⁹ См.: Кантор М. Бунт официанта // Эксперт. 2013. № 30/31. С. 62-65.

Кракове, Королевстве Польском и Восточной Европе на протяжении семи столетий. Все войны, революции, эпидемии, прошли европейскими торговыми путями и побывали в Кракове. Свидетельством этому многочисленные архитектурные и скульптурные памятники площади: Базилика святой Марии, памятник поэту А. Мицкевичу, Суконные Торговые ряды, Церковь святого Альберта и т.д.

С каждым из этих памятников связана информационная насыщенность контекста – пространство площади насыщено афишами, вывесками, рекламными баннерами, наружной и входной рекламой, религиозными росписями, памятными мемориальными плитами, логотипами, туристическими указателями и т.д.

С историческими памятниками на Центральной торговой площади соседствует огромное количество магазинов, обменных пунктов, около 750 кафе и ресторанов, что создает для арт-проекта насыщенный контекст потребления.

Пространство Центральной Торговой площади Кракова насыщено также и эстетическим контекстом. Его образуют и историческая брусчатка площади, и архитектурные детали зданий, образующих площадь, и цветы и клумбы на площади, и музыка уличных музыкантов, и пестрые одежды площадной толпы, и многоязычие звучащей над площадью речи.

Также пространство Центральной Торговой площади оформлено множеством памятников классической художественной культуры и современных арт-объектов: архитектурный ансамбль площади и каждого из образующих ее зданий, скульптурные детали архитектурных сооружений и самостоятельно стоящая классическая и современная городская скульптура, полотна музея классической польской живописи XVIII – XIX веков и религиозные росписи на стенах старинных зданий.

Это пространство изначально и полифоническое в своей культурной насыщенности, и интертекстуальное, поскольку между различными историческими и художественными памятниками идет непрерывный диалог, и гипертекстуальное, поскольку каждый отдельный памятник представляет собой особый культурный текст.

В этом полифоническом, интертекстуальном и гипертекстуальном пространстве осуществлялся арт-проект К. Водички. Как проект видео-арта, он включает три обязательных элемента: проекционное оборудование, проекционную поверхность и проецируемое изображение.

В качестве проекционной машины использовалась военная машина защитной раскраски с проектором на месте пулеметной или зенитной установки на крыше автомобиля. Автомобиль был выставлен на площади задолго до начала проекта и выступал на протяжении этого времени в качестве самостоятельного арт-объекта, вокруг которого собирались мальчишки, фотографировались туристы и т.д.

В качестве проекционной поверхности была выбрана краснокирпичная стена Часовой башни Главной Торговой площади города Кракова. Башня поднимается над площадью на 70 метров и видна со всех сторон площади. Башню венчают средневековые часы, ведущие отсчет времени, начиная с XV века.

Часы отсчитывают время по кругу, и это является зримым символом непреходящей актуальности проблематики проекта К. Водички «War Veteran Projection». Войны и их жертвы – явление, постоянно повторяющееся в историческом времени человечества.

Как говорит К. Водичко, для его проектов особую значимость имеет тема «Ветеранов войны», которой он неоднократно посвящал свои проекционные проекты: в Денвере (2008), в Бостоне (2009), в Нью Йорке (2009), в Ливерпуле (2009), во Вроцлаве (2010), в Варшаве (2010), в Эйндховене (2011), в Нью Йорке (2012)⁴¹⁰. При этом сам автор подчеркивает, что его проекты по замыслу имеют принципиально антивоенный характер, поэтому он исключает любые художественные и технические детали, которые могли бы каким-то косвенным образом героизировать и популяризировать войну и ветеранов войны. Для К. Водички принципиальной исходной и смыслообразующей мыслью является понимание ветеранов и их жен как жертв войны.

---

⁴¹⁰ Wodiczko K. The War Veteran Projection. URL: <http://www.mocak.pl/projekcja-weteranow-wojennych-krzysztofa-wodiczko-na-krakowskim-rynku>

Именно для достижения антивоенного смысла К. Водичко отказался от визуального изображения ветеранов войны и их жен в своем проекте. Он считает, что любое изображение ветерана, вне зависимости от того, могучим богатырем в орденах или инвалидом-ампутантом в лохмотьях, героизирует образ ветерана войны, и его жизнь в любом случае является примером военного подвига для молодых. Поэтому К. Водичко свел визуальную изобразительность к минимуму – на краснокирпичную стену часовой башни проецируются исключительно тексты. Это тексты монологов ветеранов и их жен.

Проецируемые строки были набраны шрифтом, лишенным каких-либо украшений: это был строгий и лаконичный Arial MS. Выравнивание проецируемых строк осуществлялось от центра. Центр строки совпадал с центром циферблата башенных часов. Это еще раз подчеркивало, что все историческое время вращается вокруг войн и их жертв.

Другой причиной, по которой К. Водичко отказался от визуальной изобразительности портретов ветеранов и их жен, является эффект визуальной персонификации героев, которая происходит в случае проекции портретов. Портреты, по мнению К. Водичко, придают ветеранам и их женам конкретный и узнаваемый индивидуальный визуальный облик тех лиц, которые участвуют в арт-проекте.

Отказ от визуального портретирования персонажей лишает их внешность и слова персонификации и придает текстам анонимность и одновременно всеобщность. Словесно-текстуальное портретирование, существующее отдельно от лиц, принадлежит не персонально и отдельно каким-то конкретным ветеранам и их женам, конкретным жертвам войны, а всем ветеранам и всем женам ветеранов, всем тем, кто пережил войну в своей жизни и кто волей-неволей попал в соавторы и/или соучастники этого проекта, потому что светящиеся и звучащие слова могли бы принадлежать любому из тех людей, которые оказались во время проекта на площади.

Всеобщность и анонимность звучащих и светящихся текстов отвечает еще одной установке современной художественности и ситуации постграмотного чтения – проблематизации и/или отрицанию фигуры Автора.

Выстреливающий короткими очередями, по две строки, текст, в котором чередуются отрывки, произносимые мужскими и женскими голосами, принадлежащими ветеранам и женщинам ветеранов, принципиально анонимен. В любом фрагменте текст может быть дополнен любым из слушающих и читающих. Авторство текстов не принадлежит никому из эксплицитных авторов – в буклете нет указания на чье-либо персональное или коллективное авторство этих текстов.

Имплицитный автор присутствует в звучащем и проецируемом тексте в виде правил формообразования (конструирования) текста и в виде инструктора смыслообразования текста⁴¹¹. Имплицитный автор не совпадает с биографическими авторами высказываний: реальными ветеранами и женами ветеранов, наговоривших свои монологи. Среди монологов есть такие, которые произнесены от лица погибших, погибающих в бою, не вернувшихся с войны бойцов. Принципиальная разноголосость текстов, свобода от авторской производящей воли и многообразие способов самопрезентации персонажей в текстах позволяют нам говорить о внутренней полифоничности⁴¹² текстов данного проекта.

Свето-звуковая проекция текста чередуется со звуками автоматной стрельбы. И это два главных смыслопорождающих элемента художественной проекции в данном проекте: звучащие и высвечивающиеся слова монологов воспоминаний ветеранов и их жен и звуки стрельбы.

Звуки автоматной стрельбы в данном проекте выступают не только в качестве музыкально-шумового сопровождения текста – они должны вырвать обывателей, оказавшихся во время проекта на площади из их обыденных повседневных занятий, которые послужили поводом быть на площади. Кто-то там живет, кто-то работает, кто-то пришел посмотреть памятники истории и архитектуры, кто-то

⁴¹¹ Компаньон А. Демон теории: литература и здравый смысл. Москва, 2001. С.176.

⁴¹² См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва, 1972.

пришел послушать уличных музыкантов, кто-то пришел в музей истории средневекового Кракова, кто-то пришел в музей польской классической живописи XVIII – XIX веков, кто-то пришел в кафе попить пива, съесть пиццу или легкий десерт, кто-то из прихожан пришел в городской собор помолиться, кто-то пришел на шопинг в Торговые ряды. Лишь немногие специалисты пришли для того, чтобы участвовать в проекте. Сделать из всех этих людей зрителей, читателей, слушателей этого проекта призваны были звуки автоматной стрельбы. Звуки стрельбы должны перекрыть многочисленные и яркие звуки праздничной площадной повседневности и вовлечь обывателей, оказавшихся на площади, в восприятие данного проекта и погрузить в трагическую и жертвенную атмосферу переживания войны.

Насколько неожиданными были для людей, оказавшихся во время проекции проекта на Главной Торговой площади благополучного европейского города Краков теплым июльским вечером, звуки автоматной стрельбы, тем более неожиданными были ритмично звучащие, трагические тексты, раздающиеся мужскими и женскими голосами над площадью.

Проецируемые и звучащие тексты, выстреливались сериями по две строки. Это задавало определенный ритм всему действию. Рваный ритм проекций контрастировал с плавностью и текучестью обычной речи обывателя.

Где-то это были связные тексты. Где-то принципиально рваные и дисперсные. Внутри строки текст мог быть связным, мог быть бессвязным и рассеянным. Текст мог звучать от первого лица выжившего или погибшего ветерана, или от первого лица его жены, провожающей на войну, ждущей мужчину с войны, отчаявшейся встретиться вновь, вдовы, оплакивающей несостоявшуюся жизнь и любовь. Тексты передавали не только личные ощущения войны, но и оценки общественного отношения к войне, и безличные наблюдения войны: «...the soldier is for killing // and he kills himself at war...»⁴¹³.

---

⁴¹³ Wodiczko K. The War Veteran Projection. URL: <http://www.mocak.pl/projekcja-weteranow-wojennych-krzysztofawodiczko-na-krakowskim-rynku>

Проецируемый текст для чтения, выстреливаемый по две строки, обладал особой графической выразительностью. Строки были написаны строчными буквами, что делало все строки равноправными, отсутствие иных знаков препинания, нежели знаки вопроса, делало эти строки вопрошающими от первой до последней строки. Вопрос женщины,ждавшей возвращения своего мужа с войны: «...who are you?.. // are you still my husband? // am I still your wife?»⁴¹⁴, адресован всем обывателям, отдыхающим на площади, и провоцирует их на недовольство и войной, и этой женщиной, и ее обращением к ним. Более всего провокативная роль вопросов состоит в том, что обыватель не только слышит их над площадью, но и считывает со стены Часовой башни, то есть проговаривает, а если сидит в ресторанчике на площади, то еще и пережевывает. Все они нацелены на самопознание и самоопределение, к чему обыватель с бокалом пива не склонен теплым июльским вечером в благополучном Кракове. Но тем сильнее недовольство войной, и теми, кто разжигает войны, что становится главным социальным эффектом, достигнутым проектом К. Водичко.

Как мы видим на примере данного проекта, отличительными чертами современной художественности являются следующие:

1. Осуществление проекта в открытом и публичном историческом городском пространстве, насыщающее проект гипертекстуальным контекстом;
2. Сознательная установка художника на вовлечение⁴¹⁵ обывателя в восприятие проекта помимо его воли, навязывание художественного события точно просчитанными средствами художественной выразительности релаксирующему уму обывателя;
3. Опора на традиционные художественные практики восприятия искусства, такие как чтение, в их новой модификации постграмотного чтения полиморфных несетевых гипертекстов. В качестве основного средства художественного вовлечения реципиентов использовался

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Berleant A. Aesthetic Engagement //19th International Congress of Aesthetics: Aesthetics in Action. Krakow, 2013. P.10

высвечивающийся проецируемый и озвученный текст, обращенный как к вербально-зрительному, так и к вербально-аудиальному восприятию. Визуализированный и озвученный текст в проекте принципиально безличен, анонимен и всеобщ, не имеет авторства и может быть продолжен, дополнен любым из реципиентов.

В качестве дополнительного средства художественного вовлечения использовались музыкально-шумовые эффекты в виде звуков автоматной стрельбы.

Отличительной чертой современной художественности является также использование одновременно визуально-графических, музыкально-шумовых и свето-проекционных эффектов, что делает проект полиморфным, синтетическим произведением.

Другой яркой чертой современной художественности является социально-политическая ориентация партисипационного искусства⁴¹⁶, вовлекающего реципиента в активное участие в представленном проекте, возбуждающее воспоминания, продолжающие ряд монологов безличных персонажей проекта. В данном случае, это антивоенная и антифашистская направленность проекта, его критически-провокативное звучание по отношению к милитаристской и моноцентричной политике, не соответствующей требованиям развития современного многополярного и меняющегося мира.

В этом смысле проект К. Водички никак нельзя назвать не имеющим ценностной основы и ценностного Абсолюта. Этот Абсолют носит светский характер, но он присутствует в данном проекте и обращается ко всем, кто был его свидетелем и\или участником. В этом смысле проекту нельзя отказать в художественности не только в связи с силой воздействия, но и в связи с внятностью воплощенных ценностных установок.

Принципиальное отличие современной художественности, продемонстрированное в данном проекте, от художественности классического

---

⁴¹⁶ Kelly M. Participatory Art; Ethics and Politics // 19th International Congress of Aesthetics: Aesthetics in Action. Krakow, 2013. P.27-28.

искусства состоит в следующем: отсутствие навязанной авторской воли, отсутствие эксплицитного автора проецируемого текста, принципиальная открытость и незавершенность текста, его полиморфный и гипертекстуальный характер, отсутствие исходной потребности реципиента в восприятии произведения, наоборот, программируемое художником вовлечение обывателя в арт-проект, преобразование обывателя в идеального читателя, ярко выраженная социально-политическая провокативность проекта.

3.2.2.

Постграмотное чтение пиктографического письма в Арт-проекте «LOGOGLYPHS» Eduardo Кас, 2006-2013...

Особым случаем постграмотного несловоцентричного чтения в современном искусстве является проект «LOGOGLYPHS» Э. Каса. Арт-проект «LOGOGLYPHS» был представлен американским художником Э. Касом в качестве одного из событий, сопровождавших 19 Международный Конгресс по эстетике: «Эстетика в действии» в Галерее Современного Искусства (Bunkier Sztuki Gallery of Contemporary Art) в городе Краков в Польше.

Проект интересен, прежде всего, характером представленных работ, тем, как существует и развивается современное пиктографическое письмо и чтение, какие возможности креативности и рецепции оказываются востребованными и какие художественные и культурные эффекты при помощи задействованных художественных изобразительно-выразительных средств достигаются.

Арт-проект «LOGOGLYPHS» представляет из себя серию пиктограмм и анимограмм, выполненных на основе рисунка зеленого кролика («my green-

glowing transgenic bunny»), созданного художником Альба в 2000 году и экспонировавшегося на многочисленных выставках и в каталогах по всему свету. Серия работ Э. Каса берет начало в 2006 году и включает произведения графики, гравюры, скульптуры, живописные полотна, анимацию, а также работы, созданные специально для визуализации в Google Earth⁴¹⁷.

Как утверждает Э. Кас, его проект, представленный в Кракове – это серия графических и анимационных работ, изобретающих и развивающих современные формы письма на основе графических изображений зеленых зайцев и кроликов. В проекте представлены как первоначальные одиночные изображения, так и изображения, объединенные в группы, и в орнаментальные рисунки.

Одиночные изображения кроликов, равно как и отдельные изображения групп кроликов, автор называет пиктограммами.

Как говорит Э. Кас, пиктограммы, входящие в проект «LOGOGLYPHS», – это своеобразный неалфавитный, небуквенный визуальный язык. Основой его являются визуальные символы зеленого кролика Альбы и композиции, которые на основе его изображений можно составить. Эти пиктограммы зеленого кролика представляют передаваемый при помощи его изображений смысл иначе, чем слова, написанные или произнесенные про зеленого кролика. Свободные от букв, шрифтов и фонетических символов, свободные от силлабических и логографических значений, «LOGOGLYPHS» функционируют, используя изобразительные и выразительные возможности жестов, объема, фактуры, через сопоставление, наложение, прозрачность/замутненность, свет/темноту, последовательность и порядок чередования изображений. Все это соединяется в беззвучные и многообразные рукотворные изображения записей, структурированные при помощи визуального композиционного единства, которое смыслонасыщенно многообразнее, чем ограниченные и определенные эксплицитные значения вербального описания при помощи алфавитного письма.

---

⁴¹⁷ Кас Е. Logoglyphs: Mark and Meaning // Bunkier Sztuki Gallery of Contemporary Art. URL: www.bunkier.art.pl

Составленные из двухцветных каллиграфических групп (один кролик зеленый, другой черный) пиктограммы в «LOGOGLYPHS» визуализируют процесс рождения нового рисуночного письма подобного клинописному письму, иероглифической орфографии, идеографии. Значения смысловых групп кроликов намеренно вибрируют между монореференциальными значениями (всегда присутствует и в тексте, и в смысловой референции зеленый кролик Альбы) и полисемантическими примерами авторского визуально-графического письма или языка.

Полисемантичность пиктографического письма связана с тем, что каждая из пиктограмм зеленого кролика или группы кроликов отсылает читателей этой пиктограммы к богатому культурному и в том числе, литературному контексту, связанному с образами зайцев и кроликов в индивидуальном читательском коде, при помощи которого декодируется предлагаемый текст. Для русского читателя это образы фольклорного «косого», «зайца-хвасты», музыкально-кинематографического «зайцы косят траву...», литературных зайцев деда Мазая, «североамериканского кролика-зануды» из спектакля «День Радио», кроликов из спектакля «Быстрее, чем кролики» Квартета «И», кроликов отца Федора из романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, или молекулярных зайцев с картин Игоря Коновалова и т.д. Для британского читателя – это Белый Кролик Льюиса Кэрролла из «Алисы в стране чудес» и кролик из «Винни-Пух и все-все-все». Для американского читателя – Кролик из сказок дядюшки Римуса и Кролик Роджер. Для космополитического начитанного читателя – это контекст самых разных народных сказочных героев, литературных, живописных, анимационных и кинематографических персонажей.

В конечном счете смысл каждой кроличьей пиктограммы требует читательской расшифровки и декодирования. Каждый читатель, имеющий свой собственный смысловой код, наделяет изображения своим особым смыслом. В результате семантика пиктограмм для каждого читателя будет различной, но каждый раз верной. Потому что это истина интерпретации, в множестве которых одна дополняет другую.

По мнению художника, представленная им в Кракове серия пиктографических работ предназначена не столько для визуального восприятия, скользкого по поверхности знаков, сколько для чтения, то есть погружения в расшифровывание значений, рождаемых пиктографическими изображениями.

Пиктограмма в оформлении интерфейса гаджетов сегодня – это не только рисунок, это не только определенный текст, передаваемый изображением, но и определенная программа действий (сортировать, редактировать, вырезать, вставить, удалить). Пиктограмма – это текст, открывающий возможности создания бесконечного множества других текстов.

Вопрос о том, чем являются орнаментальные рисуночные изображения Э. Каса – текстами для внешнего созерцания, что характеризует восприятие пространственных искусств или текстами для чтения и интерпретации, что относится к письменным текстам временных искусств – мы можем разрешить, опираясь на исследования в области морфологии орнамента.

Для орнамента характерны такие сущностные характеристики, как ритмичность (метричность), что роднит его с поэзией и с музыкой, композиционность, присущая всем искусствам, и визуальная декоративность, позволяющая увидеть в орнаменте черты пространственных искусств⁴¹⁸. «Композиционный принцип построения проявляется в орнаментах, заполняющих пространство плоскостное, где подчеркивается, как правило, центр (центры), периферия (той или иной степени), углы (если они есть), или создается “мифологизированный образ” иного, нежели исходный, пространства и материала»⁴¹⁹.

Рисунки кроликов Э. Каса носят не только одиночный, но и орнаментальный характер. Зеленые и черные кролики повторяются, чередуются, переворачиваются, кувыркаются, скачут в определенном направлении и ритме. В плане композиции они оформлены как изобразительно-декоративный орнамент со

⁴¹⁸ Синцов Е.В. Орнамент как метаязык хронотопических представлений культуры (К развитию одной идеи И. Канта). URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/phy1/199930507.html>

⁴¹⁹ Синцов Е.В. Природа невыразимого в искусстве и культуре. Казань, 2003. С. 12.

скоплениями изображений в центре и расходящимися разнонаправленными сужающимися дугами из кроличьих изображений на периферии. С композиционностью орнаментальных изображений тесно связана и их внешняя декоративность. Пиктографический орнамент Э. Каса не просто располагается, разворачивается в естественных или виртуальных экранных пространствах, но он безусловно не только организует, но и украшает эти пространства. Такой орнамент предназначен для внешнего созерцания.

Ритмический принцип организации орнамента основан на «ощущении части как отрезка времени, необходимого для перемещения в пространстве»⁴²⁰ рукой или глазом. Это роднит, в том числе, и кроличий орнамент с произведениями временных искусств, в частности, поэзии, где фонемы - слоги также организованы орнаментально в слова и строки. Сам Э. Кас называет ритмически организованные в пространстве орнаментальные рисунки кроликов биопоземами или голограмм-поэмами.

Сочетание в орнаментальных изображениях кроликов композиционных, ритмических и декоративных принципов организации предполагает двойственный механизм восприятия: их можно и разглядывать как произведения пространственных искусств, и читать как произведения литературно-поэтического творчества. Соответственно, данные работы можно и созерцать, и разглядывать, и читать, что непривычно для современного европейского глаза, но издавна характерно для традиции китайской живописи, где «живописец – это не столько рисовальщик, сколько писатель и каллиграф»⁴²¹. А потому его произведения носят и пространственный, и временной характер одновременно: и рисунка для рассматривания, и текста для чтения.

Визуальный язык серии работ «LOGOGLYPHS» намекает на значения создаваемой визуальности, но требует при своем прочтении внимательной читательской интерпретации. «Эта серия работ, – как пишет Э. Кас, –

⁴²⁰ Синцов Е.В. Природа невыразимого в искусстве и культуре. Казань, 2003. С.13.

⁴²¹ См.: Hongbao Niu. Table Painting and Easel Painting: A Cross-cultural Analysis Between Chinese and West Painting // 19-th International Congress of Aesthetics. Aesthetics in Action. Krakow, 2013.

контрапункт для завесы дискурсов, вырабатываемых разумом сквозь, для и вокруг “my green-glowing transgenic bunny” художника Альба»⁴²².

В проекте «LOGOGLYPHS» соединены многообразные формы и различные способы представления нового пиктографического письма на основе только лишь одного исходного изображения «зеленого кролика Альбы». Таким образом, данный проект – это одна из репрезентаций совершенной формы полисемантического рисуночного пиктографического письма или зашифрованного, закодированного беззвучного визуального языка.

Проанализировав манифестации читательских позиций в поле современного постграмотного чтения, делаем следующие *выводы по третьей главе*.

Читательские предпочтения и в сфере бумажного чтения, и в сфере экранного чтения лежат в сфере полиморфных гипертекстов. Репрезентативными примерами таких манифестаций являются сетевые дневники В. Белоцерковской, Н. Коляды, Т. Толстой, И. Хакамады, Э. Хромченко, Т. Юмашевой.

Полиморфные несетевые гипертексты также манифестированы арт-проектами К. Водички и Э. Каса. Полиморфность этих текстов является следствием их художественной композиции. Во внутреннем строении текстов сочетаются визуальные и вербальные элементы, а тексты визуальных поэм Э. Каса, благодаря своей орнаментальности, существуют одновременно по законам и визуального текста для разглядывания, и вербального текста для чтения.

Их гипертекстуальность связана с погружением полиморфных текстов в общемировой культурный и художественный контекст, который насыщает эти тексты дополнительными смысловыми коннотациями.

Данные тексты манифестируют не только читательские предпочтения в поле современного постграмотного чтения, но по закону гомологии также характеризуют и самих читателей – их навыки полиморфного, синтетического, многоканального восприятия и одновременной интерпретации считываемого

---

⁴²² Кас Е. Logoglyphs: Mark and Meaning // Bunkier Sztuki Gallery of Contemporary Art. URL: <http://www.bunkier.art.pl>

содержания, навыки интерактивного и мультимедийного взаимодействия с текстом, при котором именно читатели становятся инстанцией, руководящей становлением смысла произведения, теми самыми архичитателями, которые конструируют смысл текста по тем инструкциям, которые несет для декодирования сам текст.

Вследствие этого к читателю переходят те конструирующие смысл, грамматику и дискурс текста функции, которые в традиционной книжной культуре всегда принадлежали автору. Именно в этом *превращении читателя в автора состоит онтологический сдвиг*, суть которого – в *изменении способов существования читателя* и его взаимодействия с текстом.

Тем самым избранные в качестве примеров произведения манифестируют яркие примеры практик постграмотного чтения.

Заключение

Исследование, начатое с целью опровергнуть тезис о «кризисе чтения», проделало длительный путь развития. Исходным теоретическим пунктом исследования явилось следование *системно-культурологическому подходу* к анализируемому феномену чтения, в традиции, определенной М.С. Каганом, А.Ф. Еремеевым, Л.А. Заксом, Т.А. Кругловой. Вслед за М.С. Каганом мы рассматривали культуру в триединстве ее субъект-субъективной (человеческой), функциональной и объект-объективной (предметной) модальности. Для нас данные модальности в отношении чтения проявлялись как грамотность (характеристика культуры чтения со стороны качественных характеристик субъекта) – практики (особенности культуры чтения с точки зрения ее функциональной организации) и манифестации (своеобразие культуры современного чтения с точки зрения ее предметов). Это определило общую логику работы, организованную в трехчастной форме.

Первая глава была посвящена анализу чтения с точки зрения субъект-субъективной стороны культуры: введению такого параметра анализа феномена современного чтения как постграмотность. Постграмотность – это одновременное существование всех форм грамотности, письма (рисуночного, знаково-символического и сенсорного), а также способов их трансляции, сформировавшихся в истории культуры с доминантой мультимедийной грамотности.

Культура в эпоху постграмотности – это часть культуры модерна, характеризующаяся на уровне универсальных носителей информации полиморфными сетевыми и не-сетевыми гипертекстами, на уровне технико-технологических средств трансляции информации – наличием цифровых, электронных гаджетов, на уровне субъектов культуры – мультиперсональной

идентичностью, на уровне отношения субъектов культуры к текстам, содержащим культурную информацию – полифункциональным отношением.

Постграмотное чтение – это особый тип чтения, основанный на полиморфизме текстов, на мультимедийном суперхайвее как основном канале трансляции текстов и на смешении всех способов чтения: визуального, аудиального и сенсорного.

Постграмотное чтение как социально-коммуникативная подсистема современной культуры обладает следующими сущностными отличительными признаками.

Первым сущностным отличительным признаком является утрата автором авторитета в создании языка, на котором он пишет свои тексты, в создании грамматики этого языка и грамматики созданного им текста, а также в определении параметров грамотности читателя.

Вторым сущностным отличительным признаком является появление полиморфных мультимедийных сетевых и несетевых гипертекстов, а также их доминирование в качестве востребованных продвинутыми читателями-пользователями текстов для чтения.

Третьим сущностным отличительным признаком является рождение нового типа читателя. Новый читатель осуществляет функцию не только свободного дрейфа-выбора текстов для чтения и их интерпретации, но и деконструкцию оппозиции автор-читатель в отношении к тексту, самостоятельно и творчески осуществляет функцию конструирования текстов, их комментирования, редактирования и наделения смыслом. По преимуществу это так называемый «виртуальный читатель», читающий тексты с экранов гаджетов или экранные проекции текстов в гипертекстуальное культурное пространство.

Таким образом, постграмотность как культурный феномен – это *одновременное сосуществование и востребованность всех форм информационно-коммуникативной грамотности*, выработанных на протяжении истории культуры к настоящему моменту, включая грамотность в отношении языков культуры, грамотность в отношении использования медиа, грамотность создания и

восприятия текстов культуры. Постграмотность как характеристика человеческой модальности культуры – это культура созидания и освоения многообразных текстов на основе традиционных и современных средств воплощения и передачи информации. Постграмотное чтение – это социокультурная система практик извлечения значений и смыслов из совокупности разной природы знаков в мультимедийных сетевых и полиморфных не-сетевых гипертекстах культуры.

Эпоха постграмотности – это культурно-исторический отрезок времени, границей которого стал *системный сдвиг социокультурных качеств чтения и, как следствие, качеств субъектов культуры*. Эпоха постграмотности характеризуется различными сферами реализации грамотности (лингвистическая, визуальная, телевизионная, медийная) и продуктами грамотности (книга, фильм, танец, статистическая таблица, электронное табло, диаграмма, и прочее). В плане социальной прагматики это означает *эффективный доступ к социально значимой информации*, когда способность к обработке и освоению многоканальной информации становится важнейшим квалификационным качеством субъекта культуры.

Во второй главе был проанализирован феномен постграмотного чтения в методологии практик, сначала рассмотрен на фоне современной российской культуры в ее информационном и потребительском аспектах. Были выявлены факторы, определившие изменение отношения к чтению и его функционированию в современном российском обществе. Затем были выделены существенные признаки, определяющие морфологическую структуру современного чтения (язык – текст – медиа – социокультурные функции), а также были проанализированы морфологические особенности актуальных практик постграмотного чтения. Наконец, была рассмотрена социально-организующая практика современного чтения в таких аспектах как ценностный, идентификационный, коммуникативный и институциональный.

Сущность трансформации культурных практик чтения, их содержания и роли в эпоху постграмотности раскрывается в совокупности нескольких аспектов:

- переход от преимущественно книжного, газетного и журнального чтения к чтению экранному и мобильному;
- изменение задач социального продвижения на задачи социального самоопределения;
- дополнение функций образования креативным трудом и развлечениями,
- трансформация идентичностей: от устойчивых идентичностей к ускользающим и постоянно конструируемым,
- уход от патриархатных ценностей логоцентризма к полиморфизму;
- усложнение социокультурного фона чтения формирование разнообразия досуговых практик;
- конкуренция чтения с практиками просмотра телепередач;
- параллельное развитие чтения с креативным трудом, общением и развлечением с использованием компьютерной техники;
- поддерживающее и поддержанное развитие путешествиями и их описаниями.

В результате анализа практик современного чтения и с точки зрения социокультурного фона, и с точки зрения их раскрывающих способностей, была создана эмпирическая модель практик современного постграмотного чтения, описывающая окказиональные, служебные и досуговые практики чтения.

Третья глава была посвящена выявлению особенностей предметной стороны современной культуры чтения состоящих в манифестации практик чтения сетевых и не-сетевых полиморфных гипертекстов в современной культуре. В качестве манифестаций нового современного чтения были рассмотрены тексты, не относящиеся к художественной литературе. Это позволило наглядно продемонстрировать, что новые формы полиморфных и мультимедийных гипертекстов: сайты, блоги, арт-проекты требуют новых форм грамотности и являются новыми по уровню и характеру востребованных навыков субъекта чтения, и по своему технико-технологическому и информационно-программному обеспечению практиками чтения. Они как раз и манифестируют новое положение

не литературных и не художественных текстов, в реальной практике чтения отстаивающих право быть признанными в качестве текстов для чтения. Было выявлено серьезное влияние мультимедийных гипертекстов на тексты, которые возникают в не-сетевой культуре. Не-сетевые тексты становятся полиморфными и гипертекстуальными.

В результате проделанного исследования чтение выводится из сферы интереса исключительно частных наук, таких, как филология, педагогика, библиотековедение и книговедение, и получает системное культурологическое понимание. На разных уровнях бытия объект-объективной и субъект-субъективной подсистемы культуры оно получает свое определение. Чтение определено (на уровне индивида) как процесс извлечения значений и смыслов из различных текстов культуры, (на уровне подсистем культуры) как способ существования социально-коммуникативной подсистемы культуры, (на уровне культуры в целом) как способ функционирования культуры как текста.

Чтение трактуется в диссертации расширительно, совпадая в пределе со всем множеством способов освоения разнородных и разноплановых текстов. Это открывает перспективу дальнейших исследований субъектных оснований любого типа культуры, обычно представленных в многочисленных исследованиях в виде неопределенных словосочетаний «политическая культура», «правовая культура», «экономическая культура» и т.п.

Более того, данное исследование мы рассматриваем не как завершённое сочинение, имеющее собственное концептуальное видение, но и в качестве исследовательского проекта, открывающего новую исследовательскую область – «культурно-исторический тип постграмотного чтения», связанную и с новыми информационными технологиями, и с новыми культурными матрицами (программами) практик, и с новыми формами социальной организации, и с обновленными в современной культуре системами ценностей.

Список литературы

1. Абросимова Е. А. Дискурсивная модель современного русского интернет-сообщества: к постановке проблемы / Е. А. Абросимова // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 62-68.
2. Автономова Н. Познание и перевод: опыты философии языка / Н. Автономова. Москва : РОССПЭН, 2008. 702 с.
3. Адлер М. Как читать книги. Руководство по чтению великих произведений / М. Адлер. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2011. 344 с.
4. Амьесс Ж. Схоластическая модель чтения / Ж. Амьесс // История чтения в западном мире: от античности до наших дней. Москва, 2008. С. 138-161.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. Москва : КАНОН-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
6. Андреева О. В. Зарубежный опыт пропаганды книги и чтения в интернете / О. В. Андреева // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2012. № 2. С. 109-112.
7. Антология концептов. Т. 2 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. 356 с.
8. Архангельская И. Б. Герберт Маршалл Маклюэн: от исследования литературы к теории медиа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Б. Архангельская ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва : [б. и.], 2009. 46 с.
9. Аскарова В. Я. Изучение читателей в контексте социальной и культурной ситуации [Электронный ресурс] / В. Я. Аскарова. – Режим доступа: http://www.lib.csu.ru/vch/2/2000_01/010.pdf (дата обращения: 14.09.2013).
10. Аскарова В. Я. Изучение читательской моды как средство совершенствования руководства чтением художественной литературы : дис. ... канд. пед. наук / В. Я. Аскарова ; Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Ленинград : [б. и.], 1984. 251 с.
11. Аскарова В. Я. Развитие взглядов на моду в чтении: от эстетико-педагогического подхода к междисциплинарному / В. Я. Аскарова // Вестник

Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. Т. 30, № 2. С. 74-82.

12. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика в сети интернет / А. П. Атягина // Вестник Омского университета. 2012. № 4. С. 203-208.

13. Баженова Е. А. Блог как интернет-жанр / Е. А. Баженова, И. А. Иванова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 125-131.

14. Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали / П. Байяр. Москва : Текст, 2012. 189 с.

15. Балакина Ю. В. Блоги – новое явление в текстовой лингвистике / Ю. В. Балакина // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 100-103.

16. Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен / С. Баньковская // Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. Москва, 2001. С. 5-16.

17. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. Москва : Прогресс : Универс, 1994. 616 с.

18. Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. Москва, 1994. С. 384-391.

19. Барт Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. Москва, 1994. С. 462-518.

20. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман. Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2008. 238 с.

21. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Работы 1920-х годов / М. М. Бахтин. Киев, 1994. С. 69-255.

22. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. 3-е изд. Москва : Художественная литература, 1972. 468 с.

23. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. Москва : Искусство, 1979. 423с.

24. Беловицкая А. А. Книговедение. Общее книговедение : учебник / А. А. Беловицкая. Москва : МГУП, 2007. 391 с.
25. Беляева Н. Е. Трансформация современных представлений об интернет-читателе как необходимое условие эффективного информационно-библиотечного обслуживания / Н. Е. Беляева // Формирование региональной культурной политики в контексте модернизации образования : материалы междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2014. С. 82-84.
26. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / В. Беньямин. Москва, 1996. С.15-65.
27. Берг М. Литературократия: проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. Берг. Москва : НЛЮ, 2000. 352 с.
28. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. Москва : Academia-Центр : МЕДИУМ, 1995. 323 с.
29. Бланшо М. От Кафки к Кафке / М. Бланшо. Москва : Логос, 1998. 240 с.
30. Бобрикова К. О. Власть, творчество и дискурс в концепции Мишеля Фуко / К. О. Бобрикова // Studia Culturae. 2013. № 17. С. 179-185.
31. Богданова Н. М. Модусы времени в канве визуального текста : к вопросу о «чтении» фотографии / Н. М. Богданова // Mixtura verborum' 2013: время, история, память : философский ежегодник. Самара, 2014. С. 118-130.
32. Бодрийяр Ж. К критике политэкономии знака / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. Д.Кралечкин. Москва : Академический проект, 2007. 335 с.
33. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. Москва : Республика : Культурная революция, 2006. 269 с.
34. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. Москва : Добросвет, 2000. 387 с.
35. Бодрийяр Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр ; пер с фр. А. Гараджи. Москва : Ad Marginem, 2000. 318 с.

36. Болотникова Е. Н. Различание/различение недискурсивных/дискурсивных практик / Е. Н. Болотникова // Вестник Самарского муниципального института управления. 2005. № 3. С. 105-116.
37. Борисова И. Перевод и граница: перспективы интермедиаальной поэтики [Электронный ресурс] / И. Борисова // Toronto Slavic Quarterly : Academic Electronic Journal in Slavic Studies. Режим доступа: <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/borisova07.shtml> (дата обращения: 28.08.2014).
38. Бороздин А. А. Академический университет в 18 веке [Электронный ресурс] / А. А. Бороздин. Режим доступа: bibliofil.ru (дата обращения: 15.09.2013).
39. Борсяков Ю. И. Гипертекст как объект социально-философского анализа / Ю. И. Борсяков, С. В. Коровин // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (263). С. 105-109.
40. Борусяк П. Ф. Чтение «живое» и чтение «мертвое», или Неизбежность вырубki «Вишневого сада» / П. Ф. Борусяк // Библиотечное дело. 2014. № 2. С. 37-41.
41. Браже Т. Г. Традиции развития духовно-нравственной культуры взрослых через самоанализ и самопознание личности в чтении / Т. Г. Браже // Человек и образование. 2012. № 3. С. 76-79.
42. Буганов А. В. О грамотности и чтении русских крестьян XIX – начала XX веков / А. В. Буганов // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 50-57.
43. Булдакова Ю. В. Блог: от текста к книге / Ю. В. Булдакова // Полиграфист. В помощь руководителю и главному бухгалтеру. 2013. № 2 (60). С. 32-38.
44. Бурдые П. Поле литературы / П. Бурдые // Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. Москва ; Санкт-Петербург, 2005. С. 365-472.
45. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые. Москва: Социо-Логос. 1993. 333 с.
46. Бут У. К. Исследование: шестнадцать уроков для начинающих авторов / У. К. Бут ; пер. с англ. А. Станиславского. Москва : Флинта : Наука, 2004. 357 с.

47. Бычков В. В. Гипертекст (сверх-текст) / В. В. Бычков // Лексикон нон-классики. Художественно-эстетическая культура XX века. Москва, 2003. С. 133-134.
48. Бычков В. В. Искусство / В. В. Бычков // Лексикон нон-классики. Художественно-эстетическая культура XX века. Москва, 2003. С. 209-220.
49. Бычков В. В. Эстетические аспекты мультимедийности в искусстве / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Вестник славянских культур. 2011. № 2. С. 24-34.
50. Бычков В. В. Эстетические аспекты мультимедийности в искусстве / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Вестник славянских культур. 2011. № 3. С. 35-46.
51. Вахштайн В. Между «практикой» и «поступком»: невыносимая легкость теорий повседневности / В. Вахштайн // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 1. С. 61-69.
52. Вахштайн В. [Рецензия] / В. Вахштайн // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 3. С. 76-78. Рец. на кн.: Волков В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. Санкт-Петербург, 2008.
53. Вахштайн В.С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира : автореф. дис. ... канд. соц. наук / В.С. Вахштайн ; ГУ – ВШЭМ. Москва, 2007. 25 с.
54. Великая эпоха Просвещения, или Читать – это модно? // Библиотечное дело. 2006. № 10. С. 25-26.
55. Венедиктова Т.Д. Разночтение как культурный ресурс / Т.Венедиктова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/99/ve35.html> (дата посещения 21.07.2013).
56. Водянова Н. В. Самореализация личности в пространстве Интернета в контексте коммуникативной антропологии / Н. В. Водянова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 11. С. 57-62.
57. Волков В. В. О концепции практик(и) в социальных науках [Электронный ресурс] / В. В. Волков. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/234/149/1217/002.volkov.pdf> (дата обращения: 30.11.2013).

58. Волков В. В. О концепции практик(и) в социальных науках / В. В. Волков // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9-23.
59. Волков В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хархордин. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 297 с.
60. Волкова В. Н. Читатель и чтение в медиапространстве: попытки осмысления (по материалам сибирских и дальневосточных исследований) / В. Н. Волкова // Труды ГПНТБ СО РАН. 2011. № 2. С. 87-96.
61. Волошина С. В. Автобиографические тексты в Интернете: жанровый и дискурсивный аспекты анализа / С. В. Волошина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 5-13.
62. Вулз Б. Интернет как друг и враг, как помощник и препона [Электронный ресурс] / Б. Вулз, Д. Лоушер // Школьная библиотека. 2003. № 7. С. 9-16. Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=74 (дата обращения: 14.09.2014).
63. Выбор Vogue. Охотники // Vogue. 2005. № 2. С. 41.
64. Гаджиев А. Сетература: история, типология и поэтика русской сетевой литературы : тезисы лекций в Бакинском Славянском университете / А. Гаджиев. Баку : Мутарджим, 2012. 120 с.
65. Галактионова Т. Г. «Открытое чтение» – концептуальная характеристика чтения как социально-педагогического феномена открытого образования / Т. Г. Галактионова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 9, № 42. С. 122-132.
66. Гендина Н. И. Библиотеки и «многократная грамотность» / Н. И. Гендина // Библиосфера. 2010. № 2. С.13-22.
67. Гендина Н. И. Информационная грамотность в контексте других видов грамотности: дайджест зарубежного опыта / Н. И. Гендина // Школьная библиотека. 2009. № 9/10. С. 28-39.
68. Гендина Н. И. Информационная культура личности или информационная грамотность: российский и международный форматы обсуждения проблемы [Электронный ресурс] / Н. И. Гендина, Е. Л. Кудрина // Материалы Конференции

- «Крым–2004». Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=158 (дата обращения: 14.05.2014).
69. Гендина Н. И. Формирование информационной и медиаграмотности в условиях информационного общества: новая инициатива ЮНЕСКО и проблемы российского информационного образования / Н. И. Гендина // Научный диалог. 2012. № 1. С. 140-161.
70. Генис А. Довлатов и его окрестности [Электронный ресурс] / А. Генис // Иностранная литература. 1998. № 6. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/6/genis.html> (дата обращения: 14.05.2013).
71. Генис А. Довлатов и его окрестности [Электронный ресурс] / А. Генис // Иностранная литература. 1998. № 7. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/genis.html (дата обращения: 07.10.2014).
72. Герасимова О. Ю. Самоорганизующееся сетевое общество / О. Ю. Герасимова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10, ч. 1 (48). С. 52-54.
73. Голубева Л. Н. Метаморфозы массовой культуры: человек в виртуальном пространстве / Л. Н. Голубева // Культурология. 2011. № 1. С. 35-43.
74. Гончаренко А. К. Гипертекст как основа мультимедийных технологий / А. К. Гончаренко // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2010. № 3. С. 202-204.
75. Григорьев В. В. Медиа- и информационная грамотность: новое понятие, контекст, всероссийская конференция / В. В. Григорьев, Е. И. Кузьмин // Медийно-информационная грамотность в России: дорога в будущее : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. «Медиа- и информационная грамотность в информационном обществе. Москва, 2014. С. 5-12.
76. Грисволд В. Чтение и класс читателей в XXI веке [Электронный ресурс] / В. Грисволд, Т. Мак-Доннел, Н. Райт. Режим доступа:

http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=318 (дата обращения: 16.02.2013).

77. Громов П. Е. К вопросам культурообразующих функций Интернета как гипертекстовой системы / П. Е. Громов // Молодой ученый. 2013. № 6. С. 767-772.

78. Губанова А. Ю. Подростки в Интернет-среде: общение, чтение, поведение / А. Ю. Губанова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2 (103). С. 184-190.

79. Гудков Л. Абортивная модернизация / Л. Гудков. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 630 с.

80. Гудков Л. Российская повседневность : доклад к X науч.-практ. конф. Гуманитарного университета «Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках», 5-6 апреля 2007 г. / Л. Гудков. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2007. 44 с.

81. Гудков Л. Д. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы [Электронный ресурс] / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 166–202. Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=249 (дата обращения: 20.10.2013).

82. Гудов В. Социокультурная миссия бестселлера / В. Гудов // Арт-рынок Екатеринбурга: стихия и управление : материалы науч.-теорет. семинара. Екатеринбург, 2001. С. 12-16.

83. Гудова М. Женские глянцевого журналы: хронотоп воображаемой повседневности / М. Гудова, И. Ракипова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 238 с.

84. Гудова М. Ю. Камо Грядеши: от апокалиптических к футуристическим концепциям чтения / М. Ю. Гудова, В. А. Гудов // Российский человек в «разломе эпох»: quo vadis? : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Гуманит. ун-та. Екатеринбург, 2012. Т. 1. С. 232-238.

85. Гусева Л. Н. Читатель и пользователь: метаморфоза чтения в электронном мире [Электронный ресурс] / Л. Н. Гусева // Библиотечное дело. 2004. № 2. С. 2–

5. Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=252 (дата обращения: 14.09.2014).
86. Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей [Электронный ресурс] / Г. Гусейнов // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.03.2014).
87. Гуссерль Э. Картезианские размышления/ Гуссерль Э. Санкт-Петербург : Наука: Ювента, 1998.315с.
88. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2004. 400 с.
89. Даренский В. Ю. Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности / В. Ю. Даренский // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3. С. 22-28.
90. Делез Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари ; пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина ; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 670 с.
91. Делез Ж. Критика и клиника / Ж. Делез. Санкт-Петербург : Machina, 2002. 240 с.
92. Деррида Ж. О грамματοлогии / Ж. Деррида ; пер с фр. Н. Автономовой. Москва : Ad Marginem, 2000. 512 с.
93. Добычина Н. В. Онтология виртуального пространства: информация, символ, гипертекст / Н. В. Добычина // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 468.
94. Дорохина С. В. Интернет как инструмент стимулирования читательской активности молодежи: социокультурные и педагогические проблемы / С. В. Дорохина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 6 (50). С. 236-239.
95. Дорохина С. В. Интернет-руководство чтением молодежи как средство развития и поддержки чтения в информационном обществе : автореф. дис. ...

- канд. пед. наук / С. В. Дорохина ; Московский гос. университет культуры и искусств. Москва : [б. и.], 2014. 22 с.
96. Дроздова О. Ф. «Кружок любителей чтения», «чтение по кругу» или «круг читателей»? / О. Ф. Дроздова // Сибирский учитель. 2012. № 80. С. 73-75.
97. Дубин Б. Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре : сб. ст. / Б. Дубин. Москва : Новое литературное обозрение, 2010. 345 с.
98. Дубин Б. Слово – Письмо – Литература / Б. Дубин. Москва : НЛО, 2005. 416 с.
99. Дубин Б. Чтение в России– 2008. Тенденции и проблемы / Б. Дубин, Н. Зоркая. Москва : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. 80 с.
100. Дубровская О. Г. Социальные и дискурсивные практики как результат осмысления взаимосвязи культуры, мышления, языка / О. Г. Дубровская // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 245-250.
101. Дудолодова М. М. «Следы» советского в современной городской культуре (на примере дискурсивных «книжных» практик) / М. М. Дудолодова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 20-22.
102. Езова С. О возрождении «теории мостов»: от метода руководства чтением к новым способам общения / С. Езова // Библиотечное дело. 2006. № 11. С. 28.
103. Еремеев А. Ф. Границы искусства: социальная сущность художественного творчества / А. Ф. Еремеев. Москва : Искусство, 1987. 320 с.
104. Еремеев А. Первобытная культура: происхождение, особенности, структура : курс лекций : в 2 ч. / А. Еремеев. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1997.
105. Ерофеев Ю. В. Интернет-анекдот как особый вид юмористического дискурса / Ю. В. Ерофеев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 3-1. С. 163-166.

106. Ерошенко Е. Дополнительное чтение [Электронный ресурс] / Е. Ерошенко. Режим доступа: http://article.tech-labs.ru/52_31430.html (дата обращения: 02.07.2013).
107. Жарков И. А. Технология редакционно-издательского дела [Электронный ресурс] / И. А. Жарков. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook077/01/part-005.htm> (дата обращения: 30.02.2013).
108. Жеребкина И. «Прочти мое желание...» : Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. Москва : Идея Пресс, 2000. 256 с.
109. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии / И. Жеребкина. Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. 307 с.
110. Жукова М. В. «Информационная грамотность» как культуuroобразующий фактор современного общества / М. В. Жукова // Science Time. 2014. № 12. С. 191-196.
111. Закс Л. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология / Л. Закс // Социология: современность и перспективы : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013. С. 145-156.
112. Закс Л.А. Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности / Л. Закс // Институциональная культурология : сб. статей. Санкт-Петербург, 2013. С. 6-23.
113. Засурский И. «В интернете сейчас большая стройка» / И. Засурский // Университетская книга. 2012. № 5. С. 14-18.
114. Зенгер П. Чтение в позднем Средневековье / П. Зенгер // История чтения в западном мире: от античности до наших дней. Москва, 2008. С. 161-190.
115. Зоркая Н. Тенденции в чтении россиян в 90-е годы: на материале опросов ВЦИОМ 1992-1997 гг. / Н. Зоркая // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 3. С. 44-49.
116. Зубков И. Г. Позиция интерактивного контента в медиапространстве. Сетевой текст / И. Г. Зубков // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 10 (30). С. 22.

117. Иванов В. Е. Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде / В. Е. Иванов // Мир психологии. 2000. № 2. С. 52-56.
118. Иванова С. В. Комментарий как интернет-медиа-текст / С. В. Иванова // Проблемы языка и культуры: поликультурализм и мультилингвальность : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Кемерово, 2013. С. 112-117.
119. Ивашина М. В. Автопробег «километры и килобайты»: куда ведёт дорога? / М. В. Ивашина // Библиотечное дело. 2013. № 23. С. 6-11.
120. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход / В. Изер // Современная литературная теория : антология. Москва, 2004. С. 201-224.
121. Изер В. Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание [Электронный ресурс] / В. Изер. Режим доступа: <http://independent-academy.net/science/library/iser.html> (дата обращения: 07.08.2013).
122. Измалкова А. И. Задача визуального распознавания слов при чтении на родном и на иностранном языках / А. И. Измалкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 16 (702). С. 34-43.
123. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. Ильин. Москва : Интрада, 1996. 253 с.
124. Ингарден Р. Схематичность художественного произведения / Р. Ингарден // Очерки по философии литературы / Р. Ингарден. Благовещенск, 1999. С. 40-71.
125. Ионесов В. И. К типологии культурных изменений: трансформация культуры и манифестации перехода / В. И. Ионесов // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2007. № 2. С. 42-48.
126. Ионин Л. Социология в обществе знаний (от эпохи модерна к информационному обществу) / Л. Ионин. Москва : ГУ-ВШЭМ, 2007. 350 с.
127. Ионин Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : ГУ ВШЭ, 2004. 426 с.

128. Иригарэ Л. Как нам создавать свою красоту / Л. Иригарэ // Гендерная теория и искусство : антология 1970-2000. Москва, 2005. С. 417-421.
129. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Всероссийская библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино. Москва : ФАИР, 2008. 542 с.
130. Каган М. С. Воображение как онтологическая категория [Электронный ресурс] / М. С. Каган // Виртуальное пространство культуры : материалы науч. конф. Санкт-Петербург, 2000. Режим доступа: http://www.anthropology.ru/ru/texts/kagan/virtual_24.html (дата обращения: 15.06.2014).
131. Каган М. С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений / М. С. Каган. Москва : Политиздат, 1988. 320 с.
132. Каган М. С. Философия культуры / М. С. Каган. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. 416 с.
133. Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). Москва : Политиздат, 1974. 328 с.
134. Каган М. С. Эстетика как философская наука / М. С. Каган. Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. 544 с.
135. Кантор М. Бунт официанта / М. Кантор // Эксперт. 2013. № 30/31. С. 62-65.
136. Карасик В. И. Культурные концепты: проблема ценностей / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996. С. 3-16.
137. Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! / Жан-Клод Карьер, Умберто Эко. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2010. 336 с.
138. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Электронный ресурс] / М. Кастельс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/05.php (дата обращения: 04.12.2014).
139. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / Гос. ун-т - Высш. шк. экономики, Ин-т гуманитар. ист.-теорет. исслед. ; [отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев]. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. 533 с.

140. Кловак Е. В. Развитие жанров современной прозы / Е. В. Кловак // Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации : материалы I Междунар. науч.-практ. междисциплинар. Интернет-конф. Якутск, 2013. С. 31.
141. Кляйн М. Детский психоанализ / М. Кляйн. Москва : Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. 160 с.
142. Коваленко И. Н. Гиперссылка, гипертекст, гипермедиа / И. Н. Коваленко // Информатика и образование. 2007. № 9. С. 124-125.
143. Колесникова И. А. Новая грамотность и новая неграмотность 21 столетия [Электронный ресурс] / И. А. Колесникова // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 2. С. 1-14. Режим доступа: <http://LLL21.petrso.ru> (дата обращения: 17.04.2014).
144. Колесова Д. В. Речевой портрет блогера / Д. В. Колесова // Интернет-пространство: речевой портрет пользователя : коллективная монография. Санкт-Петербург, 2012. С. 55-110.
145. Колокольцева Т. Н. Интертекстуальность и гипертекстуальность в интернет-коммуникации: к вопросу о соотношении категорий / Т. Н. Колокольцева // Грани познания. 2014. № 1 (28). С. 30-34.
146. Колокольцева Т. Н. Новая эра интертекстуальности: глобализация интертекстуальных связей в интернет-эпоху / Т. Н. Колокольцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 61-66.
147. Колосова Е. А. Динамика воспроизводства традиционных и инновационных практик детского чтения / Е. А. Колосова // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 3. С. 209-215.
148. Компанцева Л. Ф. Успешная интернет-коммуникация как модель самоидентификации и самопрезентации личности в постсоветском социуме (дискурсивно-методологический опыт) / Л. Ф. Компанцева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2008. № 4. С. 10-17.

149. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл / А. Компаньон. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 335 с.
150. Кондратьева О. Н. Молодые читатели в Интернете / О. Н. Кондратьева, М. М. Самохина. Москва : Рос. гос. библиотека для молодёжи, 2011. 156 с.
151. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации / под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.
152. Корман Б. Автор литературного произведения и читатель / Б. Корман // Избранные труды. Теория литературы / Б. Корман. Ижевск, 2006. С. 209-212.
153. Корман Б. О целостности литературного произведения / Б. Корман // Избранные труды. Теория литературы / Б. Корман. Ижевск, 2006. С. 218-220.
154. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна [Электронный ресурс] / С. Корнев // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1998/32/korn.html> (дата обращения: 25.04.2014).
155. Коршунов Д. С. Общее и специфическое в буквенном и иероглифическом чтении: экспериментальное исследование / Д. С. Коршунов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 36, ч. 1. С. 66-71.
156. Косарева М. А. Гипертекстуальность блогов: медиасреда как посредник / М. А. Косарева // Вестник Омского университета. 2010. № 3. С. 105-108.
157. Костин А. В. Информационное общество как сетевое общество / А. В. Костин // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 1 (25). С. 102-112.
158. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А. В. Костина. Москва: ЛИБРОКОМ. 2013. 352 с.
159. Костина А. В. Массовая культура: исповедальность как публичная психотерапия / А. В. Костина // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2013. № 9. С. 13-19.
160. Костина И. Б. Имя автора, историчность и дискурсивные практики в археологии знания М. Фуко / И. Б. Костина, А. Б. Костин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1 (30). С. 107-110.

161. Коэн Р. Социальные последствия современного технического прогресса [Электронный ресурс] / Р. Коэн. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/Koen_SocPosl.php (дата обращения: 18.09.2013).
162. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецких и русских лингвокультурах / Н. А. Красавский. Волгоград : Перемена, 2001. 493 с.
163. Краснаярова О. В. Гипертекст как коммуникативное пространство / О. В. Краснаярова // Обсерватория культуры. 2011. № 4. С. 108-115.
164. Краснаярова О. В. Феномен гипертекста и гиперссылки / О. В. Краснаярова // Вопросы теории и практики журналистики. 2012. № 1. С. 46-54.
165. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. Москва, 2000. С. 427-457.
166. Кристева Ю. Изоляция, идентичность, опасность, культура... [Электронный ресурс] / Ю. Кристева // Вестник Европы. 2005. № 15. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/kri26.html> (дата обращения: 23.05.2014).
167. Кристева Ю. Полилог / Ю. Кристева. Киев : Юниверс, 2005. 480 с.
168. Круглова Т. А. Практики повседневности / Т. А. Круглова // Культурологическое измерение феномена повседневности. Екатеринбург, 2012. С. 182-186.
169. Крылова Н. Б. Новое поколение – новые технологии в привлечении к чтению классики / Н. Б. Крылова, З. В. Руссак // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. Т. 38, № 2 (38). С. 22-27.
170. Кузнецов С. Ощупывая слона: заметки по истории русского Интернета / С. Кузнецов. Москва : НЛЮ, 2004. 451 с.
171. Кузьмицкая Н. А. Способы перекодирования профессиональной информации при чтении профессиональных текстов / Н. А. Кузьмицкая, Т. В. Николаева // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2010. № 3. С. 117-118.
172. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения / М. Н. Куфаев. Москва : Наука, 2004. 190 с.

173. Кучина С. А. Электронная литература: жанровые, семантические и структурные особенности / С. А. Кучина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1, ч. 2. С. 119-123.
174. Лапошина Д. А. От линейного текста к гипертексту: отражение в работах Ж. Деррида / Д. А. Лапошина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 11, ч. 1. С. 30-32.
175. Лапошина Д. А. Электронный гипертекст и «диалогизм» М. Бахтина: точки соприкосновения / Д. А. Лапошина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2, ч. 2. С. 119-121.
176. Лапошина Д. А. Электронный гипертекст сквозь призму концепции ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари / Д. А. Лапошина // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 675.
177. Ласкина Н. О. Функции автокомментирования в эссе Марселя Пруста «О чтении» / Н. О. Ласкина // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 94-101.
178. Лауреаты Нобелевской премии по литературе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://noblit.ru/content/section/4/33/> (дата обращения: 14.05.2014).
179. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / Ж. Ле Гофф ; [пер. с фр. А. М. Руткевича]. 2-е изд. Санкт-Петербург : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 156 с.
180. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. Е. В. Морозовой. Москва : Прогресс, 2001. 440 с.
181. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; [пер. с фр. ; под общ. ред. В. А. Бабинцева ; послесл. А. Я. Гуревича]. Екатеринбург : У-Фактория, 2005. 560 с.
182. Леонова Е. П. Социальное пространство и время в дискурсивных практиках общества / Ею П. Леонова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2011. № 9 (63). С. 58-61.

183. Липовецкий М. Паралогии: трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920– 2000-х годов / М. Липовецкий. Москва : НЛО, 2008. 840 с.
184. Липовецкий М. Возвращение тритона: советская катастрофа и постсоветский роман / М. Липовецкий, А. Эткинд // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 234-257.
185. Литовская Е. В. Динамика развития речевого портрета Вероники Белоцерковской: от блога к книге : магистерская диссертация / Е. В. Литовская ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, Департамент «Филологический факультет», Кафедра риторики и стилистики русского языка. Екатеринбург, 2014. 161 с.
186. Лихачев Д. С. Книжное чтение и почитание книжное / Д. С. Лихачев // Раздумья / Д. С. Лихачев. Москва, 1991. С. 315.
187. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, вып. 1. С. 3-9.
188. Лихачев Д. С. Раздумья / Д. С. Лихачев. Москва : Детская литература, 1991. 316 с.
189. Лицарева К. С. Типологические черты сетературы. Проблема автора и читателя / К. С. Лицарева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 2, № 2. С. 125-127.
190. Лотман Ю. М. Великосветские обеды / Ю. М. Лотман, Е. А. Погосян. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1996. 320 с.
191. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. Москва : Языки русской культуры, 1999. 464 с.
192. Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман. Таллин : Александра, 1992. 479 с.
193. Лотман Ю. М. Текст в процессе движения: автор – аудитория, замысел – текст / Ю. М. Лотман // Чтение с листа, с экрана и «на слух»: опыт России и

других стран : сб. материалов для руководителей программ по продвижению чтения / сост.: Е. Ю. Гениева, Ю. П. Мелентьева. Москва, 2009. С. 47-70.

194. Лотман Ю.М. Текст в тексте [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман. Режим доступа: http://old.eu.spb.ru/ethno/courses/conspects/lotman_codes4.doc (дата обращения: 13.09.2014)

195. Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема [Электронный ресурс] / Ю. М. Лотман // Статьи по семиотике и топологии культуры. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/20.php (дата обращения: 13.09.2014).

196. Мазлиш Б. Глобальное и локальное: понятия и проблемы [Электронный ресурс] / Б. Мазлиш. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/mazlish_bruce.pdf (дата обращения: 29.04.2014).

197. Макеева О. В. Социокультурные практики населения как основа формирования потребности в книге и чтении / О. В. Макеева // Макушинские чтения. 2012. № 9. С. 215-221.

198. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры [Электронный ресурс] / М. Маклюэн ; пер. А. Юдина. Киев : Ника-Центр, 2003. 432 с. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan=galaktika_gutenberg.pdf (дата обращения: 30.11.2014).

199. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего / М. Маклюэн ; пер. И. О. Тюриной. Москва : Академический проект : Мир, 2005. 496 с.

200. Максимова Е. С. Языковые особенности манифестации гипертекстовой модели мира: на материале романа Д. Галковского «Бесконечный тупик» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. С. Максимова ; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону : [б. и.], 2009. 26 с.

201. Мамонтова М. С. Традиционная или электронная: какую книгу читать? [Электронный ресурс] / М. С. Мамонтова // Библиография. 2008. № 1. С. 28-31.

Режим доступа: <http://www.nlr.ru/prof/reader/prozam/press/2008/mamontova.html>
(дата обращения: 16.07.2013).

202. Мангуэль А. История чтения / А. Мангуэль ; пер с англ. М. Юнгер. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 381 с.

203. Маркова Т. Б. Страсть к чтению: чтение и читатель в истории европейского искусства / Т. Б. Маркова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2007. № 1. С. 77-83.

204. Маркович В. М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы) / В. М. Маркович. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 208 с.

205. Матвеева И. Ю. Читать подано! Социальные сети в поддержку и продвижение чтения / И. Ю. Матвеева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. Т. 23, № 3. С. 25-31.

206. Мелентьева Ю. П. Аудиочтение: исторические истоки и современная ситуация [Электронный ресурс] / Ю. П. Мелентьева // Научные и технические библиотеки. 2008. № 9. С. 45-50. Режим доступа: <http://www.nlr.ru/prof/reader/prozam/press/2008/melentjeva1.html> (дата обращения: 27.04.2014).

207. Мелетьева Ю. П. Глобализационные процессы в сфере чтения: попытки осмысления [Электронный ресурс] / Ю. П. Мелетьева // Крым– 2006 : материалы конф. Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=277 (дата обращения: 18.09.2013).

208. Мелентьева Ю. П. От нации читателей к нации зрителей. Эволюция чтения и его изучения [Электронный ресурс] / Ю. П. Мелентьева // Библиотечное дело. 2006. № 10. С. 2-6. Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=278 (дата обращения: 18.09.2013).

209. Мелентьева Ю. П. Понятие «культура чтения» в контексте русской культурной традиции [Электронный ресурс] / Ю. П. Мелентьева. Режим доступа: rus.readorg.ru (дата обращения: 18.09.2013).

210. Мелентьева Ю. П. Понятие «чтение» и «культура чтения» в контексте русской культурной традиции / Ю. П. Мелентьева // Библиография. 2008. № 1. С.48-52.
211. Мелентьева Ю. П. Чтение в культуре повседневности. Обыденное чтение как распространенная современная модификация чтения. Постановка проблемы / Ю. П. Мелентьева // Библиосфера. 2014. № 3. С. 7-10.
212. Мелентьева Ю. П. Чтение: явление, процесс, деятельность / Ю. П. Мелентьева. Москва : Наука, 2010. 180 с.
213. Мелентьева Ю. П. Эволюция понимания сущности чтения / Ю. П. Мелентьева // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С.68-72.
214. Мельникова Е. «Воображаемая книга». Очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России / Е. Мельникова. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 184 с.
215. Мода в книжной культуре: границы дозволенного : сб. науч. ст. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; науч. ред., сост. В. Я. Аскарлова. Челябинск, 2010. 167 с.
216. Мое мужское Я (Как у мужчин = все не как у людей?) // Cosmopolitan. 2004 № 5. С. 148-151.
217. Москвин В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология / В. П. Москвин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 54-61.
218. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н. В. Мотрошилова. 2-е изд., расшир. и испр. Москва : ИФРАН : Канон+ : Реабилитация, 2010. 480 с.
219. Мьер К. Ю. Он-лайн библиотека и классический литературный канон в постсоветской России [Электронный ресурс] / К. Ю. Мьер. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/109/m32.html> (дата обращения: 12.04.2014).
220. Мясникова Л.А. Визуальная репрезентация повседневности в современном медиаобществе / Л.А. Мясникова, А.В. Дроздова, Ю.В. Архипова // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С.168-172.

221. Мясникова Л.А. Самоопределение женщины: пол-функция и пол-сущность / Л.А. Мясникова // Известия Уральского федерального университета. Сер.3: Общественные науки. 2014. Т. 131, № 3. С.67-75.
222. Национальная программа поддержки и развития чтения / Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Российский книжный союз. Москва : МЦБС, 2007. 19 с.
223. Некрасов С. Н. Жизненные сценарии женщин и сексуальность / С. Н. Некрасов, И. В. Возилкин. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. 168 с.
224. Неретина С. С. Концепт / С. С. Неретина // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва, 2009. С. 387-389.
225. Нестерова Н. Г. Интернет-радио как новый тип медиа и основа новых дискурсивных практик / Н. Г. Нестерова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 20-24.
226. Николаева Е. В. Цифровое фрактальное искусство: манифестации философских и художественных смыслов / Е. В. Николаева // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 325-328.
227. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н. А. Николина. Москва : Флинта : Наука, 2002. 424 с.
228. Нургалева Л. В. Эволюция мультимедийного дискурса. Интерсенсорный моделинг коммуникаций / Л. В. Нургалева // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 9/10. С. 258-263.
229. Общественное мнение – 2011 / сост. Н. Зоркая. Москва : Левада-Центр, 2012. 284 с.
230. Овсепян Р. История новейшей отечественной журналистики : учебное пособие [Электронный ресурс] / Р. Овсепян. Москва : Изд-во МГУ, 1999. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Ovsep/Index.php (дата обращения: 17.09.2014).
231. Овчинникова М. М. Медиабезопасность поколения next: от чего и как защищать молодежь? / М. М. Овчинникова // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). С. 70-73.

232. Олесина Е. П. Сетература - новая форма или новый смысл? / Е. П. Олесина // Мир психологии. 2014. № 4. С. 183-193.
233. Остапова И. В. Электронная книга как объект цифровой библиотеки [Электронный ресурс] / И. В. Остапова, В. А. Широков. Режим доступа: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea98/doc1/doc85.html> (дата обращения: 15.09.2014).
234. От свитка до интернета: библиотека, образование, чтение : научно-методический альманах / гл. ред. Л. В. Дудова. Москва, 2010.
235. Панпурин В. А. Внутренний мир личности и искусство / В. А. Панпурин. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 212 с.
236. Паперно И. Н.Г. Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно. Москва : Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
237. Паркс М. Читать, переписывать и толковать тексты: монастырские практики Раннего Средневековья / М. Паркс // История чтения в западном мире: от античности до наших дней. Москва, 2008. С. 122-138.
238. Петров Д. Б. Современный мир: книжность или посткнижность [Электронный ресурс] / Д. Б. Петров. Режим доступа: www.sgu.ru/node/43167/nauchnye-meropriyatiya-v-kotoryh-uchastvovali (дата обращения: 24.10.2014).
239. Петровская Е. В. Кризис чтения или кризис качества чтения? / Е. В. Петровская // Universum: Вестник Герценовского университета. 2007. № 10. С. 51-54.
240. Пиванова Э. В. К вопросу о метапоэтике комментария: по материалам XI Лотмановских чтений / Э. В. Пиванова // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 327-338.
241. Поветьева Е. В. Проблемы теорий интертекстуальности в современном языкознании / Е. В. Поветьева // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 8. С. 39-44.
242. Поддубная Л. В. Создание гипертекстовой реальности современными информационными средствами / Л. В. Поддубная // Вестник Белгородского

- государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2014. № 1. С. 243-248.
243. Полан Ж. Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности / Ж. Полан. Санкт-Петербург : Наука, 2000. 336 с.
244. Поластрон Л. Книги в огне: история бесконечного уничтожения библиотек / Л. Поластрон. Москва : Текст, 2007. 397 с.
245. Пономаренко И. Н. Постмодернизм и гипертекст / И. Н. Пономаренко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. 2005. № 7. С. 98-103.
246. Правкина С. Н. Гипертекст как проявление текста в интернете / С. Н. Правкина, И. Н. Григоренко // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2, Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 146-149.
247. Принцесса Нури, Англomania // ELLE. 2002. № 9. С. 301-315.
248. Продвижение чтения в социальных медиа : материалы междунар. конф. // Университетская книга. 2013. № 2 (2). С. 30-33.
249. Профессиональное и досуговое чтение учителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mubiblioteka.ru/professionalnoe_i_dosugovoe_chtenie_uchiteley (дата обращения: 19.05.2014).
250. Прокудин Д.Е. Информационные технологии в образовании и их роль в формировании техногенной культуры : автореф. дис. ...д-ра филос. наук / Д. Е. Прокудин ; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2012. 33 с.
251. Прокудин Д.Е. «Цифровая культура» VS «Аналоговая культура» / Прокудин Д.Е., Соколов Е.Г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 4. С.83-91.
252. Прудникова Ю. И. Комментарий как инструмент отображения языковой картины мира / Ю. И. Прудникова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5, ч. 3. С. 793-797.

253. Пруст М. Обретенное время / М. Пруст. Москва: Наталис. 1999. – 350с.
254. Равинский Д. История чтения: раздвигая границы исследовательского пространства [Электронный ресурс] / Д. Равинский. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1791/1813/index.html> (дата обращения: 29.04.2014).
255. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд ; пер. с англ. А. Гарькавого. Москва : ФАИР ПРЕСС, 2006. 416 с.
256. Рейтблат А. Как Пушкин вышел в гении : Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 330 с.
257. Рейтблат А. И. Комментарий в эпоху Интернета [Электронный ресурс] / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/re8.html> (дата обращения: 18.09.2014).
258. Рикер П. Манифестация и прокламация / П. Рикер, И. Иткин // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1, ч. 2. С. 178-196.
259. Ровинская Т. Л. Информационное общество: теория и практика / Т. Л. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 81-90.
260. Роденберг Б. Empowerment. Влияние женщин на характер власти [Электронный ресурс] / Б. Роденберг, К. Вихтерих. Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/empowerment/3.htm> (дата обращения: 29.09.2011).
261. Романова Т. В. Соотношение понятий текст–дискурс–гипертекст–сверхтекст в современных гуманитарных исследованиях / Т. В. Романова // Функциональная лингвистика. 2011. № 2. С. 165-167.
262. Росінська З. Саможність реципієнта. Психоаналітичні точки зору / З. Росінська // Литература. Теорія. Методологія. Київ, 2008. С. 39-142.
263. Савченков А. В. Проблема интересубъективности в дискурсивных практиках / А. В. Савченков // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2012. № 2. С. 151-155.

264. Самохина М. М. Молодые читатели в Интернете. (Наблюдения социолога) [Электронный ресурс] / М. М. Самохина // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/sa26.html> (дата обращения: 23.09.2014).
265. Самохина М. М. О реальном месте чтения в жизни современного молодого человека [Электронный ресурс] / М. М. Самохина. Режим доступа: <http://vmo.rgub.ru/research/articles/samokhina.php> (дата обращения: 19.09.2013).
266. Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта / Н. Самутина // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 137-194.
267. Сартр Ж. П. Воображаемое / Ж. П. Сартр. Санкт-Петербург : Наука, 2001. 320 с.
268. Сартр Ж. П. Что такое литература? / Ж. П. Сартр ; пер. Н. И. Полторацкая. Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. 467 с.
269. Саяпин В. О. Виртуальная коммуникация как гипертекст / В. О. Саяпин // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 1.1. С. 141-146.
270. Саяпин В. О. Смысловые реалии гипертекста в виртуальной коммуникации / В. О. Саяпин // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3 (11). С. 105-113.
271. Селиверстова Н. А. Книжные культуры стран СНГ и Балтии: прошлое и настоящее / Н. А. Селиверстова. Москва : Наука, 2006. 291 с.
272. Селиверстова Н. А. Социальные практики чтения контента интернета в студенческой среде / Н. А. Селиверстова // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 213-217.
273. Семенец Е. А. Доминанты идентичности индивида в дискурсивных практиках медиасферы / Е. А. Семенец // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. науч. работ I Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2014. С. 132-138.
274. Сергеева О. В. Книги как медиа / О. В. Сергеева // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2011. Т. 1, № 7-13. С. 68-75.

275. Серова Т. С. «Гипертекст» в информационных сетевых коммуникациях / Т. С. Серова, Н. К. Сюльжина // Школьные технологии. 2006. № 3. С. 176-178.
276. Сиксу Э. Выходы / Э. Сиксу // Гендерная теория и искусство : антология 1970-2000 / под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. Москва, 2005. С. 47-56.
277. Сиксу Х. Три ступени на лестнице литературного творчества / Х. Сиксу // Гендерные исследования. 2003. № 9. С. 3-15.
278. Синцов Е. В. Орнамент как метаязык хронологических представлений культуры (к развитию одной идеи И. Канта) [Электронный ресурс] / Е. В. Синцов. Режим доступа: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1999web3/phy1/199930507.html> (дата обращения: 26.04.2013).
279. Синцов Е. В. Природа невыразимого в искусстве и культуре: к проблеме жесто-пластических оснований художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке / Е. В. Синцов. Казань : ФЭН, 2003. 304 с.
280. Сметанникова Н. Н. Значение чтения для решения задач образования (о роли и месте преподавателя в средней и высшей школе) / Н. Н. Сметанникова // Homo legens-2. Москва, 2000. С. 150-156.
281. Смеюха В. В. Процессы идентификации и женская пресса / В. В. Смеюха. Ростов-на-Дону : Ростиздат, 2012. 318 с.
282. Смеюха В. В. Типология и модели современных женских журналов / В. В. Смеюха. Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2011. 125 с.
283. Смеюха В.В. Феномен гендерной идентификации в медийном пространстве : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.В. Смеюха ; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2012. 43 с.
284. Смирнов А. В. Дискурсивные практики как инструмент исследования повседневности / А. В. Смирнов // Вестник Орловского государственного университета. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 264-267.
285. Смирнова О. В. Феминизация Интернета: тенденции и прогнозы [Электронный ресурс] / О. В. Смирнова // Медиаскоп. 2009. Вып. № 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/271> (дата обращения: 03.07.2014).

286. Соболева О. В. К проблеме определения понятия «гипертекстуальность» / О. В. Соболева // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7 (336). С. 72-75.
287. Созина Е. К. Сознание и письмо в русской литературе / Е. К. Созина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 551 с.
288. Сонькин В. Отцы и дети в Интернете [Электронный ресурс] / В. Сонькин // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main9.html> (дата обращения: 17.04.2014).
289. Спиридонов Д. В. Х. Л. Борхес, У. Эко и две модели повествования (к вопросу о генезисе «нелинейного письма» в европейской литературе) / Д. В. Спиридонов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3. С. 15-21.
290. Статкевич И. А. Произведение искусства как манифестация интериорного измерения / И. А. Статкевич // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2009. № 2. С. 127-132.
291. Стефановская Н. А. Читатели о чтении – мир субъективных представлений / Н. А. Стефановская // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 110-118.
292. Суленева Н. В. Интермедийность режиссерского подхода в дискурсивном чтении / Н. В. Суленева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 3. С. 107-112.
293. Суминова Т. Н. Текст, контекст, гипертекст... (Размышления о художественном произведении) / Т. Н. Суминова // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 169.
294. Суржанская Ю. В. Концепт как философское понятие / Ю. В. Суржановская // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология 2011. № 2 (14). С. 70-78.
295. Сурина В. Н. Гипертекст как форма презентации информации в современном виртуальном коммуникативном пространстве / В. Н. Сурина // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. 2013. № 2. С. 266-268.

296. Танимов О. В. Обзор конференций по информационному праву за май – июль 2014 г. Библиотеки и социальные медиа: точки соприкосновения и векторы развития / О. В. Танимов, Э. Н. Валетдинова // Информационное право. 2014. № 4. С. 32-33.
297. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века / Элвин Тоффлер. Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. 669 с.
298. Тренева М. Г. Философское обоснование гипертекста / М. Г. Тренева // Magister Dixit : научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2011. № 3. С. 71-75.
299. Трубина Е. Г. Идентичность персональная / Е. Г. Трубина // Современный философский словарь / под. ред. В. Е. Кемерова. Москва, 2004. С. 254-261.
300. Трускова Е. А. Теория гипертекста в практике гиперпространства (на примере романов Б. Акунина "ФМ" и "Алтын-толобас") / Е. А. Трускова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 220-227.
301. Турышева О. Н. Истории о чтении в литературе и кинематографе XXI века / О. Н. Турышева, Д. В. Зенкова // Филологический класс. 2013. № 4 (34). С. 117-123.
302. Турышева О. Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы / О. Н. Турышева. Екатеринбург : Изд-во Урал.ун-та, 2011. 286 с.
303. Тюпа В. И. Дискурсивная практика теоретического мышления / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. 2009. № 13. С. 142-151.
304. Тюпа В. И. Теория как дискурсивная практика / В. И. Тюпа // Гуманитарная наука сегодня: дискурсы, границы, личные творческие коды. Москва, 2006. С. 29-43.
305. Тяглый А. Г. Fun code. Код фанфикшена / А. Г. Тяглый // На путях к новой школе. 2012. № 1. С. 95-99.
306. Урина В. Н. Понятия «текст», «дискурс» и «гипертекст» в справочной литературе / В. Н. Урина, В. А. Каменева // Язык и культура : материалы XI

- Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам когнитивной лингвистики. Томск, 2013. С. 225-233.
307. Ученова В. В. Полифония текстов в культуре / В. В. Ученова, С. А. Шомова. Москва : Омега-Л : ИМПЭ им. А.С.Грибоедова, 2003. 392 с.
308. Федоров А. В. От чтения книг – к чтению медиатекстов / А. В. Федоров // Медиаобразование. 2005. № 1. С. 113-116.
309. Федорова Н. А. Литература после седьмого дня. Автор и читатель в литературе гипертекста / Н. А. Федорова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 51. С. 108-112.
310. Финникова А. А. Российские и зарубежные программы поддержки чтения в сети интернет / А. А. Финникова // Макушинские чтения. 2006. № 7. С. 356-359.
311. Флиер А. Я. Манифестации культуры / А. Я. Флиер // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 14-19.
312. Фостер Т. Искусство чтения: как понимать книги / Т. Фостер. Москва : Манн, Иванов и Фарбер, 2015. 304 с.
313. Фуко М. Археология знания / М. Фуко ; общ. ред. Бр. Левченко. Киев : Ника-Центр, 1996. 208 с.
314. Фуко М. Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет / М.Фуко. Москва, 1996. С. 7-46.
315. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас. Москва : Весь мир, 2008. 416 с.
316. Холодная М. А. Интегральные структуры понятийного мышления / М. А. Холодная. Томск : Изд-во ТомГУ, 1983. 190 с.
317. Христофорова О. Б. О нарративах, границах и внимательном чтении / О. Б. Христофорова // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 492-500.
318. Чамина О. Г. К вопросу об исследовании гипертекстовых стратегий в сетевых изданиях СМИ (по материалам авторских блогов) / О. Г. Чамина // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2014. № 1 (65). С. 35-38.

319. Черняк М. А. Литература для «взрослых детей» и «инфантильных взрослых»: к вопросу о чтении современных подростков / М. А. Черняк // Библиотечное дело. 2011. № 11. С. 11-17.
320. Черняк М. А. Судьба читателя в эпоху «бублимира» [Электронный ресурс] / М. А. Черняк // Библиотечное дело. 2010. № 22 (136). С. 2-7. Режим доступа: http://www.library.ru/1/sociolog/text/article.php?a_uid=323 (дата обращения: 27.09.2014).
321. Чтение на евразийском перекрестке. Международный интеллектуальный форум : сб. материалов форума (Челябинск, 27-28 мая 2010 г.) / Челяб. гос. акад. культуры и искусств, факультет информ. ресурсов и технологий, кафедра библиотечной информ. деятельности ; сост.: В. Я. Аскарлова, Ю. В. Гушул. Челябинск, 2010. 296 с.
322. Чтение с листа, с экрана и «на слух»: опыт России и других стран : сб. материалов для руководителей программ по продвижению чтения / сост.: Е. Ю. Гениева, Ю. П. Мелентьева. Москва : РШБА, 2009. 255 с.
323. Чудинова В. П. «Сетевая» и «книжная» культуры в развитии подростка как читателя: союзники или «конкуренты»? / В. П. Чудинова, М. А. Бродский, А. И. Михайлова // Библиотечное дело. 2008. № 6. С. 46-51.
324. Шабанова М. А. Читатели в сети. О сообществах любителей чтения в интернете / М. А. Шабанова // Библиотечное дело. 2011. № 18. С. 31-34.
325. Шаповалова Н. С. Социальная память в посткнижной культуре / Н. С. Шаповалова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 3. С. 22-25.
326. Шартье Р. Книга уходит из нашей жизни? Читатели и чтение в эпоху электронных текстов [Электронный ресурс] / Р. Шартье. Режим доступа: <http://inauka.ru/analysis/article86905?subhtml> (дата обращения: 25.06.2014).
327. Шартье Р. Читатель в постоянно меняющемся мире [Электронный ресурс] / Р. Шартье. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/sh6.html> (дата обращения: 14.09.2014).

328. Шехтман Н. А. Гипертекст и семантическое обновление текста / Н. А. Шехтман // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 171-181.
329. Шехтман Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст / Н. А. Шехтман. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. 167 с.
330. Шехтман Н. А. Языковые и культурологические аспекты гипертекста / Н. А. Шехтман // Человек. Язык. Искусство : материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2001. С. 268-269.
331. Шилина М. Г. Гипертекст интернета как формат интеграции коммуникации: дата-журналистика / М. Г. Шилина // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2014. № 1. С. 192-199.
332. Шилина М. Г. Коммуникация в интернете: методологические основания исследования / М. Г. Шилина // Известия Юго-Западного государственного университета. 2014. № 4 (55). С. 127-130.
333. Шихов К. Л. Гипертекст: сетевые возможности / К. Л. Шихов // История и компьютер : информационный бюллетень. 2004. № 32. С. 80-81.
334. Шичанина Ю. В. От творца-субъекта к копирайтеру-модератору: трансформации феномена авторства в современной культуре / Ю. В. Шичанина // Философия и культура. 2013. № 6. С. 776-788.
335. Шматко Н. А. На пути к практической теории практики: [послесловие] [Электронный ресурс] / Н. А. Шматко // Практический смысл / П. Бурдьё. Санкт-Петербург, 2001. С. 548-562. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/shmatko-puti-k-prakticheskoy-teorii-praktiki> (дата обращения: 14.09.2014).
336. Шматко Н. Пути к практической теории практик [Электронный ресурс] / Н. Шматко. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/shmatko-puti-k-prakticheskoy-teorii-praktiki> (дата обращения: 27.04.2014).
337. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
338. Штайн О. А. Манифестация как дискурсивность / О. А. Штайн // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 3, ч. 1. С. 97-98.

339. Шумина И. О. «Не надейтесь избавиться от книг» – несколько способов «заразить человека чтением» / И. О. Шумина // Библиотечное дело. 2013. № 6 (192). С. 24-28.
340. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц ; пер. с нем. и англ. Москва : РОССПЭН, 2004. 1054 с.
341. Шюц А. Структура повседневного мышления / А.Шюц // Социологические исследования. 1995. № 2. С.129-131.
342. Экгардт Л. В. Гипертекст в интернете – переход в постгуттенберговскую эпоху / Л. В. Экгардт // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2010. № 5. С. 200-205.
343. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У. Эко. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php (дата обращения: 15.09.2014).
344. Эко У. Откровения молодого романиста / У. Эко. Москва : АСТ, 2013. 315 с.
345. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. Москва : Директ-Медиа, 2007. 950 с.
346. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко ; пер. с англ., с итал. С. Серебряный. Санкт-Петербург ; Москва : Симпозиум : РГГУ, 2007. 501 с.
347. Юмашева Н. Д. Чтение как практики культурного воспроизводства в студенческой среде : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Н. Д. Юмашева ; Моск. гуманитар. ун-т. Москва : [б. и.], 2008. 21 с.
348. Яковлев Л. С. Цифровые технологии в контексте антропологической революции / Л. С. Яковлев // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 52-61.
349. Alberts P. Multimodal Literacies: An Introduction / Alberts P., Sanders J. // Literacies, The Arts, and Multimodality. NCTE, K-College, 2010. P. 1-25.
350. Barton D. Local Literacies: Reading and Writing in One Community / D. Barton, M. Hamilton. London ; New York : Routledge, 1998.

351. Berleant A. Aesthetic Engagement / A. Berleant //19th International Congress of Aesthetics: Aesthetics in Action. Book of Abstracts. Krakow, 2013. P.10.
352. Bhola H. S. Program and Curriculum Development in the Post-Literacy Stages (A workshop manual) / Bhola H. S., Bhola J. K. Bonn, 1980. 263 p.
353. Dumont B. After literacy, teaching: paradoxes of post-literacy work / B. Dumont // Prospects. 1979. Vol. IX, № 2. P. 145-158.
354. Felman Sh. The claims of literature: a Shoshana Felman reader / Sh. Felman. New York : Fordham University Press, 2007. 538p.
355. Felman Sh. What Does a Woman Want? / Sh. Felman // The claims of literature: a Shoshana Felman reader. New York, 2007. P. 201-210.
356. Fischer S.R. A History of Reading. Reaction Books / S.R. Fischer. The Netherlands, 2005. 384p.
357. Friesen N. Old literacies and the “New” literacy studies: revisiting reading and writing [Electronic resource] / Norm Friesen // «Seminar. Net» : International Journal of Media, Technology and Long-learning. 2014. Vol. 10, issue 2. Mode of access: <http://seminar.net/volume-10-issue-2-2014/225-old-literacies-and-the-new-literacy-studies-revisiting-reading-and-writing> (дата обращения: 27.11.2014).
358. Hall R. The Myth of Post-feminism / R. Hall // Gender & Society. 2003. Vol. 17, № 6. P. 878-892.
359. Hongbao Niu. Table Painting and Easel Painting: A Cross-cultural Analysis Between Chinese and West Painting / Niu Hongbao // Books of Abstracts : 19-th International Congress of Aesthetics. Aesthetics in Action. Krakow, 2013. P. 154.
360. Hornby A. S. Oxford advanced learner's dictionary of current English / A. S. Hornby ; ed. by Sally Wehmeier. Oxford : Oxford university press, 2000. 1422 p.
361. Кас Е. Logoglyphs: Mark and Meaning [Electronic resource] / Е. Кас // Bunkier Sztuki Gallery of Contemporary Art. Mode of access: www.bunkier.art.pl (дата обращения: 15.09.2014).
362. Kelly M. Participatory Art; Ethics and Politics / М. Kelly. // 19th International Congress of Aesthetics: Aesthetics in Action. Book of Abstracts. Krakow, 2013. P. 27-28.

363. Kress G. Discourse Semiotics / Kress G., Leite-Garcia R., Theo van Leeuwen // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. London, 1997. Vol. 1. P. 257-291.
364. Kress G. Gains and losses: New forms of text, knowledge, and Learning / Kress G. // Computers and Composition. 2005. № 22. P. 5-22.
365. Kress G. Literacy in the New Media Age. Routledge / Kress G. London ; New York, 2003. 438p.
366. Kristeva J. For Shoshanna Felman: Truth and Art / Kristeva J. // The claims of literature: a Shoshana Felman reader. New York, 2007. P. 315-322.
367. Kumar B. Structure and organization of Post-literacy campaign in Nizamabad district / Kumar B. // Journal of Rural development. 1991. Vol. 12, Issue 4. P. 451-463.
368. Lasway R.B. The impact of Post-literacy. A Tanzanian case study / Lasway R.B. // International Review of Education. 1989. Vol. 35, Issue 4. P. 479-489.
369. MacLuen M. The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man / M. MacLuen. Toronto : Toronto University Press, 1962. 293p.
370. Macmillan English Dictionary for advanced learners. New edition. London, 2007. 1748 p.
371. Mills K. A. Multiliteracies: interrogating competing discourses / Kathy A. Mills // Language and Education. 2009. Vol. 23, №. 2. P. 103-116.
372. Mushi PA. Innovations in Adult- education – The changing perspective of the Post-literacy curriculum in Tanzania / Mushi PA. // International Review of Education. 1994. Vol. 40, Issue 2. P. 173-177.
373. Patrikis P. C. Reading Between the Lines. Perspectives on Foreign Language Literacy / P. C. Patrikis. New Haven ; London : Yale University Press, 2003. 475 p.
374. Ravindra H. D. Issues in post-literacy / Ravindra H. D., Adama O., Peter S. // International Review of Education. 1989. Vol. 35, Issue 4. P. 389-408.
375. Re-defining Post-Literacy in a Changing World [Electronic resource] / A. Rogers, B. Maddox, J. Millican, K. Newell Jones, U. Papen, A. Robinson-Pant // Education Research. 1999. № 29. Mode of access:

- <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/12881/1/er990029.pdf> (дата обращения: 14.12.2014).
376. Rogers A. Using literacy – A new approach to post-literacy materials / A. Rogers // Education Research Paper. 1994. № 10. P. 511-513.
377. Schmidt H. «Holy Cow» and «Eternal Flame»: Russian On-line Libraries [Electronic resource] / H. Schmidt // Kultura. 2009. № 1. P. 5. Mode of access: http://www.kultura-rus.de/kultura_dokumente/ausgaben/englisch/kultura_1_2009_EN.pdf (дата обращения: 14.03.2014).
378. Screws R. H. Paradoxes of Globalization, Liberalization and Equal Rights between Men and Women / R. H. Screws // Gender & Society. 2003. Vol. 17, № 4. P. 544-566.
379. Song Naiqing. The Retrospect and Prospect of Literacy and Post-literacy Development in China [Electronic resource] / Song Naiqing. Mode of access: <http://www.accu.or.jp/litdbase/pub/dlperson/pdf0106/rpp08.pdf> (дата обращения: 16.07.2014).
380. The Oxford Russian Dictionary. English – Russian. Moscow ; Oxford, 1999. 735 p.
381. Ugresic D. Thank You for Not Reading / D. Ugresic. Breda : Dalkey Archive Press, 2003. 224 p.
382. Wodiczko K. The War Veteran Projection [Electronic resource] / K. Wodiczko. Mode of access: <http://www.mocak.pl/projekcja-weteranow-wojennych-krzysztofa-wodiczko-na-krakowskim-rynku> (дата обращения: 11.11.2013).
383. Yang F.-C. I. International Women's Magazines and the Production of Sexuality in Taiwan [Electronic resource] / Yang F.-C. I. // The Journal of Popular Culture. 2004. Vol. 37, № 3. P. 505-529. Mode of access: www.americanpopularculture.com/journal/articles (дата обращения: 29.05.2014).
384. Yurchak A. The Cynical Reason of Late Socialism: Power, Pretense, and the Anekdot / A. Yurchak // Public Culture. 1997. Vol. 9, № 2. P. 163.
385. Zhu Q.P. Institutions of Post-literacy in China / Zhu Q.P., Dai R.G. // International Review of Education. 1989. Vol. 35, Issue 4. P. 511-513.